



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

или о томъ.
антисемитизмъ
Восточнаго вѣдѣнія

СЕКТА ІУДЕЕВЪ—СОГАРИСТОВЪ

ВЪ

ПОЛЬШѢ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ІОСИФЪ ФРАНКЪ

ЕГО УЧЕНИЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892.

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY



GIVEN BY

Dr. Mendelsohn

СЕКТА ІУДЕЕВЪ—СОГАРИСТОВЪ

ВЪ

ПОЛЬШЪ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЪ.

ІОСИФЪ ФРАНКЪ

ЕГО УЧЕНИЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Переводъ съ нѣмецкой рукописи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1892.

893.15
0774

Received from
Dr. Mendelsohn
6/52

LIBRARY
UNIVERSITY OF
MICHIGAN

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Прежде нежели приступить къ изложенію настоящаго историческаго разсказа изъ жизни «Іосифа Франка,» какъ основателя извѣстной секты евреевъ въ Польшѣ и Западной Европѣ подъ названіемъ «Франкисты,» а также начало извѣстнаго религіознаго ученія, послужившаго образованіемъ самой секты, я считаю необходимымъ изложить вкратцѣ исторію самаго ученія.

Въ 1874 году въ Варшавѣ издана была еврейская священная книга «Сеферъ Гаюшаръ» коею нѣкоторые евреи приписываютъ еще болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ Талмуду и которая у евреевъ имѣетъ высокое значеніе. На страницѣ 100 названной книги евреямъ приводится въ назиданіе примѣръ Іосифа сына Іакова, проданнаго своими братьями въ Египетъ, гдѣ онъ потомъ возвысился и сталъ первымъ послѣ Фараона.

При Іосифѣ, какъ извѣстно, былъ страшный семилѣтній голодъ, послѣ котораго мѣстное коренное населеніе обѣднѣло и закабалило себя въ рабство. Іосифъ повелъ такъ ловко и хитро свои дѣла, что изъ этого бѣдствія извлекъ только для себя существенную пользу, призвалъ своего отца и братьевъ и поселилъ ихъ въ лучшей мѣстности, приобрѣлъ много драгоценностей, при чемъ часть раздѣлилъ между своими родственниками, а часть припряталъ для грядущихъ потомковъ у Чермнаго моря и рѣки Ефрата, а также въ Индіи и Персіи. Приведя такой примѣръ, въ назиданіе грядущимъ потомкамъ сыновъ Израиля, названная книга, въ противоположность основной идеѣ евангелическаго ученія—любви къ ближнему, даетъ иные завѣты своимъ единовѣрцамъ, опас-

ные и страшные для всѣхъ *гоевъ* «иновѣрцевъ» въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ, а потому крайне вредныхъ для Правительствъ, такъ какъ взятое выше ученіе изъ авторитетной священной еврейской книги составляетъ главный смыслъ всей еврейской этики и мудрости, почему мы видимъ, что еврейское племя слѣдуетъ этому ученію въ теченіи всей исторической его жизни. Названіе книгъ «Саферъ Гаюшанъ» или какъ иные называютъ «Согаръ» и послужило для наименованія евреевъ послѣдователей ученія этихъ книгъ «Согаристами,» въ виду того, что послѣдователи ученія этихъ книгъ, какъ видно изъ приводимаго разсказа, допускаютъ принятіе, наружно, всякой религіи той страны, гдѣ они поселяются.

Много было писано за границею и у насъ, въ Россіи, о знаменитомъ въ свое время «Иосифѣ Франкѣ, какъ объ основателѣ секты евреевъ франкистовъ.» Много было излито негодованія на Франка и его «секту»; а между тѣмъ, эта загадочная личность осталась не выясненною, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда писателемъ руководятъ страсти и предвзятая идеи.

Настоящій историческій разсказъ былъ написанъ барономъ Бринкеномъ на нѣмецкомъ языкѣ и заключалъ въ себѣ 12 главъ. Затѣмъ онъ оставался неизданнымъ до настоящаго времени. Въ 1883 году переводчику удалось познакомиться съ рукописью почтеннаго автора и получить согласіе его семейства на переводъ «разсказа» на русскій языкъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, составленъ настоящій переводъ, строго придерживаясь подлинника, съ передачей разнообразныхъ эпизодовъ изъ многолѣтней дѣятельности I. Франка и сопроваждавшихъ его дѣятельность современныхъ историческихъ событій.

При этомъ я считаю необходимымъ привести краткую біографію автора и тѣ источники, на основаніи которыхъ составленъ самый историческій разсказъ.

Баронъ Юліанъ Бринкенъ родился 23 Февраля 1789 года въ Герцогствѣ Брауншвейгскомъ, въ имѣніи его родителей «Гассенфельдъ» поступилъ въ лѣсную академію «Dreissihaker, Дрейсенгакеръ» въ Саксенъ-Мейнингенъ, руководимую тогда (Bechstein) Бехштейномъ; послѣ успѣшнаго окончанія ея поступилъ въ Геттингенскій университетъ, по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ бывшемъ Вестфальскомъ Королевствѣ. Въ Декабрѣ 1815 получилъ патентъ на должность главноуправляющаго лѣсами отъ протектора надъ Герцогствомъ будущаго короля Великобританіи Георгія IV. Въ 1818 году онъ былъ приглашенъ на должность главноуправляющаго лѣсами въ Царство Польское, въ коей и утвержденъ 25 Іюля 1818 года.

При немъ была учреждена лѣсная школа въ Варшавѣ, въ которой науки о лѣсоводствѣ читалъ Бринкенъ и профессора, и другая практическая въ Бондзентонѣ Кѣлецкой губерніи. Стараніями Бринкена былъ заложенъ извѣстный нынѣ звѣринецъ возлѣ Скерневиць и разведены лѣса на сыпучихъ пескахъ, для охраненія полей отъ заносовъ. Одинъ такой лѣсъ существуетъ до сихъ норъ подъ Варшавой (почтовая станція Сенконцинъ) по Радомскому почтовому тракту. Въ 1833 году баронъ Бринкенъ, утомленный трудами, вышелъ въ отставку. Австрійское правительство приглашало его на службу, но онъ остался въ Варшавѣ, ведя обширную переписку съ Александромъ Гумбольдомъ, графомъ Киселевымъ, Капкринымъ и барономъ Гостгаузенемъ и другими. Смерть, постигшая барона 2 Іюля 1846 года, воспрепятствовала ему докончить капитальное произведеніе, предназначавшееся для Россіи и прибалтійскихъ провинцій подъ заглавіемъ «Наука Лѣсоводства» на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Разсказъ о франкистахъ баронъ Бринкенъ началъ писать въ 1825 году.

На поляхъ его рукописи сдѣлана имъ собственноручная замѣтка о томъ, что въ 1826 году онъ пересталъ писать свой разсказъ ради талантливой піанистки

Г-жи Ш.....ой. По всей вѣроятности это была извѣстная, въ свое время Г-жа Шимановская, вышедшая потомъ замужъ за поэта Мицкевича. Послѣднія главы написаны очевидно только въ 1832 году.

Бринкенъ перешелъ на службу въ Царство Польское по вызову князя Друцкого-Любецкого въ 1818 г., гдѣ и прослужилъ въ должности Главно-Управляющаго казенными лѣсами Царства Польскаго до 1833 года, уважаемый всѣми за честность и обширныя научныя свѣдѣнія. Онъ издалъ въ Германіи нѣсколько замѣчательныхъ по эрудиціи сочиненій, изъ которыхъ нѣсколько относились къ лѣсоводству въ Россіи. Живя много лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ и соприкасаясь, по роду своей службы, со всѣми классами польскаго общества, а по семейнымъ своимъ связямъ, съ высшею нѣмецкою и польскою аристократіей—покойный авторъ основательно понималъ значеніе событій, стараясь вездѣ относиться къ нимъ объективно, разумно, не льстя чужимъ страстямъ и увлеченіямъ и не относясь къ нимъ съ ненужною несправедливостью. Ни одни сочиненія (приведенныя ниже) послужили автору матеріаломъ для настоящаго историческаго разсказа. Еще задолго до составленія разсказа, авторъ былъ знакомъ лично съ франкистами и съ людьми, помнившими «патріарха неофитовъ Франка» въ Варшавѣ и за границею, а также часто бесѣдовалъ съ учеными раввинами,—талмудистами, естественными антогонистами Франка, знавшими многія подробности изъ жизни секты и ея основателя. Кромѣ того авторъ пользовался свѣдѣніями изъ различныхъ правительственныхъ архивовъ и въ числѣ указанныхъ имъ источниковъ привелъ въ концѣ (подъ № 13) «Современныя свѣденія изъ архивовъ». Нужно сказать, что при связяхъ автора въ Австріи, въ Германіи и Царствѣ Польскомъ ему были доступны ихъ архивы (въ данномъ случаѣ—полицейскіе), весьма рѣдко доступные для постороннихъ лицъ.

Перечень источниковъ, коими пользовался авторъ, при составленіи этого разсказа.

- 1) *Essai sur l'etat actuel des Juifs en Polongne et leurs perfectibilité.*
Warsowie 6 Juillet 1796 r. p. (Jaeque Calmanson).
- 2) *Dwor Franka czyli Politika nowo-chrzcescian odkryla* (Warszawie 1790).
- 3) *Geschichte, Lehren und Meinungen aller jüdischen Sekten.* v. Peter Beer-Brün 1823 (Beer-Brün).
- 4) *Blätter für höhere Wahrheit von Friedrich von Mejer.* 7 Sammlung. Frankfurcht 1826. Auftrat. «Baron Frank der Soharite».
- 5) *Czacki o żydach.*
- 6) *Documenta Iudoeas in Polonia concernanta Warsovia* 1763.
- 7) *Bibliche Organen von Hirschfeld Offenbach* 1796.
- 8) *Katechizm o Żydach i neofitach czem oni są i co zniemi zrobić należy; przedłożony deputacyi Sejmowej w Warszawie* 1792 r.
- 9) *Bibliche organen von Hirschfeld. Offenbach* 1796 r.
- 10) *Złość Żydowska przeciwko Bogu i bliźniemuz relacjy dysputy kontratalmudistów z Tolmudistami etc. przez X. Gaudentego Pkulskiego we Lwowie* 1760.
- 11) *Myśli z historji o kontratalmudzicach wiernie krótko i zupełnie zebrane przez pewnego Zamjé* 1761 r.
- 12) *List przyjaciela polaka do obywatela warszawskiego wjawniający secreta neofitow u Warszawie* 1790 r.

- 13) Konstitucja roku 1760. Posiedzenie Sejma w którym óskarżono neofitow.
- 14) Современныя въ то время свѣдѣнія о неофитахъ, почерпнутыя авторомъ изъ разныхъ архивовъ, не исключая и полицейскихъ, въ Польшѣ и Австрія.

ІОСИФЪ ФРАНКЪ ПАТРИАРХЪ НЕОФИТОВЪ.

ГЛАВА I.

Секта іудеевъ въ Польшѣ и въ Западной Европѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ: Описаніе еврейскаго мѣстечка Станиславова.—Время провозженія евреевъ во время праздника Недѣль.—Собраніе у раввина Давида-бѣнъ-Авраама.—Разговоры относительно положенія евреевъ въ Польшѣ.—Раввинъ описываетъ бѣдственное положеніе евреевъ вслѣдствіе интригъ езуитовъ.—Онъ объясняетъ происхожденіе секты согаритовъ и настоящія намѣренія езуитовъ—воспользоваться этою сектой для обращенія евреевъ въ христіанство.—Роль Франка въ сектѣ согаритовъ.—Протекція духовенства этой сектѣ.—Панъ Молизда—какъ главный органъ езуитовъ въ дѣлѣ согаритовъ.—Поселеніе Іегуды и Лейбы Нотовича въ Станиславовѣ.—Молизда появляется въ Станиславовѣ профѣздомъ вмѣстѣ съ дочерью.

4-го *сывана* (Іюня) 1759 года въ Станиславовѣ, небольшомъ мѣстечкѣ Червонной Руси, расположенномъ на турецкой границѣ у подножья Татръ, евреи праздновали великій праздникъ «Недѣль», установленный Моисѣемъ въ память исхода изъ Египта и будущихъ жатвъ въ обѣтованной землѣ. (2 кн. Моис. 23, 15—16).

Излишне распространяться въ подробностяхъ о Станиславовѣ: кто видѣлъ одно польское мѣстечко, тотъ, можно сказать, видѣлъ ихъ всѣ и знаетъ о преобладаніи въ нихъ еврейскаго элемента.

Грязные, наполовину врывшіеся въ землю домишки выглядываютъ своими закоптѣлыми, заплатанными бумагою окнами, на немощенныя, заваленныя всякимъ соромъ улицы. Улицы эти ведутъ на обширную площадь, такъ называемый «рынокъ»,—гдѣ нескончаемый крикъ и шумъ и гдѣ сосредоточена вся торговля мѣстечка и даже пѣлой окрестности. Лавки, съ разнообразнымъ товаромъ, при-

крыты крышею, подпертою тяжеловѣсными столбами. Здѣсь и постоялый дворъ съ бородастымъ хозяиномъ и осаждаемый толпою пейсатыхъ факторовъ, изображающихъ собою аванпосты передъ лагеремъ лавокъ; здѣсь же и жилища знаменитѣйшихъ особъ города: христіанскаго бургомистра, удѣльнаго князя евреевъ въ житейскихъ дѣлахъ; раввина, — духовнаго ихъ владыки, и самыхъ ученыхъ послѣ нихъ людей — т. е. богатѣйшихъ купцовъ. Посреди такого «рынка» возвышается «ратуша» на подобіе цитадели; нѣсколько далѣе костель или католическій монастырь, а затѣмъ, на концѣ мѣстечка, деревянная еврейская «божница». Отъ крыши до крыши, иногда черезъ двѣ улицы, протянуты тонкіе шнуры, доказывающіе существованіе религіозной совѣсти у евреевъ. Дѣло въ томъ, что талмудъ запрещаетъ имъ выходить въ нѣкоторые дни изъ подъ крыши; соединивъ же крыши такую паутиною, они подъ ея прикрытіемъ съ спокойною совѣстью визируютъ другъ друга.

Въ будни въ такомъ мѣстечкѣ можно встрѣтить только или еврея въ грязномъ, черномъ талесѣ (длиннополый кафтанъ особаго покроя), въ высокой мѣховой шапкѣ или еврейку въ цвѣтной, неменѣе грязной юбкѣ съ огромнымъ парикомъ на бритой головѣ. За то въ воскресенье, когда послѣ обѣдни начинается торгъ, мѣстечко наполняется окрестною шляхтою и крестьянствомъ; на рынкѣ толкотня и галдѣніе; евреи вступаютъ въ свои права, — начинается ихъ жатва: они снуютъ между мужиками, вылавливая у нихъ, ежели не за товаръ, то за водку, деньги, недавно попавшія въ карманы простаковъ за проданный скотъ или хлѣбъ.

Въ шабашъ картина мѣняется; въ мѣстечкѣ тихо и пусто: — Израиль молится или спитъ въ праздничный день. Встрѣчающійся на улицѣ еврей выступаетъ важно, задумчиво, какъ бы неся поль-свѣта на головѣ.

Такая тишина царствовала 4 Іюня 1759 года въ мѣстечкѣ Станиславовѣ, такъ какъ мы сказали, что былъ праздникъ, — праздникъ «Недѣль».

Помолившись, израиль засѣлъ въ домахъ за трапезу, изготовленную въ предшествующіе дни и состоявшую изъ мучныхъ и молочныхъ блюдъ, въ воспоминаніе скитанія предковъ по голодной пустынѣ. Мущины были въ черныхъ или кофейныхъ шелковыхъ талесахъ и въ дорогихъ собольихъ или кунныхъ шапкахъ; женщины—въ шелковыхъ яркихъ цвѣтовъ платьяхъ, въ богатыхъ, вышитыхъ жемчугомъ, головныхъ уборахъ, въ брилліантовыхъ серьгахъ и въ большихъ золотыхъ монетахъ, навѣшанныхъ на шеѣ.

Послѣ трапезы стало оживленнѣе: старшіе собрались въ домахъ на пріятельскую бесѣду, а молодежь прогуливалась по городу и окрестностямъ, гдѣ только изрѣдка показывался христіанскій обыватель, въ грязномъ полушубкѣ и въ скверномъ настроеніи духа.

Самое блестящее собраніе было у раввина Давида-бэнъ-Авраама. Это былъ 70-ти лѣтній старецъ, очень богатый и очень ученый; знатокъ талмуда, начальникъ нѣсколькихъ раввиновъ окрестныхъ общинъ, членъ кагалнаго суда въ цѣломъ воеводствѣ и признававшій надъ собою власть одного только главнаго раввина въ Львовѣ.

Въ украшенной разноцвѣтными коврами комнатѣ и множествомъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ, поставленныхъ на шкафѣ наполненномъ талмудомъ, разсѣлся удобно раввинъ въ большомъ креслѣ. На немъ былъ черный шелковый талесъ, а лысую его голову покрывала бархатная ермолка; онъ то поглаживалъ свою сѣдую, длинную бороду, то нюхалъ крѣпкіе, пряные корни изъ серебряннаго ящика. Возлѣ него сидѣли и стояли именитѣйшіе члены израильской общины и приносили ему поздравленія. Въ другой комнатѣ собралась семья раввина: жена, дѣти и значительное число внучатъ и даже правнучатъ, такъ какъ Давидъ-бэнъ-Авраамъ, обычаемъ Израиля, женился на 15 году жизни, а потому неудивительно, что Богъ Авраама, Исаака и Иакова благословилъ его тремя поколѣніями.

Младшій сынъ его, Веніаминъ, 18-ти лѣтній юноша рѣдкой красоты, съ благородными чертами лица, неза-

клейменными характеромъ дѣтей Израиля, подносили гостямъ въ большихъ шлифованныхъ стаканахъ старое венгерское вино, а маленькая внучка разносила на серебряныхъ тарелочкахъ варенье, кievскіе сушеные плоды, изюмъ и миндаль.

— Изъ всѣхъ праздниковъ, установленныхъ Моисѣемъ, — отозвался одинъ изъ болтливейшихъ гостей, Мееръ Левеловичъ, — праздникъ Недѣль я обхожу наиторжественнѣе и съ полнымъ религіознымъ чувствомъ. Напоминаетъ онъ мнѣ многое: угнетѣніе нашего народа въ Египетской неволѣ; потомъ, страданія и невзгоды 40 лѣтняго странствованія въ пустынѣ; несчастія вавилонскаго рабства и разсѣяніе нашего народа между язычниками; наконецъ, — показывается моимъ глазамъ наша любезная Польша, текущая молокомъ и медомъ подобно другой обѣтованной землѣ, на которую Богъ Авраама указалъ какъ на обиталище для избранныхъ изъ своего избраннаго народа, чтобы хотя *они* вкусили сладости мира и свободы.

— Дѣйствительно, нельзя отрицать того, что въ этомъ краѣ текутъ для насъ медъ и молоко, — добавилъ Хаимъ Носсенъ, запѣвало или *хасенъ* общины, жадно опараживая стаканъ съ остаткомъ вина. — Въ мѣстечкахъ мы составляемъ самый многочисленный и зажиточный классъ; купеческое сословіе почти сплошь состоитъ изъ нашихъ единодѣрцевъ и все болѣе возрастаетъ и численностью и богатствомъ; польскій мужикъ на насъ работаетъ, польскій солдатъ дерется за насъ; торговля, наличныя деньги, всѣ монополіи, всѣ аренды въ цѣломъ краѣ, даже аренды христіанскихъ купелей ¹⁾, — все въ нашихъ рукахъ. Расточительная шляхта на столько намъ задолжала, что мы и ее прибрали къ рукамъ. Подати насъ не гнетутъ, какъ равно и запрещенія; напротивъ того, еще со временъ князя Болеслава ²⁾, пріютившаго насъ отъ кровавыхъ преслѣдованій нѣмцевъ, мы пользуемся предостав-

¹⁾ Еврей арендаторъ имѣлъ ключъ отъ комнаты, гдѣ хранилась купель и выдавалъ его по полученіи платы (историческій фактъ).

²⁾ 1264 года.

ленными намъ всякими правами и вольностями, еще болѣе расширенными славнымъ Казиміромъ Великимъ ¹⁾, этимъ мудрымъ польскимъ Соломономъ, избравшимъ своею любовницею Эстеру, дочь нашего народа. Несомнѣнно, что нашъ Мессія въ Польшѣ родится!

— Однако, -- возразилъ кагалный писарь, Иосекъ Соломоновичъ, -- многого намъ остается еще желать, -- не въ общественномъ, но въ политическомъ отношеніи! Въ самомъ дѣлѣ: въ Рѣчи Посполитой мы составляемъ среднее сословіе, такъ какъ польскій народъ раздѣленъ на шляхту и рабовъ; между тѣмъ, мы не пользуемся правами этого сословія на законномъ основаніи и не будемъ ими пользоваться до тѣхъ поръ, пока насъ не допустятъ засѣдать въ Сеймѣ; пока однѣми только значительными суммами станемъ защищаться отъ вредныхъ для насъ постановленій, безъ нашего участія обсуждаемыхъ; пока, наконецъ, польскіе законы ничтожнымъ только наказаніемъ будутъ угрожать шляхтичу за убійство еврея; -- до тѣхъ поръ, повторяю, мы не можемъ считаться истинными гражданами страны.

— И придетъ къ тому, придетъ постепенно, -- отвѣчала *хасена*; -- написано въ Мишнѣ: Богъ отдастъ всѣ народы въ руки евреевъ, такъ что ни единая душа изъ поколѣнія Исава не останется свободною. Такое владычество Израиля Богъ, очевидно, хочетъ начать съ поляковъ: вѣдь, до сихъ поръ, еще ни одного изъ языческихъ народовъ не предоставилъ настолько намъ власти сколько польскій. Уже и теперь мы находимся на торной дорогѣ; когда шляхта собирается на сеймики, мы, подъ отдѣльными маршалами, выбираемъ депутатовъ для охраненія нашихъ правъ на Варшавскомъ сеймѣ. Правда, до сихъ поръ намъ предоставлено входить съ одними письменными заявленіями, но придетъ время когда наши *мейниксты* (аристократы), пользуясь *liberum veto*, станутъ потрясать всюю Рѣчью Посполитой. Да, да; исполинскими шагами приближается правленіе евреевъ.

¹⁾ 1341 года.

Молчаливо сидѣлъ все это время почтенный раввинъ Давидъ-бѣнъ Авраамъ, нюхая только коренья или прихлебывая вино, закусывая его кievскимъ вареньемъ.

Наконецъ, съ явнымъ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ, онъ началъ громкимъ голосомъ:

— Болтаете какъ темные и несвѣдущіе люди. Чѣмъ такимъ восторгаетесь, въ чемъ бы можно было видѣть надежду на счастливую будущность? — Ничтожными остатками прежняго благоденствія, когда намъ даже католическое духовенство покровительствовало!... Не знаете вы враговъ, съ которыми принуждены бороться ваши духовные и старшіе и не видите сѣтей, разставляемыхъ для васъ тѣми врагами! Со времени прибытія въ Польшу Іезуитовъ, при Стефанѣ Баторіѣ ¹⁾, — окончилось ваше господство, исчезли виды на достиженіе когда нибудь политической для насъ жизни. Эти негодные и злые люди вездѣ являлись, самыми яркими нашими противниками; съ самаго прибытія въ Польшу они стали возбуждать противъ насъ здѣшнее почтенное и толерантное духовенство; начали съ того, что торжественно послали къ намъ воззваніе, приглашающее насъ къ принятію христіанства; а когда наши раввины опубликовали печатно свой отвѣтъ, приглашая ихъ, въ свою очередь, принять единую, святую и истинную религію Израиля, — тогда началась открытая война. Іезуиты возбудили противъ насъ сеймовыхъ депутатовъ и сословія; они употребляли всѣ средства, чтобы унижить, лишить насъ стародавнихъ привилегій и привести насъ къ покорности при содѣйствіи запрещеній и ограниченій, подъ гнетомъ которыхъ находятся наши единовѣрцы въ другихъ краяхъ.

— Должно быть, однако, не удалось имъ всего этого сдѣлать, — возразилъ *хасениз*; — до сихъ поръ не видимъ надъ собой такихъ несчастій.

¹⁾ Первые іезуиты прибыли въ 1563 году въ Вармію; затѣмъ, въ 1579 году въ Краковъ, а потомъ уже при Сигизмундѣ III, распространились по всей тогдашней Польшѣ.

— Вы не видите ихъ здѣсь, въ Станиславовѣ,—отвѣчалъ раввинъ, — но въ другихъ городахъ и, вообще, въ цѣлой Польшѣ братья наши страдаютъ. Мы обложены разнаго рода податями изъ ненависти къ намъ Іезуитовъ; насъ почти выгнали изъ столицы государства, Варшавы, и изъ городовъ, въ которыхъ пребываютъ епископы; въ другихъ большихъ городахъ намъ позволено проживать на извѣстныхъ только, отдѣльныхъ улицахъ; а посчитайте тѣ суммы, какія мы выдавали на отклоненіе и на пріостановку проектовъ закона, клонившихся къ окончательному стѣсненію и ограниченію нашей свободы! Нѣкоторые проекты отложены единственно вслѣдствіе внутренней неурядицы Рѣчи Посполитой, какъ на примѣръ, проклятая и запрещенная Соломономъ перепись нашего народа. Чего же можемъ надѣяться послѣ всего этого? Рѣчь Посполитая должна или реорганизоваться, или, какъ предсказалъ еще король Янъ Казиміръ ¹⁾, будетъ раздѣлена между сосѣдними государствами. Въ обоихъ случаяхъ положеніе наше ухудшится. Тѣмъ временемъ, Іезуиты, видя что шляхта озабочена болѣе важными дѣлами, измыслили новый способъ приведенія къ концу своего преслѣдованія; они всѣми силами возбуждаютъ противъ насъ простой народъ, выставя насъ сторонниками и шпионами Шведовъ, Турокъ и другихъ враговъ края; разглашаютъ, будто мы отравляли калодези и истязали христіанскихъ дѣтей, съ цѣлью добыть крови на *мацу* къ празднику пасхи.

— Однако, здѣсь, въ нашемъ воеводствѣ, — прервалъ раввина *хасенъ*, никто еще не осмѣлился взводить на насъ подобныя обвиненія.

— Еще прежде этого, — продолжалъ раввинъ, — распространеніемъ подобныхъ слуховъ, имъ удалось возбудить противъ насъ казаковъ, — и мы были изгнаны изъ Украйны; но вскорѣ, какъ бы кара Божія свалилась за это на Рѣчь Посполитую: отъ нея отдѣлились казаки ²⁾.

¹⁾ Въ абдикаціонной рѣчи въ сеймѣ 1668 года.

²⁾ Въ правленіе несчастнаго Яна Казимира.

Иезуиты съумѣли посѣять такую къ намъ ненависть, что въ послѣдствіи, великій король Янъ Собѣскій не могъ вырвать изъ рукъ палача своего почтеннаго подскарбія Моисѣя Бѣтсаля (Bethsal), который единственно по интригамъ Іезуитовъ, изъ мести за привязанность къ религіи предковъ, былъ взведенъ на эшафотъ. Вотъ, — истинный мученикъ! Да и въ настоящее время у насъ нѣтъ недостатка въ мученикахъ; недавно, напримѣръ — лѣтъ шесть тому назадъ Житомирскій городской судъ приговорилъ къ смерти 24 еврея ¹⁾ за что? — Обвинили ихъ, будто они, для полученія крови на *мацу*, до смерти закололи булавками 4-хъ лѣтняго христіанскаго мальчика по фамиліи Стефана Студзеньскаго; между тѣмъ, доказано очевиднѣйшимъ образомъ, что мальчикъ тотъ умеръ изжаленный роємъ пчель. Не смотря на это, іезуиты распространили въ народѣ изображеніе найденнаго трупа съ описаніемъ убійства, будто бы учиненнаго евреями. Изъ 24 обвиняемыхъ одинацать были приговорены къ разорванію лошадыми, а тринадцать, какъ привявшихъ католическую религію, къ отсѣченію головъ. Оставалось намъ одно средство — обратиться къ папѣ; мы подали ему жалобу и, сверхъ ожиданія, нашли у него протекцію ²⁾. Теперь снова, подъ мирнымъ царствованіемъ Августа III іезуиты начали вести противъ насъ интриги, гораздо вреднѣйшія противъ прежнихъ.

— Какого рода, — спросило вмѣстѣ нѣсколько голо-
совъ.

— Эти негодяи, — продолжалъ раввинъ тихимъ и груст-
нымъ голосомъ, — сѣютъ между нами раздоръ. Извѣстно
вамъ происхожденіе секты *согаритовъ* или невѣрныхъ
евреевъ, послѣдователи которой находятся и въ нашей
общинѣ и противъ которой я неоднократно возставалъ
публично?

— Несовѣмъ, отвѣчали гости.

¹⁾ Приговоръ отъ 26-го Мая 1753 года.

²⁾ Историческій фактъ.

— Во второмъ вѣкѣ послѣ раззоренія Иерусалима,— продолжалъ Давидъ-бѣнъ Авраамъ, весьма ученый, но лицемѣрный израильтянинъ, вѣкто Симонъ Гухай, написалъ книгу подѣ названіемъ *Согаръ*, что означаетъ *книга свѣта*. Чтеніе этой книги намъ воспрещено, такъ какъ ученіе, въ ней изложенное, не соотвѣтствуетъ святымъ предписаніямъ талмуда, а основывается на кабалистикѣ. Однакожъ, хотя и тайно, книжка эта нашла своихъ поклонниковъ; а въ прошломъ вѣкѣ, еврей изъ Смирны, Сабатэй Сави, явно принялъ ея ученіе, перевелъ ее съ халдейскаго на еврейскій языкъ и провозгласилъ себя пророкомъ. Изгнанный раввинами изъ Стамбула, онъ нашель многихъ приверженцевъ въ Иерусалимѣ. Въ Газѣ науку его распространялъ Натанъ Мессіасэмъ, а въ Смирнѣ единовѣрцы наши объявили его царемъ Израиля, хотя тамошній синедріонъ заочно приговорилъ его къ смерти. Самъ Сабатэй называлъ себя царемъ царей, а брата своего Іосифа царемъ Іудей. Онъ съ пріятелемъ своимъ первымъ ученикомъ Натаномъ, показывали чудеса и пророчествовали о томъ, что они турецкаго султана сбросять вскорѣ съ трона, и тогда снизойдетъ къ намъ съ неба новый храмъ. Вѣсть о такихъ пророчествахъ и чудесахъ пробудила израиля; во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Голландіи, евреи выражали готовность принять новаго пророка какъ мессію; собирали складки, посылали ему деньги; болѣе того: евреи сѣверныхъ береговъ Африки предложили ему 100 тысячъ войска. Тѣмъ временемъ, Сави двинулся съ большимъ конвоемъ къ Стамбулу, мечтая о блестящей встрѣчѣ, на какую разсчитывалъ со стороны будущихъ своихъ подданныхъ. Между тѣмъ, услыхавъ о его прибытіи и намѣреніяхъ, султанъ Махметъ IV велѣлъ задержать его въ Дарданеллахъ и привести въ Адрианополь. Здѣсь султанъ насмѣшливо объявилъ ему, что признаетъ его за мессію и ударитъ передъ нимъ челомъ, ежели онъ, привязанный къ столбу, не получитъ никакой раны отъ наилучшихъ стрѣлковъ изъ лука или если онъ, султанъ, не сдумѣетъ снять съ

его плечь головы. Лже-пророкъ не захотѣлъ подвергнуться подобному испытанію, а потому счелъ болѣе безопаснымъ броситься къ ногамъ султана и принять магометанскую вѣру. Сектанты его пали въ уныніи; но онъ успокоилъ ихъ, поучая, что тотъ только настоящій еврей, кто, подѣ личиною какого нибудь языческаго исповѣданія, сумѣетъ пребывать тайно въ вѣрѣ отцевъ Израиля и хотя по одеждѣ походить на турка, но сердцемъ и душою остается евреемъ. Узнавши объ этомъ, султанъ велѣлъ схватить его и вмѣстѣ съ женою засадить въ крѣпость Дульсиньо, на Албанской границѣ, гдѣ этотъ лжепророкъ и джемусульманинъ умеръ въ 1676 г. на 50 году жизни.

— А что же случилось съ его сектой? — спросилъ *хасенъ*.

— Осталась въ Турціи,—продолжалъ раввинъ,—такъ какъ согласно ученію своего пророка, всѣ ея послѣдователи приняли исламизмъ и такъ ловко разыгрывали свою роль, что обманули турокъ; наружно они бросили всѣ предписанные Моисѣемъ и талмудомъ обычаи, а тайно праздновали шабашъ. Значительное ихъ число, постоянно увеличивающееся прозелитами, проживало въ Валахіи, откуда въ первой половинѣ этого вѣка, распространились по Подоли и Червонной Руси. Вотъ, смотрите: на-супротивъ меня живетъ богатый купецъ Іегуда бенъ Носсенъ Крыза, принадлежащій къ той сектѣ; всѣ вы его знаете; а поступаетъ ли онъ такъ, какъ подобаетъ истинному израильянину?—

Всѣ взглянули въ окно. Напротивъ, на порогѣ своего дома сидѣлъ Іегуда въ красной турецкой фескѣ на головѣ и, несмотря на праздникъ, курилъ трубку изъ длиннаго чубука, пріятельски разговаривая съ христіанскимъ бурмистромъ.

— Этого проклятаго отщепенца мы хорошо знаемъ,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— До 1754 года,—продолжалъ далѣе раввинъ,—эти враги талмуда, *согариты* вели себя на Подолѣ спокойно; но, около того времени прибылъ туда изъ Валахіи нѣкій

Иосифъ Лейбовичъ Франкъ. Задумалъ онъ сыграть роль Сабатэя Сави, обладая всѣми качествами и талантами способными вскружить головы неразвитыхъ людей. Родился онъ въ недалекомъ отъ насъ мѣстечкѣ Червонной Руси, въ Бучачѣ, откуда еще мальчишкою перебрался съ родителями въ Валахію, гдѣ выросъ между *согаритами*, перенялъ турецкіе обычаи, составилъ состояніе и женился. Искусный кабалистъ и хорошій ораторъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на Подольскихъ *согаритовъ*. Началъ съ того, что набралъ прозелитовъ и способнѣйшихъ изъ нихъ, самыхъ краснорѣчивыхъ, высылалъ въ синагоги для публичнаго опроверженія талмуда, чего имъ однако не удалось достигнуть, благодаря нашимъ правовѣрнымъ талмудистамъ со школы уважаемаго раввина изъ Межибора Подольскаго, Израиля Гиршовича (хассы-дыма), опровергавшимъ съ гнѣвомъ ихъ обвиненія. Дошло до стычекъ и даже до полного преслѣдованія *согаритовъ*: гдѣ бы они ни показывались, вездѣ ихъ ругали и выгоняли, запретивъ имъ всякій доступъ въ синагогу.—

— Совершенно справедливо, — прервалъ кагалный писарь.

— Франкъ, — продолжалъ раввинъ, — стоялъ во главѣ преслѣдуемыхъ. Въ 1756 году онъ подалъ жалобу на талмудистовъ, подписанную 17-ю согаритами, Каменецъ-Подольскому епископу, Николаю Дембовскому, за обидное преслѣдованіе ими *согаритовъ*. Въ ней онъ просилъ объ оупекѣ, о дозволении свободно исповѣдывать свою вѣру и, для вящаго успѣха, добавилъ, что *согариты* не особенно далеки отъ принятія христіанства. Жалоба эта, разумѣется, подѣйствовала: епископъ немедленно донесъ обо всемъ Варшавской генеральной консисторіи, управляемой іезуитами и получилъ отъ нея приказаніе поддерживать по возможности *согаритовъ*, а преслѣдователей ихъ, талмудистовъ, строго наказать. Вслѣдствіе этого, Каменецкая консисторія приговорила талмудистовъ къ уплатѣ *согаритамъ* 5.000 злотыхъ судебныхъ издержекъ и, кромѣ того, въ видѣ наказанія, ко взысканію 154 червонцевъ

на починку Каменецкаго собора. Приговоръ этотъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Самъ епископъ издалъ отъ себя приказъ, чтобы талмудъ былъ преданъ публичному сожженію. Но Богъ не допустилъ до этого: въ тотъ же самый годъ скончался скоростижно епископъ, какъ разъ тогда, когда былъ назначенъ архіепископомъ Червонной Руси.

— Богъ справедливъ! воскликнулъ съ увлеченіемъ *гасенъ*.

— Лишь только подольскіе *согариты* получили деньги и протекцію,—заклучилъ раввинъ,—какъ перестали думать о принятіи христіанской вѣры; но іезуиты не забыли даннаго обѣщанія. Старшіе этого ордена порѣшили воспользоваться случаемъ, какого до того никогда не представлялось, и нанести евреямъ смертельный ударъ посредствомъ ихъ же идиновѣрцевъ. Они послали инструкцію іезуитской коллегіи во Львовѣ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать при подобныхъ обстоятельствахъ; а именно: привлекать возможно большее число *согаритовъ* въ Червонную Русь,—изъ Валахіи и даже изъ Подоля,—а затѣмъ уже исполнить надъ ними публично во Львовѣ обрядъ принятія христіанской вѣры. Сверхъ всего этого Примасъ издалъ циркуляръ, обезпечившій опеку надъ *согаритами*: приказавъ въ немъ охранять ихъ отъ преслѣдованія; объявилъ измѣнникомъ государству всякаго, кто бы дѣйствовалъ на ихъ погибель; а на насъ, раввиновъ, возложилъ отвѣтственность за всѣ дѣйствія въ отношеніи ихъ, евреевъ талмудистовъ.—

— Теперь только понимаю,—прервалъ его кагалный писарь,—почему вы, нашъ почтенный раввинъ, уже два года, какъ не вспоминаете объ этихъ отщепенцахъ, въ сравненіи съ которыми Караимы могутъ быть названы ангелами!

— Ты отгадалъ Іосекъ,—отвѣчалъ раввинъ;—да и теперь я бы не коснулся этого печальнаго предмета, если бы не то, что вскорѣ весь Израиль будетъ говорить о немъ публично. Львовскіе іезуиты избрали орудіемъ для

приведенія въ исполненіе своихъ плановъ вполне пригодную для ихъ цѣли особу. Вамъ извѣстенъ, вѣроятно, панъ Игватій Молилда; хотя онъ и числится оберъ-лейтенантомъ въ коронномъ войскѣ, но постоянно находится въ отпуску и проживаетъ въ своемъ имѣніи, надъ Подольскою границею, а иногда пріѣзжаетъ и въ наше мѣстечко продавать пшеницу. Предназначенный съ молодости въ орденъ іезуитовъ, онъ получилъ у нихъ, во Львовѣ, соотвѣтственное воспитаніе и даже отбылъ новиціатъ. Передъ самымъ постриженіемъ, семейныя обстоятельства заставили его взять мечъ вмѣсто *инфулы*, но, несмотря на это, остался іезуитомъ и умомъ и сердцемъ. Этому то Молилду іезуиты и избрали для веденія сего дѣла съ согаритами.

— Никто лучше меня не знаетъ пана Молилды, отозвался говорливый Мейеръ Іевеловичъ; имѣлъ я съ нимъ много дѣлъ и лишь только пріѣзжаетъ въ наше мѣстечко, то беретъ меня за фактора. Панъ онъ умный, вдовецъ и имѣетъ одну только дочь, очень красивую, такъ что ея красота и большое приданое не одному шляхтичу вскружили голову. Отецъ-же о замужествѣ и слышать не хочетъ: еще съ юныхъ ея лѣтъ рѣшили отдать ее въ монастырь.—

При этихъ словахъ, сынъ раввина, Веніаминъ, опустил глаза, и щеки его покрылись живымъ румянцемъ.

— Этому то пану Молилдѣ, продолжалъ раввинъ, приказано прежде всего отправиться на Подолье и познакомиться съ Франкомъ. Молилда поѣхалъ туда; но долго вынужденъ былъ искать яснаго пана, такъ какъ тотъ, съ значительнымъ конвоемъ, постоянно скитался по разнымъ мѣстечкамъ. Наконецъ нашелъ онъ его, окруженнаго сектантами, на турецкой границѣ въ мѣстечкѣ Ямполь и легко свелъ съ нимъ дружбу. Не знаю, что обѣщаль Молилда Франку; знаю только, что Франкъ немедленно призвалъ многихъ *согаритовъ* въ Польшу изъ Валахіи, а жившимъ на Подолѣ приказалъ переселяться въ городъ Червонной Руси. Вслѣдствіе такого приказанія, Іегу-

да и Лейба Нотовичъ, знаменитые между согаритами, прїѣхали къ намъ. Знаю также, что Франкъ, подъ извѣстными условїями, обѣщаль принять вмѣстѣ со своею сектою, христіанскую религію.

— Вѣроятно, — отозвался *хасенъ*, — Франкъ требоваль значительной денежной суммы или гражданскихъ почестей?

— Объ этомъ, — отвѣчаль раввинъ, — ничего достовѣрно не знаю; извѣстно мнѣ только, что Франкъ положиль первымъ условїемъ, чтобы дозволено было *согаритамъ*, въ присутствїи католическаго духовенства, вступить съ талмудистами въ религіозный диспутъ, а затѣмъ уже, послѣ одержанной публичной побѣды, принять съ цѣлою сектою крещеніе.

— Глядите-ко! — воскликнулъ кагальный писарь, — это пахнетъ прозелитизмомъ! Напрасныя уловки! Еще Ягеллоны покушались оторвать насъ отъ святой религіи нашихъ отцовъ, возводя въ шляхетство принимающихъ крещеніе евреевъ, но и то въ значительномъ тогда по числу Израилѣ едва нашлось сто слабыхъ душъ¹⁾; тѣмъ болѣе теперь неудастся имъ творить прозелитовъ путемъ диспута.

— Уже просьба объ этомъ, — продолжалъ далѣе раввинъ, — подана *согаритами* епископу Львовскому и королю Августу, а, какъ говорятъ, вскорѣ во Львовѣ откроется большой диспутъ, на который будутъ созваны всѣ раввины. Конечно я стану бороться съ ними, какъ левъ. —

Вдругъ послышался грохотъ колесъ по мостовой, и всѣ бросились къ окошку. По площади катилась открытая коляска, запряженная четверкой добрыхъ вороныхъ лошадей, которыми управлялъ деревенскій паренъ въ красной четырехъугольной шапкѣ, украшенной павлиньими перьями. Въ коляскѣ сидѣлъ красивый среднихъ

¹⁾ Неофиты того времени такъ соединились и слились со шляхтою, что теперь только по традиціи или по фамиліямъ можно распознать еврейское происхожденіе въ ихъ потомкахъ.

лѣтъ мущина съ молодою женщиною. На мущинѣ былъ темносиній *кунтушъ* на желтомъ *жупанѣ*; съ боку была прицѣплена *карабелля* (сабля особой формы), за серебрянымъ поясомъ торчали богато украшенные пистолеты; подборитую голову покрывала бѣлая четырехъугольная шапка; изъ подъ широкихъ бровей свѣтились черные, нѣсколько впавшіе, глаза, а черные усы придавали еще болѣе суровый оттѣнокъ его рѣзкимъ чертамъ лица. Женщина была одѣта въ темнозеленую амазонку; ярко зеленый воаль закрывалъ ея лицо; но по стройному ея сложенію и гибкой талии можно было заключить о ея молодости и красотѣ.

Мущина смотрѣлъ сурово и гнѣвно на сидѣвшихъ передъ домами евреевъ и только Іегудѣ бенъ Носсенъ Крызѣ пріятельски кивнулъ головой. Остановившись передъ постояннымъ дворомъ, онъ вылѣзъ изъ коляски, не обращая вниманія на низкіе поклоны бородатаго хозяина.

— Клянусь Авраамомъ и Іаковомъ, — воскликнулъ Мейеръ Іевеловичъ, — это Моливда съ своею красивою дочкою, о которыхъ мы только что говорили! Что могло его привести сюда, когда въ праздники мы не смѣемъ даже и говорить о дѣлахъ? —

Пока успѣлъ произнести это Мейеръ, Веніаминъ былъ уже у окошка.

— Сейчасъ мы увидимъ, — отвѣчалъ раввинъ; — несомнѣнно прежде всего онъ зайдетъ къ Іегудѣ. —

Такъ и случилось. Вскорѣ всѣ увидѣли, какъ панъ Моливда, придерживая рукою *карабелю* и ловко обходя лужи, чтобы не загрязнить красныхъ сапогъ, вошелъ прямо къ Іегудѣ. При его приближеніи Іегуда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, почтительно поцѣловалъ его въ плечо и просилъ войти въ свой домъ.

— Пусть они замышляютъ что угодно противъ Израиля! — воскликнулъ раввинъ; — съ нами Богъ, нашъ владыко и царь! Подъ Его опекой Израиль ничего не боится! Тѣмъ временемъ, прочту вамъ изъ книги Бытія о будущей судьбѣ враговъ Израиля. Садитесь и слушайте! —

Пользуясь минутой общаго замѣшательства, Веніаминъ незамѣтно ускользнулъ изъ комнаты,

Веніаминъ былъ скромный меланхоликъ, во всемъ отличавшійся отъ обыкновенныхъ евреевъ; въ немъ не было ихъ хитрости и жадности, онъ гнушался лихвой и вообще былъ свободенъ отъ подлыхъ и смѣшныхъ недостатковъ своего народа. Онъ даже хорошо говорилъ по польски, безъ свойственнаго евреямъ акцента. Онъ глубоко чувствовалъ, что честный человѣкъ не можетъ оставаться въ грязной сферѣ, отведенной евреямъ талмудомъ.

Въ продолженіи пяти лѣтъ отецъ уговаривалъ его жениться, но онъ равнодушно смотрѣлъ на дочерей Израиля. Сердце его и голова были заняты панной Еленой Моливдой, помимо сознанія той пропасти, какая отдѣляла его отъ нея. Знакомство его съ нею началось недавно, когда панна Моливда, пріѣхавъ въ мѣстечко, воспользовалась его услугами при покупкѣ разныхъ товаровъ, и съ того времени юноша совершенно лишился душевнаго спокойствія.

Теперь онъ поспѣшилъ къ ней подъ предлогомъ узнать, не нужно ли ей будетъ сдѣлать какія нибудь покупки въ мѣстечкѣ.

Красивая панна сидѣла въ бѣдно мебелированной комнатѣ постоялаго двора и опустивъ голову на руку перенеслась мысленно въ Львовъ, въ монастырь Норбертанокъ, гдѣ находились единственныя ея пріятельницы и куда, по волѣ отца, должна будетъ вскорѣ навсегда удалиться отъ свѣта.

— А, Веніаминъ! Какъ это ты узналъ о моемъ пріѣздѣ въ городъ?—спросила она входившаго съ покорнымъ видомъ юношу.

— Пришелъ узнать, не нужно ли вамъ какихъ товаровъ?

— Благодарю тебя,—отвѣчала Елена,—во первыхъ, у васъ праздникъ, а во вторыхъ, мы остановились здѣсь

не надолго: отецъ зашелъ на минуту къ Іегудѣ, проѣздомъ во Львовъ, гдѣ я навсегда останусь.

— Навсегда?—переспросилъ Веніаминъ.

— Навсегда. Поступаю новиціаткой въ монастырь Норбертанокъ.

— О Боже! По собственному желанію? И обдумали ли вы это?

— Конечно, отвѣчала Елена. Развѣ счастье быть не-вѣстою Христа требуетъ долгихъ размышленій? Но ты этого не понимаешь; ты вѣдь не христіанинъ.

— Правда, я не знаю религіи Христа; но велика должна быть эта вѣра, когда вы полагаете въ ней счастье всей вашей жизни!

— Ежели говоришь это искренно, то долженъ принять христіанство, тѣмъ болѣе, что многіе изъ твоихъ единовѣрцевъ замышляютъ это сдѣлать.

— Буду христіаниномъ; но съ условіемъ, чтобы вы были моею воспріемницею и не прежде вступили въ монастырь, какъ исполнивъ ваше обѣщаніе.

— Ты ставишь меня въ затруднительное положеніе,—отвѣчала Елена,—мнѣ приходится дѣлать выборъ между обязанностями христіанки и повиновеніемъ Богу, которому дала обѣтъ принять постриженіе послѣ шести мѣсяцевъ. Для спасенія же твоей души продолжу мой новиціатъ еще на шесть мѣсяцевъ; такъ что тебѣ останется цѣлый годъ, чтобы надуматься и приготовиться.—

Веніаминъ, обрадованный такимъ обѣщаніемъ, торжественно изъявилъ готовность немедленно приняться за изученіе христіанской религіи.

Затѣмъ Елена стала излагать ему величіе вѣры Христовой и разговоръ ихъ протянулся съ часъ; а когда панъ Молизда явился съ Іегудой, то Елена радостно представила ему новаго прозелита.

— Знаю его,—отвѣчалъ панъ Молизда.—Ты сынъ здѣшняго раввина, и я много хорошаго про тебя слышалъ.

Радуюсь, что самъ ты убѣдился, въ какой мракъ погружаетъ вашъ народъ ваша религія. Старайся, на сколько возможно, и другихъ твоихъ братьевъ на путь свѣта направить; а ты, Іегуда, будь его опекуномъ и прежде всего открой ему глаза относительно талмуда!

Сказавъ это, панъ Молизда повелъ дочь къ готовому уже экипажу, а вскорѣ густое облако пыли скрыло ихъ отъ жадныхъ взоровъ провожавшаго глазами Веніамина.

ГЛАВА II.

Диспутъ о талмудѣ.

Содержаніе главы: Въ Іюль 1759 года во Львовѣ собираются на диспутъ 13 изъ секты Франка, раввины, высшее духовенство и шляхта. Большой обѣдъ у администратора Миккульскаго. Разговоръ о средствахъ къ навращенію евреевъ. Молизда восхваляетъ Франка и его секту. Большой диспутъ во Львовскомъ кафедральномъ соборѣ при огромномъ стеченіи народа. Согариты побѣждаютъ. Францисканскій монахъ Пиккульскій возбуждаетъ народъ противъ евреевъ разсказомъ объ истязаніи христіанскаго мальчика. Вѣсть о прибытіи Франка со своими сектантами.

Въ концѣ Іюня 1759 года по всей Червонной Руси читались воззванія: одно отъ архіепископскаго кресла во Львовѣ, на латинскомъ языкѣ, къ католическому духовенству, и другое—на еврейскомъ языкѣ, отъ главнаго Львовскаго раввина къ еврейскимъ старѣйшинамъ. Въ нихъ заключалось приглашеніе на 17 Іюля 1759 года во Львовскій кафедральный соборъ, для присутствованія при диспутѣ между сектою антиталмудистовъ и талмудистами, при чемъ католическое духовенство принимало на себя роль судьи въ этой борьбѣ.

Уже 15 Іюля Львовъ наполнился множествомъ прелатовъ, польскихъ магнатовъ, раввинами и знатнѣйшими евреями.

За нѣсколько недѣль до того Львовскій архіепископъ Владиславъ Лубенскій былъ неожиданно назначенъ Кня-

земь—примасомъ государства, а потому немедленно покинулъ удобный и роскошно устроенный дворець во Львовѣ. Мѣсто его временно заступалъ, какъ *episcopus vicarius*, администраторъ, ксендзъ Степанъ Микульскій, кафедральный каноникъ и *кустошъ* Станиславовскій. Онъ гордо усѣлся на архіепископскомъ креслѣ, надѣясь, что вскорѣ перстень и жезлъ дадутъ ему полное на то право. Еще болѣе надежды и гордости придавалъ ему ожидаемый религіозный диспутъ, на который было обращено вниманіе всѣхъ католиковъ Польши, и которому многовластные іезуиты приписывали важное значеніе. По этому можно было предвидѣть, что благополучно оконченный диспутъ покроетъ теологическою славою ксендза каноника.

И самолюбіе, и политика внушали канонику, *in gratiam* великаго акта, устроить роскошный обѣдъ для католическаго духовенства и польскихъ пановъ. Такъ и случилось: что было знатнѣйшаго во Львовѣ изъ шляхты и духовенства, получило приглашеніе отъ администратора на 16 Іюля.

Съ утра 16 Іюля въ архіепископскомъ дворцѣ началось большое движеніе, а именно, на кухнѣ и въ погребѣхъ. Кухнею, какъ нѣкогда цѣлымъ домомъ каноника, заправляла его племянница, панна Уршуля Бѣльская, высокая, хорошо сложенная, 24-лѣтняя брюнетка. Со связкою ключей у бока, она постоянно бѣгала съ верху въ низъ и обратно, ругая и подгоняя, до изнеможенія, прислугу.

Погребъ находился подъ ключемъ францисканца Гаудента Пикульскаго. На жирномъ его лицѣ, подъ маской лукавства, проглядывала злость, любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ,—особенно къ хорошей кухнѣ,—а вся фигура его выражала покорность подлаго льстеца. Таковъ былъ ксендзъ Гаудентъ Пикульскій, командированный своимъ монастыремъ состоять домашнимъ секретаремъ при администраторѣ, при которомъ онъ, между прочимъ, исполнялъ и болѣе подходящія къ его

нраву обязанности — завѣдующаго дворцомъ и погребомъ.

Подъ наблюдениемъ этихъ двухъ особъ въ большомъ залѣ былъ накрытъ длинный столъ, а буфетъ былъ обставленъ отборными венгерскими и французскими винами.

Тѣмъ временемъ, въ богато меблированномъ кабинетѣ ксендзь Степанъ Микульскій ожидалъ знаменитыхъ гостей. Одѣтъ онъ былъ въ черное шелковое платье, застегнутое сверху до низу на пуговицы; на груди на золотой цѣпи колебался каноническій крестъ, а голову прикрывала черная бархатная палочка. Ему было лѣтъ 40; росту былъ средняго, полный, съ брюшкомъ; румяное лицо и двойной подбородокъ не свидѣтельствовали вовсе объ аскетическихъ наклонностяхъ каноника, а въ круглыхъ живыхъ глазахъ, окаймленныхъ высоко очерченными бровями, помимо напускной святости, — проглядывало кошачье лукавство.

Между тѣмъ кабинетъ по немногу наполнился прибывшими гостями. Тамъ были: яснѣ-вельможные — староста Львовскій, ординатъ Андрей Замойскій; маркизь Беліопольскій; кастелянъ Михайль Остророгъ; воевода Антоній Ланцкоронскій; вельможный Игнатій Молилда и ксендзь Слабневичъ, ректоръ іезуитской коллегіи во Львовѣ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и обыкновенныхъ въ этомъ случаѣ разговоровъ, перешли къ занимающему всѣхъ предмету, — къ предстоящему диспуту.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отозвался панъ Замойскій, — время уже наступило подумать положительно объ обращеніи нашихъ жидовъ, такъ какъ объ изгнаніи ихъ изъ края, въ то время, когда вся Польша ими переполнена, нечего и думать. Странная, однако, вещь: татары, гуситы, аріане были выгнаны, а объ изгнаніи жидовъ, когда къ тому было время, никому даже не пришло на мысль, хотя они кровь изъ насъ высасываютъ и, подъ предводительствомъ своихъ безконтрольныхъ начальниковъ, составляютъ *statum in statu*. Они намъ даже зложелательны и держатъ сторону враговъ края; между тѣмъ, нигдѣ имъ

лучше не живетъ какъ въ Польшѣ, такъ что за границею сложилась поговорка: *Polonia est paradus Judaeorum!*

— Мы, духовные, милостивый пане, — отозвался есендзъ Слабневичъ, — какъ наставники религіи, можемъ стремиться къ обращенію этихъ негодныхъ жидовъ только посредствомъ кроткихъ средствъ и издавна усердно надъ этимъ трудимся; но всё наши усилія не принесли плодовъ, за отсутствіемъ посторонней помощи. Въ теченіи 150 лѣтъ папы: Климентъ VIII, Инокентій III, Григорій XIII и Александръ III неустанно приказывали сжигать талмудъ, но лишь только мы намѣревались приступить къ этому важному и рѣшительному дѣлу, какъ мало того, что ни съ чьей стороны не нашли поддержки, но даже встрѣтили сопротивленіе у свѣтскихъ властей. Скончавшійся въ прошедшемъ году блаженной памяти папа Бенедиктъ XIV въ циркулярѣ своемъ, строго нападалъ на все болѣе разширяющееся вліяніе евреевъ въ Польшѣ, съ соблазномъ для всего христіанства; а *quo grimum*, приказывалъ намъ всѣми средствами ставить преграды унижительной для христіанъ зависимости отъ евреевъ; но, какъ я уже сказалъ, мы не въ состояніи этого совершить собственными силами.—

— Скажите мнѣ, господа, — спросилъ маркизъ Веліпольскій, — какими средствами и кто съумѣетъ уговорить жидовъ принять христіанскую вѣру?—

— Сами же жидаы, — отвѣтилъ каноникъ Микульскій, — или вѣрнѣе, извѣстная ихъ секта антталмудистовъ, признающая, кромѣ вѣтхаго завѣта, одну только книгу *Соаръ*, почему и называются *соаритами*. Секта эта, въ двухъ меморіяхъ, — поданныхъ 25 Февраля архіепископу Львовскому и 16 Марта пресвѣтлѣйшему королю и подписанныхъ двумя ихъ старѣйшинами, — торжественно обѣщала принять св крещеніе, ежели предварительно будетъ дозволено вести публичный диспутъ съ талмудистами. Король согласился съ ихъ желаніемъ; а я, 25 Мая текущаго года, получилъ уже отъ нихъ ближайшее объясненіе ихъ вѣры.—

— Во что же они вѣрують?—спросилъ панъ каштелянъ.

— Вѣрують,—отвѣчалъ ксендзъ каноникъ,—что Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ истинный Мессія; что Богъ троиченъ въ лицахъ; что религія израилитовъ полна заблужденій и лжи, а талмудъ состоитъ изъ превратныхъ ученій, противныхъ Божескимъ и человѣческимъ правамъ.

— Да это настоящее чудо! — воскликнулъ каштелянъ съ другими панами.

— Желая только,—добавилъ панъ староста,—чтобы они побѣдили талмудистовъ на диспутѣ. Сколько ораторовъ выставятъ завтра согариты?—

— Сюда ихъ прибыло всего тринадцать, отвѣчалъ панъ Молизда; не всѣ они, однако, хорошо говорятъ по польски; остальные, затѣмъ, прибудутъ позднѣе изъ Подоля цѣлою общиною, около 1000 головъ, подъ предводительствомъ Іосифа Франка, для принятія св. крещенія. Я самъ былъ у нихъ.—

— Откуда взялся этотъ Іосифъ Франкъ? — спросилъ панъ староста.

— Іосифъ Франкъ — человѣкъ умный, талантливый и весьма почтенный,—отвѣчалъ панъ Молизда.—Мы должны гордиться тѣмъ, что Польша его отечество,—такъ какъ онъ родился въ нашемъ воеводствѣ,—и хотя, вѣдѣствіе долгаго пребыванія въ Турціи, перенялъ многіе тамошніе обычаи, но по чистотѣ рѣчи сейчасъ можно узнать въ немъ поляка. При этомъ онъ очень богатъ и расходуетъ большія суммы на поддержаніе своихъ единовѣрцевъ, за что они его уважають и слѣпо исполняютъ его повелѣнія.—

— По моему мнѣнію, — сказала на это панъ староста,—на насъ лежитъ обязанность взять этихъ людей подъ свою опеку: дать имъ польскія фамиліи при святомъ крещеніи, обезпечить имъ приличный способъ жизни, однимъ словомъ, почитать за настоящихъ поляковъ. Я самъ готовъ многихъ изъ нихъ поселить въ моихъ помѣстьяхъ.—

— Вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе пана старосты и сами готовы тоже сдѣлать, — воскликнули другіе паны.

— А я, — добавилъ воевода Ланцкоронскій, — даже позволяю тѣмъ, у которыхъ буду крестнымъ отцемъ, принять мою фамилію.

— Прекрасные, нравственные принципы, — достойные благородныхъ вашихъ сердець, достопочтенные господа! воскликнулъ Слабневичъ. — Поступайте какъ истинные христіане и польскіе патріоты, за что васъ Богъ и Рѣчь Посполитая вѣчно благословлять будутъ!

Въ это время два лакея внесли установленныя на серебряныхъ подносахъ водку и разныя закуски, для вящаго возбужденія аппетита; а затѣмъ, ксендзъ Пикульскій, низко кланаясь, возвѣстилъ, что обѣдъ уже поданъ, и всѣ, съ обычными въ дверяхъ церемоніями о первенствѣ, перешли въ столовую.

Тамъ, около 50 особъ изъ низшаго духовенства и шляхты, возбуждаемые запахомъ кушаній и видомъ бутылокъ, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидали начала обѣда и лишь только ксендзъ каноникъ съ магнатами вошли въ залъ, всѣ отвѣсили имъ глубокій поклонъ. Первое мѣсто занялъ панъ Замойскій, какъ знаменитѣйшій и наиболѣе уважаемый сановникъ; возлѣ него сѣли каноникъ Микульскій и ксендзъ Слабневичъ; другіе размѣстились по очереди, вдоль стола. Разговоръ, въ началѣ тихій, по мѣрѣ успокоенія желудковъ и осушенія наставленныхъ ксендзомъ Пикульскимъ въ изрядномъ количествѣ бутылокъ становился постепенно громкимъ, и тогда воевода сталъ провозглашать тосты, повторяемые всѣми съ крикомъ: за Всемилостивѣйшаго короля Августа III и благоденствіе Рѣчи Посполитой! за духовенство, шляхту и новыхъ христіанъ. — Наконецъ, съ румянцемъ на щекахъ и необыкновеннымъ огнемъ въ глазахъ, гости встали изъ за стола и покинули епископскій дворецъ.

Тѣмъ временемъ, собрались вмѣстѣ и сторонники будущаго диспута; но не для пиршенства и развлечения, а для приготовленія къ грозной, близкой борьбѣ. Въ низкой

и грязной Львовской синагогѣ съ самаго утра засѣдали раввины, подъ предсѣдательствомъ главнаго раввина Шмуля Герша Раппопорта ¹⁾; между ними былъ и Давидъ бѣнь-Авраамъ изъ Станиславова. Они совокупно обсуждали положительные доводы, которые нужно противопоставить предвидѣннымъ обвиненіямъ со стороны антитапалмудистовъ и заохочивали другъ друга къ предстоявшей завтра борьбѣ.—

Въ залѣ ратуши собрались тринадцать согаритовъ, подъ предсѣдательствомъ ихъ старѣйшины Іегуды-бѣнь-Носсентъ-Крыза,—и соображали планъ атаки. Къ нимъ пришелъ и панъ Моливда, чтобы убѣдиться, на сколько они были подготовлены къ завтрашней встрѣчѣ и чтобы придать ихъ обвиненіямъ и доказательствамъ христіанскую окраску.

Настало, наконецъ, 17 Іюля. Уже съ утра виденъ былъ на улицахъ дѣятельный панъ Моливда; онъ бѣгалъ то къ епископу, то къ іезуитамъ, то въ ратушу, то на гауптвахту, которая была занята отрядомъ коронныхъ войскъ; онъ все готовилъ, все распоряжался. Предусмотрительность его не была напрасною; въ 12 часовъ собралась передъ соборомъ толпа христіанъ различныхъ сословій и возраста, въ перемѣшку съ еврействомъ, и съ криками требовала пустить ее въ костель. Стоявшему у костела караулу запрещено было паномъ Моливдой впускать кого нибудь безъ билета; несмотря на это, давка была такая, что оказалось необходимымъ поставить солдаты шпалерами вдоль улицы до собора, чтобы образовать свободный проходъ для духовенства, магнатовъ и главныхъ актеровъ диспута.

Во второмъ часу, между шпалерами войскъ медленно выступали: каноникъ Микульскій съ клиромъ; ксендзь Слабневичъ, во главѣ іезуитовъ, и монашескіе ордена: Францискановъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, Паулиновъ

¹⁾ Историческая особа, какъ и всѣ другія здѣсь приведенныя. Фамилія Раппапортовъ издавна славилась знаменитыми мужами у Израиля.

и Капуциновъ. За ними шли магнаты: Замойскій, Ланцкоронскій, Веліопольскій, Остророгъ и другіе знаменитые обыватели, въ старопольскомъ нарядѣ, въ лентахъ и при орденахъ. Потомъ шли по парно сорокъ раввиновъ, имѣя во главѣ Раппапорта и много зажиточныхъ евреевъ изъ Бродъ и другихъ Галиційскихъ городовъ,— всѣ въ своихъ костюмахъ, то есть, въ длинныхъ шелковыхъ талесахъ и въ высокихъ кунныхъ или собольихъ шапкахъ, съ которыми гармонировали длинныя ихъ бороды; за ними кеперь, прислужникъ въ синагогѣ, сгибался подъ тяжестью 13 томовъ, *in folio*, талмуда. Далѣе, въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ изъ Магистрата, въ мундирѣ оберъ-лейтенанта пѣхоты, выступалъ панъ Молилда; а за нимъ Іегуда съ согаритами, одѣтыми какъ и тѣ евреи; только бороды ихъ были нѣсколько короче, а вмѣсто высокихъ мѣховыхъ, имѣли на головахъ круглыя съ широкими полями шляпы. По входѣ всѣхъ ихъ въ костель влѣдъ за ними безпорядочно втолкались туда христіане и евреи, снабженные билетами; затѣмъ, не обращая вниманія на гнѣвъ и крики черни, двери немедленно были заперты и къ нимъ приставленъ сильный караулъ.

Въ соборѣ передъ главнымъ алтаремъ были поставлены полукружіемъ нѣсколько рядовъ креселъ для духовенства, а въ серединѣ, на возвышеніи, кресло администратора Миккульскаго. На лавкахъ правой стороны сѣли талмудисты, а лѣвой—согариты. Польскіе паны помѣстились въ костельныхъ ложахъ, а другіе присутствующіе заняли мѣста, гдѣ кто могъ, въ глубинѣ костела. Панъ Молилда съ чиновниками, въ качествѣ протектора согаритовъ, усѣлся возлѣ послѣднихъ.

Когда всѣ утихли, всталъ преосвященный администраторъ и открылъ засѣданіе подходящею къ обстоятельствамъ рѣчью, имѣя въ виду собраніе людей различныхъ исповѣданій. Темою избралъ стихъ псалмопѣвца: *spiritum sanctum ne auferas a me*, и просилъ Бога ниспослать Духа Святаго на талмудистовъ; вывести ихъ изъ тьмы на свѣтъ истины силою благодати, излитой на согаритовъ, ко-

торые восхотѣли, черезъ принятіе святаго крещенія, войти въ общеніе съ церковью Іисуса Христа, послѣ публичнаго на этомъ мѣстѣ изложенія доказательствъ, почерпнутыхъ изъ собственнаго ихъ убѣжденія, о фальшивости принциповъ талмуда. Далѣе продолжалъ: что согариты одинаково докажутъ, что не ожиданіе земныхъ благъ, но чистая вѣра въ божественность Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго, предсказаннаго пророками Мессію, — подвинула ихъ на этотъ шагъ. Наконецъ, закончилъ рѣчь словами: «дай Боже, чтобы ихъ примѣръ нашель послѣдователей въ ослѣпленномъ Израилѣ»!

Въ продолженіи рѣчи, особенно въ концѣ ея, на лицахъ талмудистовъ, сидѣвшихъ съ накрытыми головами, выражались ненависть и презрѣніе.

Послѣ этого, всталъ панъ Моливда и сказалъ, что, будучи назначенъ Рѣчью Посполитою прокуроромъ евреевъ антиталмудистовъ, онъ считаетъ своею обязанностью представить тѣ пункты, которые намѣреваются доказывать его кліенты; что убѣжденія его кліентовъ сложились вслѣдствіе прилежнаго чтенія книгъ стараго завѣта и книги *Согарз*, — написанной раввиномъ Симономъ Гухай, — которая положительно осуждаетъ талмудъ, выводитъ Божество Іисуса Христа изъ пророчествъ и признаетъ Бога въ трехъ лицахъ.

Пункты, подлежащіе доказательству, слѣдующіе:

1) Предсказываемый Мессія давно уже былъ посланъ на землю въ лицѣ Іисуса Христа.

2) Онъ былъ самъ воплощенный Адонай.

3) Съ его сошествіемъ должны прекатиться всѣ религиозные обряды, предписанные закономъ Моисея.

4) Крестъ есть символъ Св. Троицы и знаменіе Іисуса Христа.

5) Всякій человекъ, принимающій ученіе Христа, тѣмъ самымъ освобождается отъ грѣховъ.

6) Къ христіанской вѣрѣ приводитъ Св. крещеніе. —

— Что ты, Израиль, можешь сказать противъ этого — спросилъ громкимъ голосомъ предсѣдатель.

Послѣ продолжительнаго молчанія, всталъ высокій, лысый, съ рыжею бородою и такими же волосами на темяни еврей; на лицѣ его отражалось лукавство и искусство изворотливой болтовни. Это былъ раввинъ Мосекъ Нутка изъ Борочева. Онъ началъ: — *Illustrissimi, reverendissimi ac magnifici domini! Siquidem nobis bene perceptum est, quod digna dignis correspondere debeant: id circa nostra responsa indigna vestris judicamus auribus. Interea.....*

— Гдѣ это ты выучился по латыни? спросилъ изъ ложи панъ староста Замойскій.

— У Іезуитовъ въ Пештѣ, ясновельможный пане, — отвѣчалъ Нутка; — въ молодости служилъ имъ десять лѣтъ за фактора. —

— Это очень похвально, что ты знаешь латынь, возразилъ администраторъ Микульскій, — однакожь, не всѣ ваши противники понимаютъ этотъ языкъ; говори лучше по польски.

Тогда Нутка продолжалъ далѣе: *Interea*, — или однакожь, — ежели приказываете говорить, — станемъ говорить искренно и откровенно. Мы признаемъ, что законы, данные намъ волею Бога, дошли до насъ двоякимъ путемъ: письменно и по преданію. Первые заключаются въ старомъ завѣтѣ, вторые — въ талмудѣ. Талмудъ состоитъ изъ двухъ частей: Мишны или законовъ Божіихъ, перешедшихъ къ намъ по преданію, и Гемары или сборника толкованій древнихъ нашихъ раввиновъ. Наши противники не признаютъ талмуда; мы же имѣемъ больше права не признавать ихъ книги Согаръ, какъ написанной послѣ разрушенія Іерусалима евреемъ отщепенцемъ, переполненнымъ кабалистикою. Намъ законъ запрещаетъ даже читать эту книгу; а потому диспутировать о ней мы не можемъ.

И согариты, и судьи долго молчали: никто не ожидалъ такой уловки. Наконецъ первымъ опомнился ксендзь Слабевичъ и спросилъ:

¹⁾ Исторически, — какъ и всѣ другія обстоятельства.

— Вѣдь вы почитаете вашъ талмудъ частью какъ устное изложеніе воли Бога, а частью—какъ святыя его законы?

— Такъ, не иначе!—воскликнулъ раввинъ Давидъ бѣнъ Авраамъ, а за нимъ нѣсколько другихъ голосовъ.

— Что же вы имѣете сказать противъ этого, согариты?—спросилъ быстро администраторъ, догадавшись о цѣли ловкаго вопроса Слабневича.

Съ лавки поднялся Іегуда бѣнъ Носсенъ Крыза. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ и съ орлинымъ носомъ, придѣланнымъ къ лицу Сатира. Погладивъ свою черную, короткую, раздвоенную бороду, онъ произнесъ:

— Да проститъ вамъ Богъ, талмудисты, во вниманіе къ вашему ослѣпленію, тяжкій грѣхъ исповѣдованія ученія талмуда! Цѣлый годъ пришлось бы мнѣ говорить,—и то не кончилъ бы,—высчитывая всѣ гадкія и превратныя представленія о Божествѣ и нравственности, изложенныя авторами талмуда!

— Высчитывай! крикнули талмудисты.

— И вы называете истиннымъ понятіемъ о святости Бога,—отвѣчалъ спокойно Іегуда,—написанное въ трактатѣ талмуда, Баба Мезія, что самъ Богъ прилежно читаетъ Мишну, чтобы извлеченными изъ нея поученіями вдохновлять вашихъ раввиновъ? или что говоритъ Галгутъ Симонъ, въ трактатѣ Сангедринъ: что Богъ самъ грѣшилъ, дѣйствуя вопреки законамъ и что отъ тѣхъ грѣховъ,—согласно трактату Магеллекъ-Амы-Коле,—разрѣшаетъ его ангелъ Али? или въ трактатѣ Рагіель написано: что Богъ гнѣвно встряхивается, какъ левъ, когда подумаетъ о страданіяхъ Израильтянъ между гоймами и и что, по трактату Абасадора, Богъ самъ насолилъ мясо Левіаѳана, чтобы раздѣлить ему между излюбленными своими, въ день воскресенія изъ мертвыхъ?—

При этихъ словахъ христіане начали громко смѣяться, такъ что самому администратору едва удалось возстановить тишину.

— Развѣ это правила нравственности,—продолжалъ Иегуда, все болѣе разгораясь, — предписанные Рабіей въ трактатѣ Могиля, чтобы жида въ праздники Пурымъ и Гамана напивались, хотя бы и до безчувственнаго состоянія? или Иохмонъ, въ трактатѣ Тома, говорить, что учитель народа недостойнъ этого званія, ежели онъ не мстителенъ какъ змей? или, въ трактатѣ Хошимъ Мишпотъ,—что жидамъ дозволено обманывать невѣрныхъ гоймовъ, должно свидѣтельствовать противъ нихъ въ невѣрныхъ судахъ и даже не спасать ихъ отъ вѣрной и неизбежной смерти?—

— Негодование христіанъ начало выражаться шумомъ, когда талмудисты ничего на все это не возражали; такъ что администраторъ вынужденъ былъ спросить:

— Что же вы молчите, талмудисты?

— Правда,—отвѣчалъ наконецъ Давидъ бенъ Авраамъ,—все это находится въ нашемъ талмудѣ, но должно быть иначе толковано: или, въ связи съ общимъ смысломъ оно имѣетъ другое значеніе, или—представляетъ аллегорію. Завтра я общаю отвѣтить основательно на всѣ возраженія, такъ какъ необходимо извѣстное время для пріисканія приведенныхъ цитатъ и истиннаго ихъ значенія.

— Хорошо, отвѣчалъ администраторъ; теперь приступимъ къ подлежащимъ пунктамъ диспута.

— Шесть пунктовъ, выставленныхъ согаритами,—произнесъ небольшой съ длинною бородою и большими живыми глазами раввинъ изъ Буска, Шмуль Янкель Борухъ,—въ сущности, заключаются въ одномъ вопросѣ: былъ ли предсказанный Мессія ниспосланъ въ лицѣ Иисуса Христа или нѣтъ? Ежели вы докажете намъ, что Иисусъ Христосъ былъ истинный Мессія, тогда мы, безъ разговора, примемъ пять остальныхъ пунктовъ.

— А ваше какое убѣжденіе въ этомъ отношеніи?—спросилъ предсѣдатель.

— Мы убѣждены, отвѣтилъ Янкель Борухъ, что Мессія еще не пришелъ, но можетъ придти въ каждый мо-

ментъ; а тогда мертвые возстанутъ, и Мессія, какъ царь, поведетъ весь народъ въ Іерусалимъ, гдѣ Богъ снова воздвигнетъ для насъ храмъ.

— По талмуду,—добавилъ Іегуда,—сопровождать это событіе будутъ слѣдующія обстоятельства: прежде придетъ пророкъ Ілія, а спустя три дня Мессія и, смотря по поведенію евреевъ, или спустится съ неба на облакъ или на стоцвѣтномъ орлѣ, на которомъ Моисей ѣхалъ изъ Египта. Потомъ столуктевою трубою Богъ разбудитъ мертвыхъ евреевъ и вмѣстѣ съ живущими отведетъ въ Іерусалимъ, гдѣ на горахъ Синая, Кармель и Фавора выстроитъ храмъ изъ серебра, золота, жемчуга и алмазовъ; изъ подъ трона же Мессіи потекутъ четыре рѣчки, наполненныя молокомъ, медомъ, виномъ и бальзамомъ. Тогда всѣ иные народы будутъ истреблены или отданы въ рабство евреямъ.—

Снова поднялся смѣхъ между христіанами.

— Опустимъ эти подробности,—сказалъ администраторъ.—А объясните мнѣ, талмудисты, ваши понятія о продолжительности существованія міра и о раздѣленіи времени?—

На это отвѣчалъ раввинъ Нутка:

— Мы считаемъ теперь 5763 года отъ сотворенія міра, который, по пророку Іліи, будутъ существовать 6000 лѣтъ. Время это раздѣляется на три эпохи: беззаконія, науки и царство Мессіи; однако, мы не съ умѣемъ точно обозначить продолжительность каждой изъ нихъ.

— Лжешь Нутка!—вскричалъ Іегуда;—пророкъ Ілія продолжительность каждой эпохи опредѣляетъ въ 2000 лѣтъ и вашъ талмудъ, въ разныхъ мѣстахъ, подтверждаетъ и повторяетъ это! Первая эпоха, несомнѣнно, продолжилась отъ сотворенія міра до Авраама; вторая....

— Не можетъ быть опредѣлена,—перебилъ Нутка,—такъ какъ историческія событія этой эпохи и даже сказаніе Моисея писаны произвольно.

— О! Каналья!—воскликнулъ въ гнѣвѣ администра-
тотъ; — какъ ты осмѣлился такъ безсовѣстно унижать пуб-
лично твоего, а вмѣстѣ и нашего патріарха? Почему ты
его такъ мало уважаешь? Отзываясь съ такимъ презрѣ-
ніемъ о Моисеѣ, неудивительно, что ты не признаешь
истиннаго Мессіи!

Послѣ этихъ словъ, другія раввины прогнали со
скамьи рыжого Нутку, при громкомъ смѣхѣ присутствую-
щихъ; а тотъ, со стыдомъ и съ затаенною ненавистью
поспѣшилъ скрыться въ толпѣ ¹⁾).

— Мы принимаемъ,—сказалъ раввинъ Давидъ бенъ
Авраамъ, когда все успокоилось,—сказаніе нашего вели-
каго законодателя Моисея,—а именно, исходъ изъ Египта,
—за конецъ первой и начало второй эпохи; но и при этомъ
не будетъ двухъ тысячъ лѣтъ ни отъ сотворенія міра
до Исхода, ни отъ Исхода до рожденія христіанскаго
Мессіи.

— Просвѣти его по этому предмету, братъ Гаудэнты,—
сказалъ предсѣдатель, стоявшему все время за его крес-
ломъ ксендзу Пикульскому.

— Заблуждаешься Израиль!—отозвался тогда ксендзь
Пикульскій;—первые 2000 лѣтъ прошли отъ сотворенія
міра до примиренія съ Авраамомъ, другіе 2000 лѣтъ отъ
примиренія до рождества Іисуса Христа, а теперь мы
живемъ въ третьей и послѣдней эпохѣ—Мессіи.

— Отсюда слѣдуетъ,—добавилъ ксендзь Слабневичъ,
что или годы Мессіи уже давно начались и, въ такомъ
случаѣ Мессія уже пришелъ, или они не начались,—то
тогда пророчество Іліи и талмудъ ошибочно опредѣля-
ютъ время существованія міра и эпохъ. На то или дру-
гое вы, талмудисты, должны согласиться.

— Наука о продолжительности существованія міра и
о двухтысячныхъ эпохахъ,—отвѣчалъ Давидъ,—не отно-
сится къ нашей религіи, а потому для насъ она безраз-
лична.

¹⁾ Исторически вѣрно.

— Ошибаешься раввинъ, — возразилъ на это администраторъ; — напротивъ того, вполне относится къ вашей религіи, такъ какъ доказываетъ правдивость талмуда. Приготовьтесь лучше къ будущей сессіи въ этомъ важномъ пунктѣ; а вы, согариты, приведите теперь доказательства изъ пророчествъ стараго завѣта о томъ, что Христосъ былъ истиннымъ Мессіею. —

Тогда согариты, съ необыкновеннымъ знаніемъ писанія, стали цитировать слова пророковъ относительно пришествія Мессіи и доказывать, что, согласно съ тѣми словами, былъ имъ Исусъ Христосъ.

На все это талмудисты отвѣчали слабо. Къ вечеру администраторъ закрылъ засѣданіе.

На этотъ разъ согариты не приобрѣли особенныхъ выгодъ; да и тѣ умалились, вслѣдствіе вялаго настроенія духа раввиновъ.

На второмъ засѣданіи побѣда согаритовъ была болѣе значительна: талмудисты до такой степени спутались въ своихъ обвиненіяхъ и доказательствахъ, взаимно противоположныхъ, что даже сами не знали какъ выдти изъ такого лабиринта; согариты-же, воспользовавшись слабымъ искусствомъ ихъ въ діалектикѣ, такъ опутали ихъ сѣтями собственныхъ же доводовъ, — что нѣсколько раввиновъ, усомнившись въ побѣдѣ, немедленно послѣ засѣданія, покинули Львовъ, а главный раввинъ заболѣлъ отъ досады.

На третьемъ засѣданіи, побѣда согаритовъ была полная; талмудистамъ же грозила большая опасность. Злобный францисканецъ Пикульскій въ заключеніе вознамѣрился обвинить ихъ въ истязаніи христіанскихъ дѣтей; а для этой цѣли велѣлъ повѣсить надъ скамьей раввина картину, представляющую замученнаго въ Житомирѣ будто бы евреями Михаила Студзинскаго. Ужасный видъ этой картины, писанной по приказанію Волынскаго епископа и нарочно привезенной по просьбѣ Пикульскаго, неблагоприятно повліялъ на дѣла евреевъ. Пикульскій, приводя свое намѣреніе въ исполненіе, доказывалъ по талмуду

жадность евреевъ къ христіанской крови и, указывая на картину, обратился къ присутствовавшимъ со словами: «смотрите, невиннаго ребенка Житомирскіе евреи, шесть лѣтъ тому назадъ, закололи булавками».

При этихъ словахъ, негодованіе и ярость изобразились на лицахъ христіанъ низшаго класса; они бросились на раввиновъ; и только духовное достоинство администратора охранило послѣднихъ отъ поднятыхъ надъ ними съ проклятіями христіанскихъ рукъ. Избавленные отъ побоевъ, они, преслѣдуемые оскорбленіями черни, поспѣшно разошлись по домамъ.

На другой день нарочный гонецъ извѣстилъ Львовскій Магистратъ, что Іосифъ Франкъ съ цѣлою общиной прибудетъ во Львовъ къ завтрашнему дню.

Между тѣмъ, между евреями прошла молва, что Франкъ злостный чернокнижникъ и обладаетъ талисманомъ,—однимъ взглядомъ привлечь евреевъ на свою сторону. Поэтому главный раввинъ Рапопортъ выдалъ приказаніе, чтобы евреи, подъ страхомъ наказанія, избѣгали взгляда Франка и чтобы во время пребыванія его во Львовѣ старались, по возможности, не выходить изъ домовъ.

Г л а в а III.

Великое крещеніе.

С о д е р ж а н і е г л а в ы: Прибытіе Франка съ общиной во Львовъ.—Пріемъ ему оказанный во Львовской рагушѣ.—Разговоръ съ Моливдой.—Обѣдъ у администратора.—Приготовленія къ св. крещенію.—Воевода Ланцкоронскій уговариваетъ шляхту быть воспріемниками согаритовъ, дать послѣднимъ свои фамиліи и заняться ихъ судьбой.—Франкъ съ 13-ю своими принимаетъ крещеніе.—Франкъ оставляетъ во Львовѣ Лабендзкаго, а самъ отправляется въ Варшаву, въ интересахъ своей секты.

21-го Іюля 1759 года, на Галичскомъ предмѣстѣи Львова замѣтно было необыкновенное движеніе: быстро разнесшаяся вѣсть о приближающихся экипажахъ, стя-

нула туда множество разнаго люда. Одни предполагали увидѣть ожидаемыхъ съ Подоля согаритовъ, другіе надѣялись полюбоваться на блестящую свиту посла Отманской Порты, который какъ разъ въ это время долженъ былъ проѣзжать изъ Стамбула въ Варшаву.

Облако пыли закрывало подъѣзжавшихъ. Наконецъ, показалась богато вызолоченная карета шестерикомъ, по обѣимъ сторонамъ которой ѣхало по шести нарядно одѣтыхъ турокъ, на красивыхъ Подольскихъ жеребцахъ. Черезъ каретное окно видѣнь былъ важно развалившійся на подушкахъ мусульманинь.

Несомнѣнно, ближе стоявшіе къ каретѣ передавали дальнѣйшимъ, что это турецкій посоль. Но вотъ за каретой показался длинный рядъ повозокъ, а въ нихъ множество подольскихъ евреевъ съ женами, дѣтьми и со всякимъ скарбомъ. Не оставалось тогда сомнѣнія, что предполагаемый турецкій посоль былъ Іосифъ Лейбовичъ, прозванный Франкомъ, приведшій своихъ сектантовъ для принятія св. крещенія.

Обозъ этотъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 200 повозокъ, остановился передъ ратушею и былъ окруженъ множествомъ любопытныхъ. На балконѣ ожидалъ администраторъ Микульскій съ президентомъ города и другими знатными особами, а Молива, какъ опекунь согаритовъ, встрѣтилъ Франка внизу съ почтеніемъ, подобающимъ его высокому положенію, и просилъ его войти въ залъ ратуши.

Франку могло быть лѣтъ 36; онъ былъ высокъ ростомъ, прекрасно сложенъ, очертанія лица его были правильныя и благородныя, хотя выдающіяся, восточныя; глаза живые и быстрые—какъ бы старались отгадать то впечатлѣніе, какое производитъ его особа на присутствующихъ, за то черная, густая, по турецки подстриженная борода придавала ему степенный видъ. Онъ былъ одѣтъ въ зеленый шелковый обшитый соболями кафтанъ и въ бѣлые шаровары; на ногахъ желтыя туфли, а не

бритую голову покрывала великолѣпная двухцвѣтная чалма.

Поздоровавшись искренно со старымъ своимъ пріятелемъ Моливдой, Франкъ вошелъ въ залъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ администраторомъ и другими господами.

— Reverendissimi! Я прибылъ сюда съ моими единовѣрцами съ цѣлью принять вашу вѣру и присоединиться къ церкви Иисуса Христа. Да будетъ славимъ Всемогущій Богъ!

Франкъ проговорилъ это чистымъ польскимъ языкомъ, держа руки скрещенными на груди и наклонивъ голову, въ знакъ уваженія къ Микульскому.

— Благословляю тебя Именемъ Божиимъ, достопочтенный мужъ,—отвѣчалъ Микульскій.— Ты подаль хорошій примѣръ загрузѣлому въ упорствѣ Израилю, который, надѣюсь, пойдетъ по твоимъ слѣдамъ; а Рѣчь Посполитая будетъ обязана тебѣ своимъ освобожденіемъ отъ наибольшаго бѣдствія—отъ этого вереда, отравляющаго ея сердце.

— Ежели Всесильному Провидѣнію угодно избрать меня, недостойнаго, орудіемъ своихъ великихъ предопредѣлений, то эту самую милостію я буду уже вполнѣ вознагражденъ,—отвѣчалъ Франкъ.— Давно я оплакиваю ослѣпленіе и упорство въ предрасудкахъ Израильскаго люда. Я полагалъ, что публичный диспутъ, что рѣчи антиталямудистовъ помогутъ хотя пошатнуть это упорство; но не знаю, достаточно ли сильно напирали они на талмудъ, и осталась ли ваіна Эминенція довольна ихъ рѣчами?

— Совершенно,—отвѣтилъ Микульскій;— въ каждомъ ихъ словѣ проглядывало глубокое знаніе стараго завѣта,—этого основанія, на которомъ Иисусъ Христосъ воздвигъ Свою церковь; они такъ и почитатели ея потому и одержали надъ талмудистами блестящую побѣду. Смѣло могу сказать, что такіе ученики дѣлають честь своему учителю.

— Благодареніе Богу, теперь свѣтъ убѣдится, что желаніе наше принять христіанство исходитъ отъ чистаго сердца, а не ради земныхъ выгодъ.

— Свѣтъ въ томъ никогда не сомнѣвался, — сказалъ Моливда. Потомъ спросилъ: — какъ велика ваша община?

— Въ настоящее время, — отвѣчалъ Франкъ, — считаемъ 1230 головъ, но съ каждымъ днемъ число нашихъ увеличивается. Недавно еще присоединилось къ намъ 15 семействъ изъ Буска; а, кромѣ того, вскорѣ должны прибыть наши единовѣрцы, разсѣянные по Валахіи и Венгрии, за которыми я уже послалъ.

— Для прибывающихъ сегодня, — сказалъ на это президентъ, — уже приготовлены по моему приказанію квартиры въ обывательскихъ домахъ по Лычаковской улицѣ; а для тебя, уважаемый панъ, имѣются комнаты въ ратушѣ.

— Благодарю васъ, господа, — отвѣчалъ Франкъ, — за ваше вниманіе къ моимъ единовѣрцамъ; что же касается меня, то жалѣю, что не могу воспользоваться вашею добротой, такъ какъ я уже нанялъ цѣлый домъ.

Вскорѣ пришли Іегуда и Эліашъ поздороваться со своимъ патриархомъ и отвести его на нанятую имъ квартиру. Прощаясь съ администраторомъ, Франкъ просилъ его назначить на завтра часъ, въ который бы тотъ могъ принять его; за это администраторъ вѣжливо поблагодарилъ Франка и просилъ его къ себѣ обѣдать.

Изъ ратуши Моливда проводилъ Франка въ его домъ, передъ которымъ уже стоялъ караулъ, по распоряженію того же Моливды. Въ комнатахъ, устроенныхъ въ восточномъ вкусѣ, размѣстилась жена Франка. Всѣ полы были покрыты турецкими коврами, вокругъ стѣнъ низенькіе диваны, а всюду видны были большіе бронзовые подсвѣчники.

Жена Франка, Ревекка, молодая, красивая еврейка изъ Валахіи, сидѣла въ своемъ кабинетѣ на низкомъ диванѣ, поджавши ноги по турецки; около нея находились двѣ прислужницы, одинаково красивыя, какъ и ихъ

госпожа. На ней былъ черный бархатный, расшитый золотомъ кафтанъ, бѣлыя атласныя шаровары и турецкія туфли на босую ногу; изъ подъ красной, унизанной жемчугомъ и брилльянтами шапочки, выбивались густые черныя волосы.

Она приказывала своимъ прислужницамъ вынимать изъ сундуковъ серебро и другія вещи, которыя 12 турокъ, — ѣхавшихъ возлѣ кареты Франка, а теперь въ легкихъ восточныхъ костюмахъ исполнявшихъ должность лакеевъ, — разносили и устанавливали по этажеркамъ и шкафамъ. Одинъ изъ нихъ, казалось, былъ секретаремъ Франка, такъ какъ переносилъ и укладывалъ въ смежной комнатѣ однѣ лишь бумаги съ еврейскими заголовками и письменныя принадлежности.

Франкъ представилъ своей женѣ пана Моливду, извинившись за нее, что кромѣ турецкаго она не знаетъ другаго языка. Потомъ, вмѣстѣ съ Моливдой, Іегудой и Эліашемъ, отправился въ отдѣльную комнату, куда были поданы трубки на длинныхъ чубукахъ и черный густой кофе въ маленькихъ чашкахъ.

— Позвольте вамъ выразить почтенный панъ Франкъ, — сказалъ Моливда, втягивая съ наслажденіемъ ароматный дымъ турецкаго табаку, — что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы вамъ отбросить и одежду, и обычаи турокъ, а принять наши; вѣдь турокъ по Измаилу приходится какъ бы единокровнымъ братомъ еврею; а во вторыхъ, онъ вѣчный врагъ Рѣчи Посполитой. Во всякомъ случаѣ было бы съ вашей стороны неполитично соблюдать ихъ обычаи.

— Я совершенно того же мнѣнія, господинъ Оберъ-Лейтенантъ, — отвѣчалъ Франкъ. Моимъ лозунгомъ всегда была поговорка: какой край, — такой и обычай. На Подоли, при турецкой границѣ, я одѣвался туркомъ, чтобы различаться отъ тамошнихъ евреевъ; здѣсь-же, коль скоро приму сватое крещеніе, приму вмѣстѣ и одежду, и всяческіе польскіе обычаи; однимъ словомъ, буду во всемъ полякомъ, которымъ считаю себя по мѣсту своего рожденія.

— Это другое дѣло; это я понимаю!...—воскликнулъ Моливда, пробуя поданный ему кофе. Но лишь только сдѣлалъ глотокъ, какъ отставилъ чашку. —Что это за напитокъ, чортъ возьми? Черный какъ смола и горькій какъ полынь!

— Это кофе, приготовленный по турецки; и его также замѣню польскимъ,—отвѣчалъ Франкъ и велѣлъ подать Моливдѣ чашку сорбета.—

— Имѣю порученіе,—сказалъ помолчавъ немного Моливда,—спросить у васъ, господа, не нуждается ли вы или ваша община въ денежномъ пособіи отъ Рѣчи Поснолитой?

— Что меня касается, отвѣчалъ нѣсколько гордо Франкъ, то ни въ какомъ пособіи не нуждаюсь; сами видите, что у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Община наша, до сихъ поръ, состоитъ изъ зажиточныхъ людей; небольшое же число бѣдныхъ содержу я самъ. Но какъ число нашихъ ежедневно возрастаетъ и преимущественно бѣдняками, а богатство мое, подобно колодезю, можетъ изсякнуть,—то оставляю усмотрѣнію правительства дать нашимъ бѣднымъ какое либо пособіе, послѣ принятія св. крещенія. Я же намѣреваюсь просить единственно о томъ, чтобы новымъ христіанамъ были обѣщаны помощь и покровительство въ отношеніи свободной промышленности и торговли, въ которыхъ они разовьютъ свои способности наиболее полезнымъ для себя и для края образомъ. Мнѣ кажется, что такая просьба не заслуживаетъ быть отвергнутой.

— Правительство не откажетъ,—отвѣчалъ Моливда,—ни въ пособіи бѣднымъ, ни въ своемъ покровительствѣ желающимъ заняться промышленностью и торговлей, оно даже готово утвердить шляхетство за всякимъ, кто-бы пожелалъ пріобрѣсти поземельную недвижимость.

— Шляхетство,—возразилъ на это Франкъ,—тѣмъ только можетъ быть дано, кто собственными заслугами пріобрѣтетъ право на это достоинство. На первое же время, мы желаемъ только свободнаго развитія промышленности, а

именно, городской, — за исключеніемъ, само собою, невозволительныхъ для христіанъ денежныхъ спекуляцій и лихвы.

— Прежде всего, — добавилъ Іегуда, — намъ нужно солидное обезпеченіе нашей личности. Часъ тому назадъ, когда наши согариты размѣщались по квартирамъ, на нихъ напала съ оскорбительными криками еврейская чернь, и едва не дошло до побоища.

— Объ этомъ мнѣ извѣстно, — сказалъ Молизда, — и мною уже приняты надлежащія мѣры. Я велѣлъ огласить завтра на перекресткахъ, что ежели кто изъ евреевъ осмѣлится обидѣть словомъ и дѣйствіемъ прибывшихъ катехименовъ, то такой будетъ наказанъ тѣлесно и выгнанъ изъ Львова.

Дѣйствительно, такія энергическія средства не были излишними при данныхъ обстоятельствахъ. Съ самаго вступленія Франка и его сектантовъ на землю Львовскую, между евреями начало увеличиваться волненіе, поддерживаемое возвращавшимися съ диспута раввинами и тѣми, въ общинахъ которыхъ показывались согариты. Франкъ обязанъ былъ счастливому прибытію во Львовъ своей прозорливости и осторожности; онъ хранилъ въ глубокой тайнѣ направленіе своего пути и избѣгалъ городовъ.

А все таки къ нему присоединялись новые прозелиты, — между ними былъ и Веніаминъ сынъ раввина изъ Станиславова. Когда Давидъ бенъ Авраамъ узналъ объ этомъ, то съ отчаянія рвалъ бороду и заклиналъ небо и адъ помочь ему извлечь возлюбленное дѣтище его старости изъ когтей этихъ *Роти-Кори*, какъ онъ называлъ согаритовъ.

На другой день Франкъ въ каретѣ администратора Микульскаго отправился къ нему на обѣдъ. Микульскій былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи, получивъ только что изъ Рима утвержденіе въ должности настоящаго епископа. Желая поговорить съ Франкомъ откровенно, онъ никого не просилъ къ обѣду кромѣ двухъ домашнихъ

пріятелей—пана Моливду и ксендза Слабневича. Пользуясь этимъ, за столъ сѣла и панна Уршуля-Бѣльская.

Разговоръ, натурально, перешель къ теологическимъ вопросамъ, причемъ Франкъ показалъ себя такимъ знатокомъ теологій, что господа духовные пришли въ изумленіе. И дѣйствительно Франкъ не былъ зауряднымъ человѣкомъ: онъ свободно говорилъ по французски, по нѣмецки и даже по латыни; старый завѣтъ зналъ почти наизусть, а пророковъ объяснялъ лучше, быть можетъ, специалистовъ — теологовъ; кромѣ этого, основательно зналъ католическую догматику и умѣлъ объяснять ея кабалистическою символикой, совершенно неизвѣстною обыкновеннымъ теологамъ,—что не могло не нравиться его слушателямъ, узнавшимъ новыя доказательства, подтверждающія основанія догматики.

Когда Микульскій и Слабневичъ съ удивленіемъ слушали Франка, францисканцу Пикульскому показалось ихъ молчаніе неудовольствіемъ, а потому онъ сталъ задавать Франку забавные вопросы и дѣлать смѣшныя возраженія, которыя Франкъ такъ ловко и остроумно парировалъ, что всѣ разразились смѣхомъ.

— О, Гаудэнты!—началь наконецъ епископъ;—*Si tacuisses philosophus mansisses*; это не съ раввинами имѣть дѣло!

Разгнѣванный францисканецъ бросилъ на Франка злобный взглядъ и, не будучи въ состояніи снести такого униженія, вышелъ изъ столовой при первой возможности.

— Остается намъ еще,—сказалъ епискомъ за десертомъ,—поговорить относительно церемоніи св. крещенія. Мнѣ хотѣлось бы для большаго впечатлѣнія на евреевъ совершить ее публично въ соборѣ и наиторжественнѣе.

— Ваше преосвященство, распорядитесь нами по вашей волѣ!—отвѣчалъ покорно Франкъ.

— Я еще прежде предписалъ настоятелямъ,—говорилъ епископъ,—какимъ путемъ они должны готовить новыхъ христіанъ къ принятію св. крещенія. Теперъ вы

мнѣ дайте списокъ членовъ вашей общины, чтобы сообразить, какъ раздѣлить ихъ по приходамъ.

— Завтра я пришлю его Вашему Преосвященству— отвѣчалъ Франкъ.

— Главныя основанія христіанской религіи уже усвоены вашею общиною; такъ полагаю, что за мѣсяць, а наидальше за полтора, всё будутъ вполне подготовлены. Потому я хочу теперь же назначить день крещенія, чтобы набожные обыватели изъ окрестности могли присутствовать при этой церемоніи.

— Въ какомъ положеніи дѣло,—спросилъ Слабневичъ,—по поводу возбужденныхъ сомнѣній, о которыхъ вы, ксендзъ бискупъ, мнѣ вспоминали?

— Капитулъ ихъ уже разрѣшилъ.

— Могу я спросить,—сказалъ Франкъ,—какого рода эти сомнѣнія?

— Явились такія сомнѣнія: слѣдуетъ ли считать дѣйствительными браки, заключенные до принятія крещенія, по обряду Моисея, и могутъ ли катехимены находиться во время церемоній въ прежнихъ своихъ костюмахъ?

— И что же постановилъ капитулъ?

— Браки, заключенные до принятія крещенія будутъ считаться дѣйствительными нетребующими обновленія; но приступающіе къ святому крещенію, должны все отбросить, что припоминало бы ихъ прежнія заблужденія, а затѣмъ даже наружные знаки, какъ то костюмъ и бороду.

— Очень разумно! воскликнулъ Франкъ;—сдѣлаемъ по вашему желанію. Я первый сбръю бороду!

— Еще предстоитъ вопросъ—вмѣшался Моливада,—какой костюмъ присвоить новымъ христіанамъ? Извѣстно, что у насъ въ Польшѣ всего два класса—шляхта и хлопы; оба класса ходятъ въ своихъ народныхъ костюмахъ, а сверхъ того шляхта, со временъ Саксонцевъ, начала перенимать французскій. Несомнѣнно, что ни тотъ ни другой изъ народныхъ костюмовъ не соотвѣтствуетъ нашимъ ново-христіанамъ.

— Разрѣшеніе этого вопроса заключается въ самомъ вопросѣ,—отвѣчалъ Франкъ.—Если бы мы приняли костюмъ шляхты, то показалось бы всеѣмъ, что мы покушаемся присвоить себѣ и ея привилегіи, о чемъ мы и не думаемъ, а желаемъ только составить несуществующее доселѣ въ Рѣчи Посполитой среднее сословіе. Остается намъ затѣмъ костюмъ по французской модѣ, тѣмъ болѣе удобный, что можетъ подлежать различнымъ измѣненіямъ, смотря по положенію лица.

Все согласились съ мнѣніемъ Франка.

— Однакожь,—добавилъ еще епископъ,—такая перемѣна костюма потребуетъ значительныхъ издержекъ. Поэтому, я еще разъ спрашиваю васъ, почтенный мужъ, не требуется ли для бѣднѣйшихъ изъ вашей общины денежнаго пособія? Для этой цѣли въ моемъ распоряженіи находится особый ресурсъ.

— Ежели Ваше Пресвященство непременно желаете намъ благодѣтельствовать, то я велю составить списокъ истинно бѣдныхъ и вручу его вамъ.

— Хорошо. Поручаю пану Моливдѣ позаботиться объ ихъ костюмѣ и даже о содержаніи, пока они не приищутъ себѣ приличныхъ средствъ къ жизни.

— Что касается этого послѣдняго обстоятельства—сказалъ Франкъ,—то тотчасъ послѣ принятія св. крещенія я намѣренъ поѣхать въ Варшаву, съ цѣлью выхлопотать для нихъ что либо у правительства. Много рассчитываю, въ этомъ отношеніи, на вашу протекцію.

— Можете быть въ ней увѣрены,—отвѣчалъ епископъ.

Нѣсколько дней спустя, все катехинены были распределены по приходамъ города Львова, для приготовленія въ необходимыхъ, передъ вступленіемъ въ лоно церкви, наукахъ, а Франка и его семейство взялся готовить самъ епископъ.

Назначенъ былъ и день великаго обряда, а именно 15 Сентября, о чемъ было оглашено публично, съ амвоновъ цѣлой провинціи; а панъ воевода сдѣлалъ воззваніе къ шляхтѣ, чтобы прибыла на это торжество во Львовъ.

Съ того времени въ домѣ Франка началось большое движеніе; нѣсколько секретарей день и ночь что то писали; старѣйшины общины ежедневно приходили къ патриарху съ какими то донесеніями и получали отъ него приказанія; множество писемъ присылалось и отсылалось въ Молдавію, Валахію и Венгрію. Франкъ такъ былъ занятъ, что кромѣ Слабневича и Моливды никого не принималъ, а самъ изрѣдка навѣщалъ епископа. Община согаритовъ жила тихо; въ извѣстные только часы ихъ можно было видѣть направляющихся въ костелы слушать науку христіанской религіи; у себя же дома занимались преимущественно обученіемъ дѣтей, а главное—упражненіемъ ихъ въ еврейскомъ языкѣ. Не смотря на выраженное намѣреніе принять христіанство и на приготовленіе ко вступленію въ христіанское общество, они проводили шабашъ въ общей молитвѣ. По пятницамъ домъ Франка былъ блестяще освѣщенъ, а по субботамъ въ немъ прекращались всякія работы.

Епископъ ежедневно присылалъ въ распоряженіе Франка 630 золотыхъ; деньги эти, вмѣстѣ со складками мѣстныхъ согаритовъ, поступали въ кассу, которою вполне заправлялъ Франкъ.

Съ другой стороны, панъ Моливда заподрядилъ всѣхъ почти портныхъ шить одежду для согаритовъ, по покрою нѣмецкихъ обывателей Львова. Евреи талмудисты, находясь подъ наблюденіемъ полиціи и живя въ отдѣльной части города, постепенно оставляли въ покоѣ своихъ противниковъ и, затѣмъ, совершенно перестали ими заниматься.

При такомъ положеніи дѣлъ, приблизился наконецъ, день, назначенный для крещенія. За нѣсколько дней передъ тѣмъ начали уже съѣзжаться на торжество магнаты и мелкая шляхта, занявшая всѣ постоянные дворы. Едва пріѣхалъ воевода Ланцкоронскій, какъ къ нему пришелъ ксендзъ Слабневичъ напомнить обѣщаніе, данное публично на обѣдѣ у епископа, относительно оказанія помощи ново-христіанамъ и воспринятія ихъ отъ св. купели. Вое-

вода не только не отрекся отъ даннаго обѣщанія, но тутъ-же рѣшилъ запросить къ себѣ прибывшихъ уже помѣщиковъ и уговорить ихъ на христіанское дѣло, особенно же припомнить Замойскому, Веліопольскому и Остророгу данное ими обѣщаніе—поддерживать всеми силами новыхъ христіанъ.

И дѣйствительно, немедленно послѣ ухода іезуита, воевода разослалъ приглашенія, а на другой день за столомъ у него сидѣли аристократія провинціи и многочисленная шляхта.

Послѣ изряднаго возліянія, Ланцкоронскій заговорилъ торжественно:

— Представляется намъ сегодня случай показать, что мы достойные граждане Рѣчи Посполитой и умѣемъ любить нашъ край! Болѣе тысячи жидовъ ожидаютъ принятія св. крещенія, и должно надѣяться, что такой примѣръ привлечетъ со временемъ и остальныхъ. Поэтому то настоящій моментъ весьма важенъ; въ этотъ моментъ мы можемъ превратить ихъ въ полезныхъ обитателей нашего края. Кто же ими станетъ заниматься, ежели мы,—составляющіе шляхетское сословіе и дѣйствительное правительство края, не займемся ими? Нашъ способъ дѣйствія, по отношенію къ тѣмъ, которые нынѣ пожелали креститься, или заохотить прочихъ жидовъ къ принятію христіанской вѣры, или навсегда ихъ отъ нея отстранить. Теперь наступило самое время дать доказательство любви къ отечеству; все христіанство, будущія поколѣнія—станутъ или благословлять, или порицать избранный нами путь. Нѣтъ, не будутъ порицать! Наша провинція всегда отличалась любовію къ отечеству и не запятнаетъ сегодня заслугъ своихъ отцевъ!

Этими словами достойно отвѣтитъ шляхта червонной Руси ожиданію народа.

— *Niech żyje nasz wojewoda!* ¹⁾—закричали присутствовавшіе.

¹⁾ Пусть живетъ нашъ воевода!

— Обязанности наши двоякія,—продолжалъ Ланцкоронскій: обязанности христіанина и польскаго шляхтича. Какъ христіане,—мы должны быть крестными отцами новыхъ христіанъ, должны ввести ихъ въ общество католической церкви; какъ шляхта, какъ граждане Рѣчи Посполитой,—должны обезпечить будущую ихъ судьбу, согласуясь съ благомъ всего народа!

— Справедливо говорить воевода,—замѣтилъ Замоискій.—Я и Веліопольскій вчера уже обѣщали епископу быть крестными отцами Франка.

— А я,—добавилъ Остророгъ,—съ племянницею епископа буду воспринимать отъ купели жену Франка.

— Этого еще недостаточно,—заговорилъ снова Ланцкоронскій;—недостаточно церемоніально держать ихъ при крещеніи:—станемъ для нихъ настоящими отцами, дадимъ имъ наши фамиліиыя имена, чтобы будущія поколѣнія не могли попрекнуть ихъ происхожденіемъ; чтобы не было съ ними того, что съ потомками, принявшими св. крещеніе при Ягеллонахъ: тѣмъ было дано шляхетство, а фамиліи оставили такія, что различить ихъ отъ нашихъ также легко, какъ бѣлыхъ вороновъ среди черныхъ ¹⁾. Я даю мою фамилію моимъ крестнымъ дѣтямъ.

— Я также,—отозвался старый хорунжіи изъ Буска²⁾. Янъ-Непомукъ Воловскій,—даю мою фамилію; и тѣмъ охотѣе, что со мною, послѣднимъ въ родѣ, угасла бы эта благородная отрасль; а теперь я привью ее къ стволу дикаго дерева.

— И мы также!...—вскричали Бржезинскій, Завадскій, Зелинскій, Залевскій, Езиоранскій, Мотушевскій, Шимановскій, Лабендзкій, Піотровскій, Цѣхановскій и другіе.

¹⁾ Фамиліи, происходящія отъ мѣсяцевъ или дней, или же начинающіяся на «ново», но большей части, принадлежать потомкамъ выкрещенныхъ при Ягеллонахъ евреевъ.

²⁾ Бускъ находится за Львовомъ, въ восточной Галиціи, недалеко отъ Злочева и Бродъ.

— Однако, какъ это должно понимать?—отозвался кто то менѣ увлекшійся.—Эти люди, получивши наши фамиліи, приобрѣтутъ-ли и шляхетскія права?

— По этому вопросу сомнѣніе еще не разрѣшено, —отвѣчалъ Ланцкоронскій.—Мы даемъ имъ только наши фамиліи, а уже дальнѣйшее ихъ поведеніе покажетъ, достойны ли они шляхетскаго званія. Впрочемъ, чего намъ смущаться? Мы же знаемъ, что фамиліи наши наидревнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ родовъ носятъ и простолюдины; а изъ этого никто еще до сихъ поръ не выводилъ родства. Какое, напримѣръ, пану ординату Замоискому дѣло до того, что мой кучеръ прозывается Яномъ Замоискимъ; или развѣ огорчаются господа Потоцкіе, что здѣсь, на углу трактира, какая то Потоцкая продаетъ яйца?

— Это правда; вопросъ этотъ для насъ совершенно безразличенъ,—отвѣтилъ кто-то.—Но вотъ болѣе важный: какимъ способомъ мы можемъ устроить ихъ будущность?

— Для этого у насъ нѣтъ недостатка въ средствахъ, —отвѣчалъ Ланцкоронскій;—развѣ мы не нуждаемся въ арендаторахъ корчемъ, мельницъ, пивоварень, фольварковъ? а эконома, писаря, лѣсничіе, пленипотенты—развѣ намъ не нужны? Болѣе способныхъ людей на эти должности, какъ ново-христіане, —нельзя и желать!

— Посмотримъ,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— И такъ,—дѣло кончено! воскликнулъ Ланцкоронскій и провозгласилъ здоровье братьи—шляхты.

Послѣ этого тосты шли по очереди до глубокой ночи.

Наканунѣ крещенія, епископъ разослалъ магнатамъ, шляхтѣ и общинѣ согаритовъ программу предстоявшей церемоніи. Согласно программѣ, всѣ согариты должны собраться въ 10 часовъ утра въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ самъ епископъ отслужитъ обѣдню; послѣ чего онъ скажетъ подходящую къ случаю рѣчь, а затѣмъ будетъ приступлено къ крещенію Франка и его жены и тѣхъ изъ согаритовъ, которые приготовлялись къ принятію христі-

анства въ приходѣ соборной церкви. Въ послѣдующіе дни совершится крещеніе остальныхъ согаритовъ по другимъ костеламъ. Послѣ крещенія каждый получитъ метрику, съ обозначеніемъ новой своей фамиліи.

Вмѣстѣ съ программю знатнѣйшіе паны получили приглашеніе на обѣдъ къ епископу, послѣ окончанія церемоніи перваго дня.

Программа эта была измѣнена въ томъ только отношеніи, что жена Франка, собираясь родить, заболѣла; а потому, спустя уже двѣ недѣли была окрещена на дому самимъ епископомъ вмѣстѣ съ 5-ю и 7-ю лѣтними своими сыновьями.

Въ день церемоніи, площадь передъ соборомъ представляла такой же видъ, оживленіе и толкотню, какъ и во время диспута; но внутри собора обстановка была далеко торжественнѣе прежней. Середину собора наполнили согариты въ нѣмецкомъ костюмѣ, безъ бородъ и съ коротко остриженными волосами; на женщинахъ были бѣлыя платья и чепцы. Во главѣ согаритовъ стоялъ Франкъ; на немъ былъ фіолетоваго цвѣта бархатный, золотомъ вышитый фракъ, въ короткихъ, изъ чернаго морэ, панталонахъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ брилліантовыми пряжками; жабо и рукавички были изъ тончайшихъ брабантскихъ кружевъ, а на пальцахъ красовалось множество перстней съ дорогими камнями; волосы были не напудрены; подъ мышкою держалъ трехъугольную шляпу. По обѣимъ сторонамъ согаритовъ стояли и сидѣли польскіе паны, въ національныхъ и французскихъ костюмахъ, а въ ложахъ сидѣли ихъ жены и дочери. Остальное пространство въ костелѣ занимали жители Львова, впускаяшіеся по билетамъ. Ни одного еврея не было видно, такъ какъ въ этотъ день главный раввинъ Раппопортъ созвалъ ихъ въ синагогу, съ цѣлью предать проклятію Франка и его секту.

Началась обѣдня. Епископъ Микульскій съ пышностью католической церкви служилъ соборне, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства; согариты, начи-

ная отъ *credo* до *agnus dei*, стояли на колѣняхъ, а Франкъ лежалъ ничкомъ на полу, распростерши крестомъ руки. Послѣ обѣдни епископъ взшелъ на амвонъ и, призвавъ Духа Святаго на новыхъ христіанъ, напомнилъ имъ принимаемыя ими обязанности въ отношеніи Бога и людей.

Затѣмъ настоятель прихода, съ двумя викаріями и въ сопровожденіи гг. Замойскаго и Веліопольскаго, подошедши къ Франку, сказалъ ему: Дорогой мой сынъ! ясновельможный староста, ординатъ Замойскій и ясновельможный маркизъ Веліопольскій предложили быть твоими крестными отцами.

— Глубоко чувствую и умѣю цѣнить доброту ясновельможныхъ пановъ,— отвѣчалъ Франкъ,—но очень сожалѣю, что не могу ею вполне воспользоваться, такъ какъ, не подобаешь мнѣ дѣлать выбора между двумя такими высокопочтенными именами. Поэтому я останусь и впредь со старымъ моимъ именемъ Франка, тѣмъ болѣе, что оно и безъ того будетъ почитаться за христіанское, такъ какъ даже въ Турціи, гдѣ меня такъ прозвали, оно означаетъ христіанина.

Послѣ этихъ словъ Франкъ сталъ на колѣни, на поданную ему костельнымъ слугою подушку и громко проговорилъ полатыни символъ вѣры, отвѣчая настоятелю на предлагаемые вопросы. Затѣмъ крестные отцы отвели его къ купели, при которой и совершилось таинство св. крещенія; наконецъ онъ удалился съ викаріемъ въ ризницу, гдѣ получилъ метрическое свидѣтельство.

Тѣмъ временемъ настоятель крестилъ другихъ согаритовъ. Церемонія продолжалась до 3-хъ часовъ и въ этотъ день, кромѣ Франка было окрещено 13 семействъ, вышедшихъ изъ собора подъ слѣдующими именами и фамиліями: Іегуда бенъ Носсенъ Криза,—Яна-Непомука Воловскаго; Соломонъ бенъ Эліанъ—Амврозія Ланцкоронскаго; Лейба Ноговичъ—Антонія Лабендзкаго, секретарь Франка Лейзоръ—Феликса Бржезинскаго; нѣкто Борухъ—Завадскаго; Шмуль—Зелинскаго; Хаимъ—Залевскаго; Ицекъ—Езіоранскаго; Янкель—Матушевскаго;

Мосекъ—Шимановскаго; Гершекъ—Пиотровскаго; Давидъ—Цѣхановскаго и Сруль—Рудницкаго.

На парадномъ обѣдѣ у епископа Франку, какъ главной особѣ, отдавались первыя почести; вель онъ себя съ достоинствомъ и съ такимъ знаніемъ этикета, какъ будто былъ настоящій придворный.

Этимъ онъ снискалъ расположеніе шляхты и духовенства, и когда сказалъ, что намѣренъ поѣхать въ Варшаву, то со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія рекомендательныхъ писемъ.

Когда крещеніе согаритовъ по костеламъ было окончено, Франкъ сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Варшаву, куда пожелалъ сопровождать его и панъ Моливда. Предварительно Франкъ выбралъ изъ неофитовъ 30 самыхъ знаменитыхъ и богатыхъ семействъ; приказалъ имъ ѣхать въ Варшаву, поселиться въ ней и ожидать его прибытія. Заступающимъ мѣсто главы или патріарха неофитовъ во Львовѣ, Франкъ назначилъ на время своего отсутствія Лейбу Нотовича—нынѣ Лабендзкаго. Съ Франкомъ должны были ѣхать Воловскій (б. Іегуда) и секретарь Бржезинскій (б. Лейзоръ). Отъ ордината Замойскаго Франкъ получилъ рекомендательное письмо къ первому министру, Графу Брюлю (Brühl); отъ епископа—къ князю Примасу Лубенскому, а отъ ксендза Слабневича къ провинціалу ордена Іезуитовъ. Слабневичъ сообщилъ Франку, что для него приготовлена уже квартира въ монастырѣ іезуитовъ въ Варшавѣ, и чтобы онъ заѣзжалъ туда безъ церемоніи.—

2-го Октября, запряженная четверней карета проѣхала заставу Львова. Въ ней сидѣли: Франкъ съ товарищами и Моливда. За ними слѣдовала повозка съ вещами и съ вооруженными людьми Франка.

На полъ пути до Люблина ихъ догналъ курьеръ посланный епископомъ къ пану Моливдѣ, съ извѣщеніемъ, что дочь его красивая Елена тайно покинула монастырь Норбертанокъ и бѣжала съ молодымъ Веніаминомъ бенъ-Давидомъ, который послѣ крещенія получилъ фамилію

Грабовскаго. Сообщалось только, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, молодая пара направилась горною дорогою въ Венгрію. Огорченный Молива немедленно возвратился во Львовъ, съ намѣреніемъ преслѣдовать бѣглецовъ.

ГЛАВА IV.

Мессія.

Содержаніе: Францисканецъ Пикульскій открываетъ враждебныя дѣйствія противъ Франка. Онъ собираетъ отъ двухъ молодыхъ сектантовъ свѣдѣнія о Франкѣ и обвиняетъ послѣдняго въ намѣреніи выдавать себя за Мессію. Извѣстіе о подобномъ обвиненіи доходитъ до Франка въ Варшаву. Франкъ задержанъ, осужденъ на вѣчное заключеніе и сосланъ въ Ченстоховъ.

Въ то время когда Франкъ, на пути въ Варшаву, предавался розовымъ мечтамъ въ удобномъ экипажѣ во Львовѣ собиралась гроза, произведшая впоследствии переворотъ во всей его жизни. Францисканецъ Пикульскій не могъ забыть своего приниженія за столомъ у епископа и ожидалъ только выѣзда Франка, чтобы открыть противъ него дѣйствія, по заранѣе приготовленной программѣ.

Уже съ самаго начала, прежде чѣмъ Франкъ возбудилъ въ немъ жажду мести, Пикульскій воспылалъ къ нему завистью, вслѣдствіе чего онъ сталъ смотрѣть на Франка другими глазами, чѣмъ какими смотрѣли на него другіе. Глубокое почтеніе и слѣпое повиновеніе приказаніямъ Франка его секты, сильно поражали францисканца. Онъ разсуждалъ довольно справедливо, что подобнаго вліянія невозможно было произвести однимъ превосходствомъ ума и что, слѣдовательно, объясненія слѣдуетъ искать въ чемъ-то другомъ. Далѣе, онъ прилежно слѣдилъ за поведеніемъ Франка, обсуждалъ всякій его шагъ и ему показалось, что Франкомъ руководитъ не простая вѣра въ Иисуса Христа, но какія то другія цѣли. Дошли до него слухи, старательно разсѣваемые талму-

дистами, что главное основаніе секты согаритовъ состоитъ въ примѣненіи ея къ мѣстнымъ обычаямъ каждой страны, хотя бы для этого пришлось пожертвовать наружно религіею Израиля.

Все это привело Пикульскаго къ убѣжденію, что въ душѣ Франкъ вовсе не христіанинъ и что онъ овладѣлъ умами своихъ приверженцевъ какими то необыкновенными средствами. Наконецъ онъ замѣтилъ, что отказомъ принять шляхетство и желаніемъ образовать изъ своей секты среднее сословіе Франкъ не желаетъ допустить сліянія той секты съ польскимъ обществомъ, а предполагаетъ сформировать изъ нея исключительную касту, отъ которой снизойдетъ, будто бы благоденствіе на весь край.

Припомнился ему невольно диспутъ съ талмудистами, главнымъ пунктомъ котораго было пришествіе Мессіи; и сравнивая обѣщаніе Франка—всеобщаго благоденствія и счастья съ представленіями евреевъ о Мессіи, съ пришествіемъ котораго они ожидаютъ лишь земнаго счастья, —Пикульскій задалъ себѣ вопросъ: не выдаетъ ли себя Франкъ передъ своею сектою за Мессію? Какъ ни слабо было основаніе для подобнаго подозрѣнія, но чувство мести сдѣлало свое, и подозрѣніе Пикульскаго перешло для него въ убѣжденіе; оставалось ему только собрать факты, чтобы убѣдить въ томъ и другихъ.

Съ этою цѣлью онъ, еще до совершенія крещенія согаритовъ, приглашалъ къ себѣ болѣе знаменитыхъ изъ нихъ и спрашивалъ ихъ о Франкѣ; но ничего положительнаго не узналъ.

Тѣмъ временемъ, епископъ поручилъ ему готовить къ крещенію двухъ молодыхъ согаритовъ, недавно прибывшихъ изъ Подоля: Иосифа Сатанова и Лейбу Рабиновича. Спустя нѣсколько дней Пикульскій убѣдился, что это были молодые, неопытные молодые люди, слѣпо вѣрившіе Франку и отзывавшіеся о немъ всегда съ увлеченіемъ; всѣмъ этимъ Пикульскій рѣшился воспользоваться для собранія о Франкѣ болѣе точныхъ свѣдѣній.

Однажды, послѣ урока, когда молодые люди собирались идти домой, съ ними заговорилъ Пикульскій:

— Любезные мои друзья! Чѣмъ больше смотрю я на вашего патріарха, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ набожный и добродѣтельный мужъ, и что лучшаго примѣра христіанскихъ добродѣтелей онъ не въ состояніи вамъ показать!

— Мы давно его такимъ знаемъ и обожаемъ,—отвѣтили катехимены.

— Скажите мнѣ, мои любезные, какимъ путемъ онъ сдѣлался вашимъ главою, нѣкоторымъ образомъ,—вашимъ начальникомъ? Сами вы его избрали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сатановъ; прежде чѣмъ Франкъ въ Ноябрь 1755 года прибылъ изъ Турціи на Подоль, о немъ уже прошла громкая слава, какъ о человѣкѣ глубоко свѣдущемъ въ писаніи и теозофіи и даже одаренномъ какимъ-то высшимъ вдохновеніемъ. Разумѣется, каждому изъ насъ захотѣлось стать его ученикомъ; а кто только разъ его видѣлъ, только разъ его слышалъ, тотъ не могъ уже его покинуть и, какъ зачарованный, почти мимовольно, ходилъ за нимъ изъ города въ городъ.

— Чѣмъ же вы жили во время этихъ скитаній?—спросилъ монахъ.

— Богатые не имѣютъ нужды заботиться о своемъ существованіи, а бѣдныхъ Франкъ содержалъ на свой счетъ.

— Ахъ! Никогда не забуду рѣчи Франка въ Ямполѣ: воскликнулъ съ жаромъ Рабиновичъ.

— О чемъ же это? спросилъ равнодушно Пикульскій?

Сатановъ посмотрѣлъ на него съ недовѣріемъ, а затѣмъ бросилъ взглядъ на Рабиновича, какъ бы остерегающій его отъ излишней откровенности передъ Пикульскимъ; но Рабиновичъ въ увлеченіи не обратилъ на это вниманія и продолжалъ:

— Когда весною прошлаго года насъ преслѣдовали на всемъ Подолѣ; когда ярые Гассидимы не давали намъ нигдѣ покоя,—тогда мы прибѣгли къ нашему единствен-

ному опекуну, Франку жившему тогда въ Ямполѣ, на турецкой границѣ.

Тамъ однажды собралъ онъ насъ на лугу за городомъ и произнесъ: «приближается время счастья и свободы для Израиля; приближается время, когда Израиль станетъ пользоваться вѣчнымъ спокойствіемъ. Скоро исполнятся всѣ благодѣнія, обѣщанныя Богомъ своему народу. Слушайте вѣрные и подражайте мнѣ. Страна, недавно мною покинутая, станетъ подъ тою же желѣзною стопою, которая топчетъ и нашу землю, освященную прахомъ Авраама, Моисея и Давида. Даже эта земля, на которой я здѣсь передъ вами стою, еще недавно только освободилась изъ подъ этой желѣзной стопы. Вамъ вѣдь извѣстно, что такое турецкое, а что польское правленіе; что магометанское, а что христіанское правительство? въ Турціи жидъ считается собакой, а здѣсь — человекомъ.

— Великая правда! воскликнулъ Пикульскій.

— Теперь вы пользуетесь свободою и привилегіями; но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я обѣщаю вамъ въ будущемъ. Слушайте. Шляхта польская такова, какая намъ именно и нужна: у нея доброе сердце, но слабый разумъ. Короли польскіе никогда не были мудрѣе шляхты, но намъ всегда оказывали свое благоволеніе: когда предки наши изгонялись изъ запада, то нашли въ Польшѣ другую обѣтованную землю, а въ короляхъ изъ рода Пястовъ—истинныхъ опекуновъ. Сыновья Казимира Великаго и Эстерки несомнѣнно наслѣдовали бы тронъ послѣ своего отца, еслибы христіане не питали такого отвращенія къ еврейской крови, какое чувствуютъ Гассидимы къ старому завѣту ¹⁾).

— Но, какъ этотъ великій мужъ хорошо знаетъ польскую исторію,—перебилъ Пикульскій.

— Развѣ нашимъ отцамъ могло быть лучше въ Палестинѣ, чѣмъ въ Польшѣ, во времена Казимира и

¹⁾ Въ томъ значеніи, что для нихъ талмудъ составляетъ все.

Эстерки, въ царствованіи Сигизмунда-Августа, Сигизмунда III, Яна III—этого великаго Собѣскаго, освободившаго христіанство и народъ Израильскій отъ турецкаго ига? А теперъ, на что мы можемъ нарекать подъ скипетромъ мирно царствующаго Августа III? Численность наша уже достигаетъ численности, бывшей въ самую блестящую эпоху жизни нашего народа, подъ правленіемъ великаго Давида. Но не эта численность, а наша свобода и наше благосостояніе должны бы присвоить этой странѣ наименованіе Іудеи. Такъ, мои братья, Іегова предназначилъ Польшѣ быть новою Палестиной, а Кракову—новымъ Іерусалимомъ ¹⁾.

— Да, это — печальная истина, сказалъ со вздохомъ Пикульскій.

— До сихъ поръ мы зломъ платили полякамъ за ихъ добро; но пришло время, когда мы должны выказать благодарность этому народу, пріютившему насъ отъ кровавыхъ преслѣдованій Испанцевъ, Португальцевъ и Нѣмцевъ; мы должны принять его религію, которая несомнѣнно происходитъ отъ Бога, когда ее исповѣдуетъ такой добрый и благородный народъ!....

— Я говорилъ уже вамъ, что теперешнія ваши свободы ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я вамъ обѣщаю. И такъ я хочу, чтобы черезъ принятіе католической вѣры вы приобрѣли права и привилегіи средняго сословія, несущаго нынѣ въ Польшѣ, но безъ котораго ни одна страна не можетъ достигнуть благоденствія и могущества.

— Золотыя слова! воскликнулъ съ увлеченіемъ Пикульскій. — Выпьемъ же за здоровье великаго Франка.

При этихъ словахъ Пикульскій добылъ изъ шкафчика двѣ бутылки вина, наполнилъ стаканы, и всѣ трое

¹⁾ Прежде описаннаго уже Исаакъ Адрановичъ называетъ Краковъ новымъ Іерусалимомъ въ изданномъ имъ (въ 13 томахъ) талмудѣ, въ 1605 году.

выпили за здоровье Франка, послѣ чего попросилъ Рабиновича продолжать разсказъ. Рабиновичъ продолжалъ.

— Я не хочу утверждать относительно—себя, сказалъ потомъ Франкъ,—того, что утверждалъ сто лѣтъ тому назадъ въ Турціи Сабатэй Севи,—то-есть, что я Мессія. Тотъ только истинный Мессія, кого весь христіанскій міръ и польскій народъ признають за такового. Собственные же мои мысли по этому предмету, мои чувства я открою только тѣмъ изъ васъ, которые меня не покинутъ. Никто не будетъ сожалѣть о томъ, что повѣрилъ и довѣрился мнѣ, такъ какъ узнаетъ такія вещи, о которыхъ никому до сихъ поръ не снилось и изъ которыхъ самыя меньшія, это—средства одарить дѣтей Авраама могуществомъ и богатствомъ.

— Скажите!—воскликнулъ Пикульскій.—Повтори-ко это еще разъ!

Рабиновичъ повторилъ, а Пикульскій записалъ его слова.

При этомъ Сатановъ снова посмотрѣлъ недоувѣрчиво на Пикульскаго и началъ дѣлать знаки Рабиновичу, замѣтивъ которые, Пикульскій наполнилъ виномъ стаканы и, для отклоненія подозрѣнія, сказалъ:

— Знаете, мои друзья, что за странная вещь! Мы также вѣруемъ во вторичное пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, только не знаемъ времени Его пришествія, которое быть можетъ ближе, чѣмъ мы ожидаемъ. Согласно съ предсказаніемъ прежде появится антихристъ и станетъ мучить людей, а затѣмъ, снизойдетъ на землю во Славѣ Своей Христосъ, учинитъ послѣдній судъ, станетъ царствовать надъ свѣтомъ и съ того времени настанетъ святое согласіе между людьми, которые подъ однимъ пастыремъ составятъ единую церковь. Какъ ни темны слова вашего начальника, кажется однако, что онъ относитъ ихъ къ тому времени. Я вѣрю, что, быть можетъ осѣненный благодатью Духа Божія, онъ больше знаетъ объ этомъ, чѣмъ мы, грѣшныя люди, поэтому, скажите вы мнѣ, не говорилъ-ли онъ вамъ чего нибудь по этому предмету?

*

— Какже — отвѣчалъ Рабиновичъ; — говорилъ мнѣ самому отдѣльно, да и отъ другихъ я слышаль, что близокъ конецъ свѣту, и что тогда одна только католическая религія останется, а потому сильно настаиваль на ея принятіи. Говорилъ еще, что антихристъ уже родился въ Турецкомъ городѣ Салоникахъ, гдѣ онъ самъ его видѣлъ; что вскорѣ Христось сойдетъ съ неба для борьбы съ антихристомъ и для Страшнаго Суда и что быть можетъ, Онъ уже находится на землѣ въ человѣческомъ видѣ.

— Подожди, немного, мой другъ, — прерваль Пикульскій; — опорожнимъ эти стаканы. — Выпивъ вино и наполнивъ имъ снова стаканы онъ добавилъ: позволъ мнѣ записать и эти послѣднія слова.

— Странное дѣло, — продолжалъ далѣе Рабиновичъ, — нерѣдко онъ говорилъ намъ, что то или другое событіе исполнится въ опредѣленное время и къ великому нашему удивленію, предсказанія его оправдывались; а когда мы, почти съ обожаніемъ, говорили ему, что онъ необыкновенный человѣкъ, тогда отвѣчалъ намъ скромно: я худшій изъ васъ.

Пикульскій постоянно записываль слова Рабиновича. Сатановъ же, подѣ дѣйствіемъ вина забылъ свои подозрѣнія и, предавшись вполнѣ безграничному обожанію Франка, сказалъ:

— Все это еще ничего, но мы видѣли часто въ темнотѣ голову Франка, окруженную прозрачнымъ сіяніемъ, съ окровавленнымъ челомъ и раны на ладоняхъ. Мы съ удивленіемъ рассказывали ему объ этомъ явленіи, на что онъ намъ отвѣчалъ: сказано въ писаніи — «имѣете глаза и не видите» я же говорю вамъ: видите и не понимаете.

— Какъ это? — спросилъ усумнившійся Пикульскій. Сіяніе надъ головой и знаки ранъ на ладоняхъ?

— Ни малѣйшаго сомнѣнія: я видѣлъ это самъ, собственными глазами. Удивляло насъ также не мало, что на молитвахъ, при словахъ: «Отче мой,» необыкновенно

возвышалъ голосъ и часто называлъ себя посланникомъ Божіимъ.

Францисканецъ записалъ буквально всѣ слова.

— Что же еще? спросилъ онъ, наливая снова вино.

— Иногда, — заговорилъ Рабиновичъ, — онъ неожиданно и какъ бы чудеснымъ образомъ являлся посреди насъ и тогда поучалъ: «Ежели нѣсколькимъ изъ васъ, безъ предварительнаго между собою соглашенія, придетъ одна и таже мысль, — то будьте убѣждены, что мысль эта происходитъ отъ Бога.»

— А еще что? — спросилъ Пикульскій послѣ минутнаго молчанія; но когда ни одинъ изъ нихъ не могъ уже болѣе ничего разказать о Франкѣ, то добавилъ: — то, что вы мнѣ сообщили, весьма важно и когда нибудь можетъ послужить поводомъ къ оказанію Франку подобающей ему чести; поэтому, неоткажитесь подписать эту бумагу, какъ нелицепріятное свидѣтельство и доказательство его посланничества. Прошу только никому обо всемъ этомъ не говорить, такъ какъ преждевременная вѣсть могла бы повредить и вамъ, и вашему начальнику Франку. Надѣюсь однако, что вы, при первомъ востребованіи, подтвердите ваше свидѣтельство?

Сатановъ и Рабиновичъ безъ препирательства подписали поднесенную Пикульскимъ бумагу, обѣщали сохранить обо всемъ глубокое молчаніе и никогда не отпереться отъ своихъ словъ.

Пикульскій добылъ изъ нихъ болѣе того, чѣмъ сколько рассчитывалъ, что однако не остановило его въ розыскѣ доказательствъ изъ другихъ источниковъ. Онъ усмотрѣлъ между неофитами еще четырехъ людей, а именно: Якова Шимановича, Павла Рогатынскаго, Луку, Франциска и Якова Тыменецкихъ ¹⁾. Изъ ловкихъ съ ними разговоровъ Пикульскій вполне убѣдился, что могъ бы получить отъ нихъ такое же свидѣтельство, какое получилъ отъ Сатанова и Рабиновича; но самъ лично онъ не

¹⁾ Всѣ эти имена исторически вѣрны.

захотѣлъ ихъ допрашивать, зная хорошо, что, будучи спрошены подѣ присягою, они покажутъ тоже самое, что и тѣ двое.

Тѣмъ временемъ, Сатановъ и Рабиновичъ, частью изъ боязни, а частью помня наставленіе Пикульскаго, никому не говорили о бывшемъ съ нимъ разговорѣ,—а хотя вначалѣ опасались, что далеко зашли со своею откровенностью и хотѣли даже предупредить о томъ своихъ старшихъ и Франка, но, видя, что съ послѣднимъ обходятся по прежнему съ уваженіемъ и почтеніемъ, они успокоились и вполнѣ повѣрили искренности намѣреній Пикульскаго.

Послѣ отъѣзда Франка въ Варшаву и когда уже миновало обояніе новизны, Пикульскій сообразилъ, что настало время дѣйствовать. Придя однажды утромъ въ кабинетъ епископа онъ, послѣ обычныхъ разговоровъ, сказалъ:

— Ваша эминенція не знаетъ еще, какъ мало всѣ цѣнили господина Франка, не смотря на восхищеніе его глубокою ученостью, такъ какъ никто и не догадывался, что въ его особѣ былъ самъ Мессія.

— Съ ума ты сошелъ, Гаудентъ!—воскликнулъ епископъ, посмотрѣвъ на него съ изумленіемъ.

— Вещь невѣроятная, а, между тѣмъ, правдивая. Пусть ваша эминенція благоволитъ прочитать вотъ это,—отвѣчалъ Пикульскій, подавая епископу показанія Сатанова и Рабиновича.

Епископъ равнодушно взялъ бумагу и сталъ читать; но, по мѣрѣ чтенія, лицо его постепенно омрачалось, а когда окончилъ, то всталъ, зашагалъ по комнатѣ и, остановившись передъ Пикульскимъ, спросилъ:

— Показанія этихъ людей не подозрительны?

— Нисколько. Впрочемъ, можно допросить и другихъ сектантовъ Франка, такъ какъ изъ разговоровъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я узналъ почти тоже самое. Особенно указываю на свидѣтелей Шимановича, Рогатынскаго и Тысьменецкихъ.

— Возвратился уже панъ Молизда?—спросилъ епископъ.

— Еще не возвратился. Говорятъ что онъ догналъ свою дочь въ Пештѣ, но неизвѣстно когда вернется.

— Попроси ко мнѣ немедленно ректора слабневича, а послѣ обѣда пусть соберутся сюда члены Консисторіи.

Пикульскій вышелъ исполнить приказаніе почти увѣренный въ успѣхѣ своихъ плановъ; а епископъ задумчиво ходилъ по комнатѣ и говорилъ про себя:—я предчувствовалъ, что какой то демонъ сидитъ въ этомъ Франкѣ и въ его сектѣ!..... Больше всего меня сердитъ, что я далъ ему рекомендательное письмо къ князю-примасу.....

Вскорѣ пришелъ ректоръ Слабневичъ. Епископъ разсказалъ ему все, сообщенное Пикульскимъ и далъ прочитать ему показанія Сатанова и Рабиновича.

— Ну, что—же мы станемъ дѣлать въ этомъ случаѣ?

— Молчать невозможно, — отвѣчалъ ректоръ; показанія тѣхъ двухъ людей весьма важны и, кажется, заслуживаютъ полного довѣрія; впрочемъ, допросъ другихъ новохристіанъ откроетъ всю правду. Надо только дѣйствовать скоро и энергически, чтобы призванные къ допросу не догадались о чемъ ихъ станутъ спрашивать и не сговорились бы между собою, а главное, чтобы старшія общины не узнали ни о чемъ до конца слѣдствія. Говоря правду, поведеніе ихъ давно возбудило во мнѣ подозрѣніе. Что касается Франка, то дѣло съ нимъ представляется весьма важнымъ. Если бы Франкъ пожелалъ играть роль Мессіи единственно для того, чтобы заохотить жидовъ къ принятію св. крещенія,—то онъ долженъ бы создать новую религію, новый обрядъ, не только несообразный съ нашею католическою вѣрою, но обвиняющій ея въ фальшивости, и уже для этого самаго мы не должны бы были терпѣливо и бездѣятельно ожидать развитія и распространенія такой ужасной ереси. Но Франкъ со своею сектой, принялъ нашу вѣру; а затѣмъ, кажется, что намѣренія его идутъ далѣе, и что онъ хочетъ распространить свои реформы на все христіанство.

Хотя и сомнительно, чтобы человекъ, недавно выпедшій изъ среды всеми презираемаго народа, могъ бы перетянуть на свою сторону христіанъ, могъ бы съ успѣхомъ вести борьбу съ теперешнею Иерархіею и поколебать вѣру, укоренившуюся въ теченіи вѣковъ въ сердцахъ людей, унаслѣдовавшихъ ее отъ предковъ; однакожь мы не знаемъ тѣхъ средствъ, какими онъ намѣренъ дѣйствовать на христіанъ; видимъ только, что ему удалось затянуть въ свои сѣти многихъ жидовъ; а изъ исторіи мы знаемъ, что наибольшія ереси находили себѣ сторонниковъ. Во всякомъ случаѣ, появленіе его въ роли Мессіи могло бы нарушить спокойствіе церкви и поколебать папскій престолъ; поэтому то мы должны уничтожить болѣзнь въ самомъ началѣ и задавить нарождающуюся гидру. Только сильныя и энергическія средства здѣсь помогутъ, и я совѣтую немедленно начать дѣйствовать.

— Все это вполне справедливо; но я рекомендовалъ Франка князю—примасу и другимъ значительнымъ особамъ: событіе это скомпрометируетъ меня въ ихъ глазахъ.

— Ваша Эминенція не должны обращать на это вниманія. *Ergate humanum est!* Дѣло слишкомъ большой важности, чтобы не признаться въ ошибкѣ. Гораздо хуже то, что быть можетъ намъ придется оставить, хотя на нѣкоторое время, дальнѣйшее навращеніе жидовъ. Во всякомъ случаѣ, я теперь же пошлю подробное донесеніе нашему провинціалу. А ваша Эминенція, какъ думаете поступить?

— Я никому донесеній не пошлю, пока совершенно не выясню этого дѣла. Сегодня послѣ обѣда соберется Консистерія; слѣдующаго же совѣту ксендза-ректора, я хотѣлъ бы во время самого засѣданія отобрать показанія отъ свидѣтелей, а затѣмъ уже увидимъ, какъ надо поступать далѣе.

— Совершенно основательно. Ежели ваша Эминенція позволите, то я прибуду въ засѣданіе Консистеріи.

— Объ этомъ я именно и хотѣлъ просить ксендза-ректора.

Послѣ обѣда собралась Консисгорія. Епископъ, изложивъ обвинительные пункты противъ Франка, развилъ мысль о необходимости быстрого дѣйствія и о немедленномъ допросѣ указанныхъ свидѣтелей; когда же всѣ члены согласились съ его мнѣніемъ, то были призваны въ то-же засѣданіе: Сатановъ, Рабиновичъ, Шимановичъ, Рогатынскій и Тысьменецкіе.

Двое первыхъ подтвердили подѣ присягою свои показанія, записанныя Пикульскимъ; остальные показали почти то-же самое что и тѣ, присягнули и получили строгое предостереженіе сохранять въ тайнѣ все то, о чемъ ихъ спрашивали.

Затѣмъ, Консисгорія постановила всѣ показанія представить князю примасу и увѣдомить о случившемся папскаго Нунція. Въ ту-же самую ночь была послана эстафета въ Варшаву.

Еще до закрытія засѣданія Консисгоріи, Слабневичъ съ другими духовными внесли предложеніе, чтобы позвать Антона Лабендзкаго (б. Лейба-Нотовичъ), какъ самага старшаго и знаменитѣйшаго изъ ново-христіанъ, для объясненій по поводу отношеній его къ Франку и соображенія, на сколько ложная наука послѣдняго усвоена бывшими согаритами. При этомъ сдѣлано было замѣчаніе о странномъ поведеніи ново-христіанъ.

— Удивительная вещь, — говорили нѣкоторые, — что эти новые христіане почти никогда не бываютъ въ костелахъ; дѣтей своихъ учатъ сами, не забывая упражнять ихъ въ еврейскомъ языкѣ; другъ друга называютъ согаритами или антитапмудистами и, наконецъ, празднуютъ шабашъ съ прекращеніемъ всякой работы, а по пятницамъ ярко освѣщаютъ свои квартиры.

— Конечно, — добавилъ толстый каноникъ, поведеніе ихъ весьма подозрительно, и слѣдовало бы призвать къ объясненію Антона Лабендзкаго; однако, не совѣтовалъ бы сдѣлать это теперь, чтобы не переполошить неофитовъ. Сверхъ того, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ вовсе затрогивать вопроса объ отношеніяхъ секты къ Франку

до тѣхъ поръ, пока духовный судъ не порѣшитъ съ нами Франкомъ; допросъ же Антона Лабендзкаго, по другимъ обстоятельствамъ, слѣдовало бы отложить на нѣсколько дней.

Такъ и случилось. Спустя нѣсколько дней Лабендзкій былъ вызванъ въ Консисторію; а когда ему объявили причину, вслѣдствіи которой онъ вызывается, и павшее на него и на бывшихъ его единовѣрцевъ подозрѣніе, тогда онъ отвѣтилъ ловко и съ полнымъ сознаниемъ:

«Не правда, будто мы не посягаемъ костела, потому что на сколько мнѣ извѣстно, каждый изъ насъ исполняетъ всѣ религіозныя обязанности. Неудивительно, ежели насъ не замѣчаютъ въ костелахъ, такъ какъ насъ не почитаютъ теперь за отдѣльную секту, а считаютъ истинными христианами; поэтому, приходя на божественное служеніе не гуртомъ, а въ одиночку, мы теряемъ въ массѣ прочихъ христианъ. Впрочемъ, вѣдь не мы, а приходскіе священники должны наблюдать за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей своихъ прихожанъ. Я положительно отрицаю обвиненія, будто мы учимъ дѣтей по еврейски. Что же касается празднованія шабаша и т. п., то, извѣстно каждому, какъ трудно искоренить обычаи, всосавшіеся съ молокомъ матерей. Эти обычаи, составлявшіе прежде почти всю духовную жизнь новообращенныхъ, не могутъ быть истреблены съ одного раза, но постепеннымъ и настойчивымъ трудомъ. Мы же, бывшіе старшіе въ общинѣ согаритовъ, и теперь хотимъ дѣйствовать на нашихъ братьевъ примѣромъ и совѣтами и всѣми средствами стараемся искоренить въ нихъ старые обычаи и предрасудки. Надѣемся, что вскорѣ и мы дойдемъ и нашихъ братьевъ до возможнаго совершенства въ вѣрѣ. Дѣйствія наши стали бы болѣе успѣшными, если бы духовные, а именно, настоятели приходовъ, обратили особое вниманіе на ново-христианъ и излагали бы имъ отдѣльно науку о религіи. Но, вѣдь, это не наше дѣло.... Мы же, съ своей стороны, приложимъ всѣ силы, чтобы духовенство не имѣло повода на насъ жаловаться.

Такимъ объясненіемъ всѣ удовольствовались, и все кончилось тѣмъ, что приказано было настоятелямъ приходовъ обратить особенное вниманіе на поведеніе новохристіанъ въ релігіозномъ отношеніи.

Мы оставили Франка на пути въ Варшаву. Въ Люблинѣ онъ едва не лишился жизни; тамошніе евреи, увѣдомленные о его прибытіи, напали на него на улицѣ и несомнѣнно задавили бы его въ экипажѣ, еслибы вооруженные лакеи Франка не удержали разъяренной черни до прибытія отряда коронныхъ войскъ. Нѣсколько евреевъ было задержано, и Люблинскій Магистратъ приступилъ уже къ слѣдствію; но на другой день евреи бѣжали, и дальнѣйшее дознаніе было прекращено ¹⁾.

Пріѣхавъ въ Варшаву, Франкъ остановился въ коллегіи іезуитовъ, гдѣ былъ принятъ весьма вѣжливо провинціаломъ ордена, кзендзомъ Альбертпанди. Ему отвели обширное помѣщеніе, кромѣ того, квартиры для секретаря Бржезинскаго и для Воловскаго.

Здѣсь Франкъ зажилъ, какъ въ собственномъ домѣ; занимался онъ исключительно дѣлами секты, а именно составлялъ съ секретаремъ своимъ прошенія къ королю и къ сейму о предоставленіи ново-христіанамъ привилегій. Иногда заходилъ къ нему провинціалъ и велъ длинные разговоры о способѣ дальнѣйшаго навращенія евреевъ. Въ этихъ разговорахъ Франкъ выказалъ такое знаніе теологіи и другихъ наукъ и столько глубокаго и быстраго ума, что, подобно тому какъ у Львовскаго духовенства, снискалъ себѣ полное уваженіе и у Провинціала.

Тѣмъ временемъ Воловскому было поручено заняться судьбою осѣвшихъ въ Варшавѣ неофитовъ, помогать имъ совѣтами и даже деньгами изъ кассы Франка для учрежденія пивныхъ заводовъ, дистиларенъ, постоянныхъ дворовъ, торговли хлѣбомъ, деревомъ и т. п.

Прошло три недѣли, а Франку не удалось еще вручить по принадлежности рекомендабельныхъ писемъ. Два

¹⁾ Исторически вѣрно.

раза ѣздилъ съ нимъ провинціалъ и къ князю примасу и къ министру Брюлю; но въ оба раза или важныя занятія, или нездоровье, или инныя причины препятствовали Франку лицезрѣть этихъ важныхъ особъ.

Варшава не была вовсе мѣстомъ, гдѣ бы Франкъ могъ обратить на себя общее вниманіе своею личностью, или обширными намѣреніями и соединнымъ съ ними политическимъ интересомъ, или роскошной показной жизнью, замѣчательными качествами ума. Въ этой расточительной столицѣ, гдѣ проживало столько магнатовъ, изъ которыхъ почти каждый велъ открытый домъ, и гдѣ господствовала такая роскошь въ экипажахъ и одеждѣ, гдѣ было столько элегантно и родовитой молодежи изъ знаменитѣйшихъ домовъ Рѣчи Посполитной, — въ этой столицѣ на самые важные политическіе интересы смотрѣли легкомысленно и, слѣдовательно, Франкъ долженъ былъ ступешаться. По этому, онъ поступилъ благоразумно, начавши вести спокойную и уединенную жизнь, тѣмъ болѣе, что въ то время не позволено было евреямъ проживать въ Варшавѣ, и Франку не доставало бы темнаго фона для отраженія его шумнаго блеска.

Однажды, въ началѣ Ноября, Франкъ былъ разбуженъ своимъ камердинеромъ (прежнимъ туркомъ его свиты, а нынѣ называемымъ Ипполитомъ Ясинскимъ), сообщившимъ ему, что у дверей квартиры стоятъ два гренадера изъ королевской гвардіи и никого не впускаютъ, ни выпускаютъ изъ дома.

Франкъ, не будучи трусливымъ, спокойно всталъ съ постели, чтобы узнать причину такой странной осторожности, когда вдругъ появился передъ нимъ ксендзъ Провинціалъ съ синдикомъ и сказалъ сурово:—

Прихожу объявить вамъ весьма непріятную новость: вы арестованы по приказанію князя примаса, вслѣдствіе присланныхъ изъ Львова обвиненій, что вы распространяли между ново-христіанами ложное ученіе, а сами выдавали себя за Мессію. Будь. однако, спокоенъ сынъ мой; дѣло это разсмотрится со всею справедливостью и основательно, и

ежели окажешься невиннымъ, то ни единый волосъ не спадеть съ головы твоей.

— Если бы я былъ Мессіей,—та-же судьба меня постигла бы, что и Господа нашего Иисуса Христа,—отвѣчалъ гордо Франкъ;—но такъ какъ я не Мессія и никогда подобнаго не утверждалъ, то почитаю для себя за великую честь, что люди обходятся со мною такъ, какъ обошлись бы съ Нимъ, ежели бы Онъ вторично сошелъ на землю.

— Имѣю приказаніе,—отвѣчалъ на это провинціалъ взять всѣ ваши бумаги и удалить отъ васъ всѣхъ вашихъ слугъ. Квартиру вы получите другую, но недостатка въ удобствахъ не будете имѣть.

— Дѣлайте что вамъ приказано и что вы считаете необходимымъ, ксендзь провинціалъ,—отвѣчалъ холодно и гордо Франкъ.

Синдикъ приступилъ къ опечатанію бумагъ Франка. Теперь только Франкъ замѣтилъ рыдающаго въ углу своего камердинера.

— Что ты плачешь?—сказалъ ему кротко.—Повѣрь, что ни у меня, ни у тебя не спадеть волосъ съ головы. Но слушай и помни,—добавилъ онъ съ силою, какъ бы вдохновлено:—иные люди злоупотребляютъ именемъ Господа Иисуса; часъ ихъ близокъ и ихъ достигнетъ перстъ Божій; близокъ уже часъ, когда они изъ цѣлой Европы будутъ изгнаны.

Иезуиты отвѣтили на такое предсказаніе презрительными взглядами, и, взявши съ собою опечатанныя бумаги, молча удалились.

Въ ту-же ночь Франка перевели въ монастырь Бернардиновъ, гдѣ заключили въ особую келью, не допуская къ нему никого, кромѣ стараго послушника, приносящаго Франку пищу и безусловно молчаливаго.

Прошло семь недѣль, а Франкъ ничего еще не зналъ о будущей своей судьбѣ; его даже не допрашивали, не приводили въ судъ и, казалось, совершенно о немъ забыли. Одинъ, безъ книжекъ, безъ малѣйшаго развлечения, мучи-

мый неизвѣстностью о своей судьбѣ и о своей сектѣ, Франкъ испытывалъ страшныя душевныя муки. Каждая казалась прибавляла новую морщину на его чело. Мысли, одна другой чернѣе, чередовались въ его головѣ затемняя воспоминанія о минувшихъ страданіяхъ и счастливыхъ дняхъ. Надо было обладать сильнымъ духомъ, чтобы не впасть въ оцѣпененіе или не лишиться ума. Каждый день, ложась спать; Франкъ думалъ, что вотъ завтра рѣшится его судьба; но завтрашній день какъ и вчерашній не приносилъ ему ничего новаго..... Такая жизнь начала было производить вліяніе и на сильнаго духомъ Франка. Изъ оконъ своей кельи онъ любовался сперва на чудесную панораму — Вислы,—а нѣсколько дней спустя, даже не взглянулъ на нее и только подходя иногда къ окну, мимолетно бросалъ взоръ на рѣку, грустно приговаривая: воды эти текутъ какъ и моя жизнь,—всегда одинаково стремясь, сами незная куда и зачѣмъ.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ Января 1760 года въ его келью вошелъ высокій худой духовный, со впалыми щеками и поблекшимъ взоромъ.

— Я — офиціалъ Турскій,—отрекомендовался онъ Франку сурово, — и пришелъ васъ допросить. Чѣмъ откровеннѣе будутъ отвѣты, тѣмъ для васъ будетъ лучше.

— Мнѣ неизвѣстны ложь и фальшь; спрашивай,—буду отвѣчать,—сказалъ гордо Франкъ.

— Гдѣ и когда ты родился, кто были твои родители и гдѣ ты получилъ воспитаніе?—спросилъ офиціалъ Турскій, когда другой пришедшій съ нимъ духовный собиравался писать.

— Я родился въ 1724 году въ мѣстечкѣ Бучачѣ, въ Русскомъ воеводствѣ, гдѣ отецъ мой, Исаакъ Лейбовичъ былъ купцомъ; матери моей, умершей во время моего дѣтства, я не помню. На двѣнадцатомъ году жизни я выѣхалъ съ отцемъ въ Валахію, а вскорѣ потомъ въ Константинополь. Тамъ отецъ отдалъ меня на воспитаніе

равнину изъ секты согаритовъ, и отъ него я выучился языкамъ и теологiи.

— Почему прозываешься Франкомъ?

— Въ Турціи этимъ именемъ называютъ каждого христіанина; а такъ какъ я давно возымѣлъ намѣреніе принять св. крещеніе, то и присвоилъ себѣ эту фамилію.

— Имѣешь какое нибудь состояніе?

— Я былъ единственнымъ сыномъ и унаслѣдовалъ послѣ отпа значительное состояніе.

— Имѣешь жену и дѣтей, и гдѣ они находятся?

— Жена моя съ двумя малолѣтними сыновьями находится во Львовѣ.

— По какой причинѣ оставилъ Турцію и переселился на Подоль?

— Однажды ночью снилося мнѣ, что разговариваю съ Иисусомъ Христомъ и съ пророкомъ Иліей. Они приказали мнѣ склонять евреевъ въ Польшѣ къ принятію христіанской вѣры, и чтобы я далъ имъ самъ тому примѣръ. «Спѣши, сказали они, ибо приближается время, когда на всемъ свѣтѣ одна только Римско-Католическая религія будетъ господствовать. Близокъ конецъ свѣта: антихристъ уже родился».

— Утверждалъ ты передъ кѣмъ либо, что видѣлъ антихриста?

— Во снѣ я видѣлъ турецкій городъ Салоники и домъ, въ которомъ долженъ былъ родиться антихристъ. Впослѣдствіи, будучи въ Салоникахъ, я видѣлъ при груди отвратительной цыганки уродливаго ребенка; у него, не смотря на возрастъ, были на головѣ черные волосы; вмѣсто зубовъ были огромные клыки, а губы были раздвоены какъ у зайца. Говорили мнѣ, что это сынъ убійцы и волшебницы. Это былъ антихристъ.

— Говорилъ-ли когда, что Христосъ уже пришелъ на землю и въ человѣческомъ тѣлѣ?

— Въ этомъ я совершенно убѣжденъ.

— Не наводилъ ли своихъ учениковъ на мысль, что ты именно и есть Мессія?

— Никогда.

— Знаешь ли, что ученики твои вывели такое заключение из твоихъ-же словъ?

— Быть можетъ; но до сего времени я ничего объ этомъ не зналъ.

— Научалъ-ли ты, что ежели нѣсколькимъ лицамъ, безъ предварительнаго соглашенія, придетъ одна и таже мысль, то такая мысль отъ Бога?

— Научалъ, ибо сильно въ это вѣрую.

— Слѣдовательно, коль скоро ученики твои полагали, что ты воплощенный сынъ Божій,—вѣришь ли ты самъ, что это правда?

— Не знаю, чтобы мои прежніе единовѣрцы имѣли такія мысли. Впрочемъ, ежели Сынъ Божій придетъ на землю, то это исполнится по Волѣ Божіей, и, рано ли, поздно ли, всѣ въ Него увѣруютъ.

— Говорили, что ты иногда показывался въ сіяніи, имѣя раны на рукахъ; какъ это могло быть?

— Развѣ ксендзъ офиціаль видитъ подобные знаки? Я же ихъ никогда не видѣлъ.

— Правда ли, что выдаешь себя за пророка?

— Не думаю, чтобы я былъ пророкомъ; однако обладаю даромъ предвидѣнія многихъ вещей; такъ напрямѣрь, злаго чловѣка сейчасъ по лицу узнаю.

При этомъ Франкъ быстро посмотрѣлъ ксендзу въ глаза.

— Правда—ли, спросилъ снова офиціаль, опуская глаза,—что ты, до принятія христіанской вѣры, исповѣдывалъ магометанскую?

— Незадолго до моего выѣзда изъ Турціи я надѣлъ чалму и принялъ магометанскіе обычаи съ единственной цѣлью—безпрепятственнѣе получить фирманъ и уѣхать изъ Турціи съ имуществомъ.

— Слѣдовательно, для тебя легко перемѣнять религію?

— Легко измѣняю обычаи, но не религію. Даже, принявъ св. крещеніе, я не измѣнилъ религіи; ибо и до

того времени я былъ въ душѣ правовѣрнымъ христіаниномъ.

— Можешь ли мнѣ сказать, какіе тайные разговоры вель ты со своими учениками?

— Никакихъ тайныхъ разговоровъ съ ними не вель.

— Однако-жъ, въ Ямполѣ ты говорилъ публично, что многое имѣешь сказать, но только наединѣ и тѣмъ, которые останутся тебѣ вѣрными?

— Поощрялъ ихъ, правда, къ стойкости, но къ стойкости въ намѣреніи принять католическую религію. Тайнъ не общалъ имъ сообщать, только говорилъ имъ о тайнствахъ христіанской вѣры.

Этимъ и былъ законченъ допросъ того дня.

Оффиціалъ приходилъ еще нѣсколько разъ къ Франку, но ничего болѣе вывѣдать отъ него не могъ.

Ночью 2-го Марта 1760 года старый послушникъ разбудилъ Франка и въ первый разъ проговорилъ къ нему, чтобы онъ одѣвался. Вскорѣ вошли въ келью: Провинціалъ іезуитовъ, оффиціалъ Турскій, прокуроръ и два доминиканскихъ монаха.

— Мы пришли сюда,—заговорилъ первымъ провинціалъ,—прочитать тебѣ приговоръ духовнаго суда, установленнаго надъ тобою апостолическою столицей. Читай ксендзъ прокуроръ.

Ксендзъ-прокуроръ развернулъ кипу бумагъ и монотоннымъ голосомъ сталъ читать длинный приговоръ на латинскомъ языкѣ. Въ немъ признавалось доказаннымъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній слѣдующія обвиненія: что Франкъ старался убѣдить евреевъ, желавшихъ принять христіанство, что онъ воплощенный Иисусъ Христосъ; что онъ, Франкъ, поучалъ, будто антихристъ уже родился и близокъ конецъ свѣта; и что онъ принялъ легкомысленно тайнство св. крещенія, какъ, передъ тѣмъ, принялъ магометанскую вѣру; вслѣдствіе этого, духовный судъ, въ силу данной ему апостолическою столицею власти и на основаніи каноническихъ законовъ, Іосифа Франка,—какъ еретика, обманщика и ложнаго пророка,

строющаго ковы противъ апостолической столицы и христіанской вѣры,—приговариваетъ къ безсрочному заключенію въ монастырѣ на Ясной-Горѣ.

— Передъ всякою властью,—сказалъ Франкъ по окончаніи чтенія,—дѣйствующею именемъ Святаго Отца, склоняю голову. Отрицаю, однако, что я когда либо имѣлъ намѣреніе выдавать себя за Мессію. Если-же въ другихъ пунктахъ я заблуждался относительно вѣры и принятой науки, то искренно о томъ сожалѣю и всегда готовъ предоставить мой слабый разумъ свѣтлому суду католической церкви.

— Экипажъ, въ которомъ ты поѣдешь въ монастырь на Ясной—Горѣ, ждетъ уже внизу, съ запакованными твоими вещами. Двое этихъ отцевъ,—сказалъ провинціалъ, указывая на домиканцевъ,—будутъ твоими спутниками. Приготовься же къ путешествію.

Часъ спустя, Франкъ уже былъ на трактѣ въ Петровъ. Отъ своихъ спутниковъ ничего не могъ узнать, кромѣ того, что они будутъ ѣхать только по ночамъ и что, поэтому, вскорѣ останоятся въ ближайшемъ монастырѣ.

ГЛАВА V.

Статутъ неофитовъ.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ: Лабендцкій отрицаетъ передъ Львовскою консисторією солидарность свою и неофитовъ съ Франкомъ и становится во главѣ секты въ Варшавѣ. Онъ начинаетъ хлопотать о привилегіяхъ для ново-христіанъ. Описаніе Варшавы въ 1760 году при Августѣ III. Министръ Брюль. Лабендцкій проситъ Брюля крестить молодаго еврея Аарона, которому тотъ потомъ дастъ названіе Богумила Брюля. Послѣдній измѣняетъ своей сектѣ и выдаетъ министру тайны ново-христіанъ. Министръ сообщаетъ объ этомъ духовенству и панамъ, опекущимся о ново-христіанахъ. Лабендцкій запирается и получаетъ желаемыя привилегіи.

Иезуиты радовались, что имъ удалось отвратить грозившую церкви опасность; хотя, вмѣстѣ съ тою опасностью, они уничтожили и орудіе къ обращенію евреевъ, а слѣдовательно, должны были оставить по отношенію къ

нимъ свои планы. Орудіе это до тѣхъ поръ считалось ими хорошимъ, пока они были увѣрены, что могутъ направлять его по своей волѣ, но разъ только убѣдились, что оно ускользаетъ изъ ихъ рукъ, хочетъ дѣйствовать самостоятельно и, быть можетъ, со вредомъ для нихъ;— они сломили его, раздавили какъ червяка. И они полагали, что триумфъ ихъ полный..... Не знали они, или не хотѣли знать, какъ далеко зашелъ Франкъ со своими планами; они какъ бы боялись посмотрѣть въ глаза опасности; не слѣдили затѣмъ, на сколько глубоко всосалась ересь Франка въ его секту, а, напротивъ того, совершенно оставили все это дѣло.

Между тѣмъ, сильна уже была власть Франка въ новомъ еврейско - христіанскомъ міркѣ. Еще до прибытія Патріарха во Львовъ у него созрѣлъ уже планъ, путемъ указаннымъ Сабатэй-Сэви,—преобразовать, соотвѣтственно духу времени, израильскій людъ и сдѣлать его сильнымъ. Зерно было брошено; удаленіе сѣятеля не удержитъ роста.

Да и невозможно было изобрѣсти лучшаго средства чѣмъ то, какое избралъ Франкъ для поднятія Израиля изъ полнѣйшаго униженія, въ какое онъ былъ приведенъ отсутствіемъ всякихъ гражданскихъ правъ. Прежде всего надо было приобрѣсти эти права; путь къ нимъ былъ намѣченъ такой: принимать религію того края, въ которомъ обитаютъ, съ условіемъ тайнаго соблюденія обрядовъ по закону Моисея; соединяться браками исключительно между собою, для сохраненія въ чистотѣ крови Израиля, и, наконецъ, взаимная помощь.

Понятно, что коль скоро исповѣдываніе старой религіи должно было совершаться тайно, то не всѣ предписанія Моисея могли быть соблюдаемы; но это, согласно ученію согаритовъ, считалось небольшимъ грѣхомъ: не прощалась одна только измѣна. Наконецъ, Франкъ не позабылъ и о своихъ личныхъ выгодахъ. Умами низшаго класса онъ овладѣлъ тайнственностью своей особы, какъ бы ожидаемаго Мессіи,—а высшій классъ покорилъ сво-

имъ разумомъ, ловкостью, глубокими познаніями въ ка-
балистикѣ и теозофіи;—поэтому, цѣлая секта приносила
ему дань, обусловленную численностью и будущимъ бо-
гатствомъ самой секты.

Такъ хорошо придуманный планъ требовалъ и искусст-
наго исполненія, для чего необходимы были ловкіе,
способные и преданные дѣлу помощники; тѣмъ болѣе, что,
предназначенный первоначально лишь для польскихъ ев-
реевъ, планъ этотъ долженъ былъ распространиться и
на евреевъ другихъ странъ. Удаленіе Франка со сце-
ны не уничтожило самаго плана, а только умень-
шило числопрозелитовъ, присоединявшихся до того вре-
мени къ Франку, вслѣдствіе магическаго вліянія его
личности. Франкъ не оставилъ никакихъ письменныхъ
документовъ, объясняющихъ его истинныя намѣренія;
онъ передалъ свое ученіе устно, для дальнѣйшаго со-
храненія въ жизни; и вотъ, эта таинственность, въ
соединеніи съ прежнею привязанностью къ обрядамъ
Моисея, привлекла многихъ къ тому ученію и не дозво-
лила ему погибнуть.

Варшавская консисторія не преслѣдовала поселив-
шихся въ Варшавѣ ново-христіанъ, а удовольствовалась
единственно увѣдомленіемъ ихъ, что Франкъ пребываетъ
въ грубомъ заблужденіи, и чтобы они, какъ добрые хри-
стіане, посчитавшись со своею совѣстью, признались
на первой исповѣди, на сколько каждый раздѣляетъ съ
нимъ это заблужденіе. Львовской консисторіи приказано
было поступить точно также и относительно проживаю-
щихъ во Львовѣ неофитовъ.

Такими кроткими мѣрами духовенство хотѣло при-
влечь къ себѣ неофитовъ и не отбить на будущее время
охоту у евреевъ къ принятію христіанства.

Лишь только вѣсть о состоявшемся надъ Франкомъ
приговорѣ достигла до Львова, Лабендцкій собралъ главы
семействъ и обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Не смущайтесь, братья мои, по поводу случивша-
гося! Какъ ни грустно намъ знать, что патриархъ нашъ

въ заключеніи, но онъ всегда въ рукѣ Божіей и ничего ему худого не можетъ приключиться. До тѣхъ поръ, пока вы будете держаться нашей вѣры и ученія нашего патріарха, всѣмъ намъ будетъ хорошо. Не печальтесь и не спрашиваете у меня гдѣ теперь находится отецъ нашъ Франкъ; достаточно вамъ знать, что духомъ—онъ всегда съ нами. Во мнѣ вы видите установленнаго имъ же самимъ намѣстника. Теперь, я избираю себѣ мѣсто жительства въ Варшавѣ и тамъ всегда и неустанно буду стараться о вашемъ благоденствіи. Во Львовѣ, какъ равно и въ другихъ городахъ, изберите себѣ старшаго, который будетъ заниматься духовными и свѣтскими дѣлами, касающимися всѣхъ васъ. Такой старшій, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, долженъ обращаться ко мнѣ и также слѣпо исполнять мои приказанія, какъ обязаны и вы быть во всемъ ему послушными. Католическому духовенству мы не можемъ ни въ чемъ противиться; напротивъ, чего-бы оно ни потребовало отъ васъ,—на все соглашайтесь. Однимъ словомъ, оставайтесь всегда вѣрными вашей вѣрѣ и вашимъ старшимъ, а старайтесь притомъ, чтобы всѣ васъ считали за самыхъ ревностныхъ католиковъ. Надѣюсь, что не станете возражать противъ всего этого?

Всѣ присутствующіе торжественно обѣщали сохранить вѣрность религіи Израиля и слѣпо повиноваться своимъ старшимъ.

На другой день Лабендцкій и знаменитѣйшіе изъ не-офитовъ были приглашены во Львовскую консисторію, гдѣ епископъ Пикульскій объявилъ имъ, что ихъ патріархъ Франкъ осужденъ духовнымъ судомъ на вѣчное заточеніе, послѣ того, когда открылось, что въ грѣховной своей гордости хотѣлъ выдавать себя за пророка; и не достаточно того, что самъ онъ былъ пропитанъ развращающими заблужденіями, но даже имѣлъ намѣреніе посѣвять ихъ въ сердцахъ своихъ братій.

— Вы уже настолько просвѣщены въ вѣрѣ,—добавилъ епископъ,—что сами съумѣете распознать эти заблужденія.

Впрочемъ, каждый изъ васъ долженъ искренно требовать отъ своего духовнаго отца объясненій, на сколько кто въ чистотѣ исповѣдуетъ вѣру Христову. Исповѣдь будетъ для васъ единымъ и истиннымъ путемъ, чтобы стряхнуть съ себя грѣхи и очиститься въ вѣрѣ черезъ отреченіе отъ заблужденій вашего патріарха.

— У насъ нѣтъ никакого патріарха,—отвѣчалъ Лабендцкій.—Франкъ былъ нашимъ патріархомъ еще въ то время, когда мы назывались согаритами; съ принятіемъ же таинства св. крещенія онъ не пересталъ быть нашимъ братомъ во Христѣ, и никакія другія отношенія насъ съ нимъ не связываютъ. Болѣе ревностныхъ христіанъ, чѣмъ мы, нѣтъ въ мірѣ, и кромѣ католической религіи мы никакой другой не знаемъ и знать не хотимъ; а поэтому мы не можемъ понять, отъ какихъ ложныхъ ученій должны мы отречься?

— Тѣмъ лучше, мои дѣти,—отвѣчалъ епископъ; во—всякомъ случаѣ, совѣтую каждому изъ васъ отбыть исповѣдь, которая утвердитъ васъ еще болѣе въ вѣрѣ, хотя бы вамъ и не потребовалось очищаться отъ пагубныхъ и ложныхъ ученій. На дняхъ ваши крестные отцы положительно займутся вашею судьбой. Еще разъ напоминаю вамъ: не забывайте обязанностей правдиваго христіанина; посѣщайте аккуратно костель и лекціи религіи, излагать которую будетъ вамъ отнынѣ ксендзь Пикульскій. А теперь, прощайте! Да ведетъ васъ Богъ по пути правды.

Болѣе другихъ была огорчена судьбою Франка, жена его, недавно оправившаяся отъ тяжелой послѣродовой болѣзни. Тяжело было ей, что мужъ ея еще не видѣлъ своей новорожденной дочери, названной при крещеніи Евою. (Сыновья Франка получили имена Іосифа и Роха). Въ такомъ тяжеломъ горѣ неопиты старались утѣшить ее воздаваніемъ ей чисто королевскихъ почестей.

Примѣрное поведеніе неопитовъ постепенно возвращало имъ довѣріе духовенства. Прибыли во Львовъ знаменитѣйшіе и богатѣйшіе изъ крестныхъ отцевъ, чтобы

сдержать данное слово и обезпечить судьбу своихъ дѣтей. Самъ староста Замоискій поселилъ въ своихъ имѣніяхъ пятьдесятъ семействъ; столько же воевода Ланцкоронскій и другіе; такъ что во Львовѣ осталось немного не-офитовъ. Лабендцкій же со своимъ семействомъ, съ семействомъ Франка и со знаменитѣйшими членами общины, переселился на жительство въ Варшаву.

И дѣйствительно, ни одинъ городъ Рѣчи Посполитой не представлялъ столько удобствъ для осуществленія плановъ этой секты христіанствующихъ евреевъ, сколько представляла тогдашняя Варшава—образецъ неустройства и непорядка. Между деревянными, одноэтажными, крытыми гонтомъ домишками возвышались огромные дома, красивые дворцы, костелы, монастыри. Улицы неправильныя, немощеныя, грязныя, прерывались нерѣдко пустырями. По нимъ, съ утра до вечера, катились парадныя кареты съ верховыми впереди и съ огромными гайдуками назади контрастомъ служили убогія крестьянскія повозки; двигались колонны красныхъ гренадеръ между рядами черныхъ монаховъ; разогнавшійся наѣздникъ въ толпѣ пѣшеходовъ, выступавшихъ въ костюмахъ всѣхъ народовъ Европы: рядомъ съ контушевымъ полякомъ виднѣлась турецкая чалма, распитая золотомъ венгерка, длинный фракъ нѣмца съ напудренной головой. Показывались и бородатые евреи, хотя по привилегіи данной городу, имъ и запрещено было жить въ Варшавѣ.

Королю Августу III замокъ прежнихъ королей, построенный на высокомъ берегу Вислы, показался и обширнымъ и серьезнымъ, а потому онъ перенесся съ своимъ роскошнымъ дворомъ въ скромный, но удобный дворецъ, выстроенный въ серединѣ города. Рядомъ съ нимъ министръ короля, графъ Брюль, воздвигъ для себя красивый домъ, до сихъ поръ называемый Брюлевскимъ дворцомъ.

Въ Варшавѣ, какъ равно и въ цѣломъ краѣ, не было ни администраціи, ни полиціи; поэтому, на темныхъ ея улицахъ никто не былъ увѣренъ за свою жизнь. Не смо-

тря на это, на улицахъ замѣтно было торговое движеніе и промышленность, такъ какъ расточительные магнаты проживали ежегодно огромныя суммы.

Вся эта торговля и цѣлая отъ нея прибыль перешли въ руки пришлыхъ нѣмцевъ, за отсутствіемъ у поляковъ и охоты, и способностей къ этому роду предприимчивости. Само собою, неофитамъ представилось здѣсь обширное поле для развитія своихъ торговыхъ способностей и спекулятивнаго духа.

Лишь только Лабендцкій прибылъ въ Варшаву и устроилъ для себя и для семьи Франка квартиры, какъ принялся прежде всего за изысканіе способовъ сообщенія съ заключеннымъ патриархомъ, во первыхъ, для полученія отъ него приказаній, а во вторыхъ, для способствованія ему бѣжать изъ монастыря. Для него не было тайной, что Франка засадили на Ясную-Гору; и вотъ, онъ посылаетъ Воловскаго и секретаря Франка, Бржезинскаго, въ Ченстоховъ, чтобы они тамъ открыли виноторговлю. Самъ же Лабендцкій принялся за начатое еще патриархомъ дѣло, утвержденіе за неофитами привилегій на торговлю и промышленность, въ особенности на вареніе пива въ Варшавѣ и другихъ коронныхъ городахъ. Съ этой цѣлью онъ обратился ко всемогущему министру Брюлю.

Рѣчь Посполитая въ ту эпоху наслаждалась совершеннымъ миромъ извнѣ, хотя и не вслѣдствіе мудрости правительства, а скорѣе, вслѣдствіе его слабости. Внутри господствовало постоянное несогласіе: ссоры магнатовъ переродившіяся въ домашнюю войну; кровавыя сеймики; сорванные сеймы; а посреди этихъ бурь, разрывавшихъ внутренности страны, аристократія и духовенство самовластно державшіе бразды правленія. Король раздавалъ только милости и награды, проводя жизнь въ забавахъ и удовольствіяхъ.

Министръ Брюль занимался изобрѣтеніемъ новыхъ развлеченій и изысканіемъ на это денегъ. Онъ былъ чловѣкъ свѣтскій, въ полномъ значеніи этого слова, но уже отцвѣтшій щеголь. Въ гардеробѣ его или, скорѣе, въ

музеѣ одеждъ насчитывалось 200 париковъ и 365 паръ башмаковъ. Неудивительно, что въ изобрѣтеніи новыхъ развлеченій онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Съ сильнѣйшими магнатами онъ былъ наружно въ пріязни, но въ душѣ былъ ихъ врагомъ и неупускалъ ни одного случая, когда только могъ безнаказанно надъ ними подсмѣяться и пошутить.

Графъ Брюль едва что-то слышалъ о сектѣ Франка, а подаваемая неопитами просьбы забывалъ совершенно. Вотъ для того чтобы лестью снискать расположеніе этого примѣрнаго министра, Лабенцкій придумалъ просить его въ крестные отцы къ одному молодому еврею, по имени Іаковъ бенъ-Ааронъ, недавно прибывшему изъ Подоля. Это былъ красивый, видный собою молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ. Подкупленный камердинеръ ввелъ его однажды вмѣстѣ съ Лабенцкимъ въ кабинетъ Министра, когда тотъ, въ богатомъ халатѣ и въ ермолкѣ на лысой головѣ, пилъ шоколадъ съ Юліей Бэрманъ, недавно прибывшею изъ Дрездена швеей.

— Что вамъ надо? — спросилъ сурово Министръ.

— Ясновельможный графъ, — началъ Лабенцкій, — этотъ мой родственникъ, Ааронъ, Моисѣева закона, хочетъ принять христіанскую религію, къ чему онъ уже приготовленъ всендзами миссіонерами; просить только милости у ясновельможнаго пана быть его восприемникомъ со свѣтлѣйшею княгинею Салъгою.

Ааронъ подалъ красиво написанную имъ просьбу, и когда министръ сталъ ее читать, панна Юлія съ большимъ вниманіемъ разсматривала молодого человѣка.

— Ты говоришь, — спросилъ министръ окончивъ чтеніе, — что онъ твой родственникъ и жидъ; и ты также израелить?

— Былъ таковымъ, — отвѣтилъ Лабенцкій, — но недавно принялъ католическую религію во Львовѣ и теперь состою Варшавскимъ обывателемъ.

— Какъ ты прозываешься?

— Лабенцкій, — къ услугамъ ясновельможнаго графа.

— Эге!— воскликнулъ Министръ;—ты вѣрно изъ тѣхъ, что во Львовѣ приняли крещеніе подѣ опекою шляхты тамошняго воеводства и получили ихъ фамиліи? Помню, мнѣ что-то говорилъ объ этомъ воевода Ланцкоронскій. Что же? желаете вѣрно и моей фамиліи?

— Такая милость,—отвѣчала Ааронъ,—составила бы счастье всей моей жизни.

— Что же дѣлать?—сказалъ графъ Брюль со смѣхомъ; ежели они рѣшились дать свои фамиліи, то надо имъ подражать: видно это вошло въ моду. Хорошо. Буду твоимъ крестнымъ, хотя бы завтра. Съ того времени будешь называться Брюлемъ, но только просто,—Брюлемъ; не иначе! Слышишь?

Ааронъ бросился, чтобы поцѣловать вытянутую руку.

— Это ты писалъ?—спросилъ Министръ, указывая на просьбу.

— Я ясновельможный панъ.

— Мнѣ понравился твой почеркъ; и ежели ты не пріискалъ себѣ другаго занятія, то я могу помѣстить тебя въ моей канцеляріи.

— Не сумѣю выразить моей благодарности за столько благодарнѣйшій ясновельможнаго пана!

— А я,—вернулъ Лабенцкій,—осмѣливаюсь воспользоваться добротой ясновельможнаго пана къ моему родственнику и просить неотказать бросить благосклонный взоръ на этотъ меморій, касающійся не меня лично, но всѣхъ нашихъ ново-крещенныхъ братьевъ. Покорно просимъ о предоставленіи намъ привилегій на учрежденіе фабрикъ и на свободную торговлю.

— Отдайте это прошеніе моему секретарю; я потому соображу что можно будетъ сдѣлать; теперь же я очень занятъ.

Дѣвица Юлія Берманъ, прежде очень красивая, не утратила еще своихъ прелестей; и хотя ей было всего двадцать съ чѣмъ то лѣтъ, но она уже достигла того развитія формъ, которое у 30-ти лѣтнихъ женщинъ замѣняетъ отсутствіе свѣжести. Теперь въ критическихъ обстоятель-

ствахъ жизни, она обратилась къ прежнему своему любовнику за помощью, но не единственно денежною; честолюбіе дѣвицы Юліи простиралось далѣе этого; она желала общественнаго положенія,—желала мужа.

— Какъ я уже говорилъ тебѣ,—докончилъ министръ, прерванный приходомъ просителей разговоръ, что касается денегъ, то о нихъ не стоитъ и думать; но откуда же я добуду тебѣ мужа? Поищи его сама.....Ба! Вотъ прекрасная мысль! Ежели тебѣ нравится этотъ молодой жидъ и происхожденіе его тебя не шокируетъ, то я положу условіемъ полученіе имъ мѣста—жениться на тебѣ; ты же сама приложи стараніе, чтобы онъ принялъ твою руку съ благодарностью.

Дѣвица Юлія не отказалась отъ такого мужа; просила только министра не обязывать его ни къ чему, а предоставить ей дѣйствовать самой. Съ приходомъ коафера, съ парикомъ *à la barbaresque*, и камердинера съ фракомъ (розоваго бархата, богато расшитымъ золотомъ),—она попросилась съ министромъ и ушла, обрадованная неожиданною удачей.

На другой день Іаковъ бенъ-Ааронъ вышелъ изъ костела св. Креста подъ названіемъ Богумила Брюля, а спустя нѣсколько дней сидѣлъ уже за столомъ въ канцеляріи министра.

Ааронъ не принадлежалъ никогда къ согаритамъ; напротивъ того, онъ происходилъ изъ семьи талмудистовъ. Случайно выучился писать по польски и красивый его почеркъ возбудилъ въ немъ честолюбіе, а впоследствии, пренебреженіе къ еврейству. Поэтому, можно полагать, что онъ пожелалъ принять христіанство почти искренно. Приготовляясь во Львовѣ къ этому событію, онъ замѣчалъ что ново-христіане тайно праздновали шабашъ, исполняли обряды религіи Моисея, однимъ словомъ,—оставались прежними евреями. Онъ былъ удивленъ еще болѣе, когда одинъ изъ нихъ сталъ излагать ему книгу Согаръ, а затѣмъ, по мѣрѣ приобретаемаго довѣрія,—и устройства христіанствующаго еврейства. Удивленія своего онъ, однако,

не выказывалъ и уже въ Варшавѣ счумѣлъ пріобрѣсти къ себѣ довѣріе и любовь Лабенцкаго настолько, что тотъ намѣревался женить его на своей дочери Магдаленѣ.

Тѣмъ временемъ панна Юлія, видя молодаго Брюля въ милости у министра, не пренебрегала никакими средствами, чтобы возбудить въ немъ къ себѣ привязанность. Не трудно ей было познакомиться съ нимъ, и молодой, неопытный, опеломленный ея любовью, легко попался въ ея сѣти.

Лабенцскій сталъ примѣчать, что молодой Брюль сдѣлался равнодушнымъ къ его дочери и даже пересталъ посѣщать тайныя собранія во время шабаша; это было причиною, что, однажды, онъ сталъ дѣлать молодому чело­вѣку внушенія. Слово за слово,—дошло до настоящей ссоры, во время которой Брюль, позабывъ должное уваженіе къ намѣстнику патріарха, неблагоразумно обмолвился, что никогда не принадлежалъ къ сектѣ неофитовъ. Послѣ этого онъ хорошо сознавалъ, что ему угрожаетъ погибель отъ ненависти цѣлой секты, и что оставаться далѣе въ Польшѣ ему невозможно. Сообразивъ все это онъ отпра­вился къ министру, котораго панна Юлія выдавала ему за своего опекуна, и сталъ просить у него ея руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ какойнибудь, хотя бы самой незначительной должности въ Саксоніи.

— Это почему? спросилъ Министръ. Чѣмъ тебѣ здѣсь въ Польшѣ дурно?

Ааронъ Брюль молчалъ.

— Ну, что же такое? повторилъ министръ; мнѣ, вѣдь, твоему крестному отцу, можешь сказать.

— Пусть будетъ то, что должно,—выговорилъ наконецъ Ааронъ.—Хочу удалиться отсюда потому, что я былъ и впредь желаю всегда остаться истиннымъ христианиномъ.

— Никто въ томъ и несомнѣвается. Что-же тебѣ мѣшаетъ остаться имъ и здѣсь?

— Нѣтъ, господинъ графъ; здѣсь я нахожусь въ ког­тяхъ жидовъ и притомъ злѣйшихъ и негоднѣйшихъ, какіе только когда либо существовали.

— Это какимъ образомъ?

— Вы, ясновельможный министр, никогда бы не догадались, что жидаы, принявшіе въ прошломъ году крещеніе во Львовѣ и принимающіе его и теперь,—только наружно сдѣлались христіанами, для пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, а тайно, какъ и до того, исповѣдуютъ Иудейскую религію.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ министр.

— Но это еще не все,—продолжалъ Ааронъ;—эти обманщики составили изъ себя тайное общество или, скорѣе секту, цѣль которой, кромѣ распространенія своего ученія, состоитъ въ пріобрѣтеніи богатства и вліянія для совершеннаго завладѣнія страной, послѣ чего, маска будетъ сброшена, и они явятся настоящими жидами.

— Жидаы—господами страны!.... Министръ разразился смѣхомъ.

— Во главѣ ихъ стоитъ патріархъ, нѣкто Іосифъ Франкъ, котораго низшій классъ считаетъ за истиннаго Мессію.

Ого!..... онъ уже кончилъ свою карьеру: я слышалъ, что духовенство засадило его въ темницу въ Ченстоховѣ.

— Все это ничего не значить,—отвѣчалъ Ааронъ,—секта существуетъ, а извѣстный вашему сіятельству Лабенцкій заступаетъ въ ней Франка. Всѣ члены раздѣляются, соразмѣрно состоянію, образованію и степени посвященія въ тайны секты, на четыре класса: *Файнеберовъ* — или магнатовъ, *Мореморейнесъ* — ученыхъ, *Майнизтовъ* — въ родѣ шляхты и *Лансердаковъ* — черни. Говоря коротко, ученіе ихъ заключается въ слѣдующемъ: что религія Моисея установлена первоначально Богомъ, а всѣ другія считаются отщепенцами отъ нея; при концѣ свѣта Іисусъ Христосъ возвратитъ всѣ народы къ первоначальной, т. е. іудейской религіи; что теперь евреи исполняютъ самое угодное Богу, когда станутъ принимать господствующія религіи различныхъ странъ, для того, чтобы познать, что именно въ нихъ осталось святаго изъ

первоначальной религіи, и что ихъ патріархъ Франкъ заключаетъ въ себѣ примѣты христіанскаго Христа и еврейскаго Мессіи. Поэтому они совершаютъ даже обрѣзаніе надъ дѣтьми, въ тайныхъ мѣстахъ справляютъ шабашъ и публично, хотя съ отвращеніемъ, исповѣдуютъ господствующую религію страны.

— Это было бы ужасно безсовѣстно, — сказалъ министръ.

— О политической цѣли секты знаютъ только Файнеберы, я же знаю только то, что сказалъ, т. е., что они стараются распространять свое ученіе между евреями, общими силами стремятся къ богатству и власти, чтобы ускорить наступленіе торжественной минуты триумфа евреевъ въ свѣтѣ.

— Прекрасная надежда! — воскликнулъ снова министръ со смѣхомъ.

— По ихъ правиламъ, — продолжалъ далѣе Ааронъ, они могутъ вступать въ браки только между собою и то съ дозволенія патріарха; воспитаніе дѣтей начинаютъ съ еврейскаго языка, для уразумѣнія стараго Завѣта и книги Согаръ; потомъ патріархъ назначаетъ каждому тотъ классъ, въ которомъ кому надлежитъ обрѣтаться, и, сообразно съ этимъ, идетъ обученіе. Кто не имѣетъ родителей или средствъ для надлежащаго образованія, того патріархъ снабжаетъ изъ общей кассы, которая составляется изъ ежегодныхъ взносовъ каждаго, смотря по состоянію и находится въ полнѣйшемъ распоряженіи патріарха.

— Признаюсь, я не понимаю, почему тебѣ не понравилась такая превосходная институція. и ты захотѣлъ развязаться съ этой сектой.

— Съ моимъ характеромъ, графъ, несогласуется такая ложь. Я христіанинъ по убѣжденію, всегда презиралъ и презираю еврейство, потому и умоляю ваше Сіятельство выслать меня въ Саксонію и этимъ освободить меня отъ этой дявольской конгрегаціи.

— Ты, вѣдь, хочешь жениться?..... Долженъ здѣсь сыграть свадьбу и поспѣшить съ приготовленіями; а въ день

вѣнчанія мой секретарь вручить тебѣ назначеніе на должность въ Дрезденѣ. Теперь же, мой любезный, ступай домой и напиши все, что ты мнѣ рассказывалъ про еврейско-христіанскую секту. А propos!.....О свадьбѣ нечего тебѣ заботиться: я ее вамъ устрою.

На другой день молодой Брюль принесъ министру небольшую тетрадь, озаглавленную: «статутъ неофитовъ».

Молодое супружество, преслѣдуемое проклятіями Лабенцаго и всей секты, было уже на пути въ Дрезденъ, гдѣ Ааронъ получилъ мѣсто управляющаго Японскимъ дворцомъ—когда министръ Брюль собирался на вечеръ къ папскому нунцію Корсини. Припомнивъ о статутѣ неофитовъ, онъ подумалъ, что теперь самая пора показать духовенству и шляхтѣ, что такое ново-крещенные евреи и, сунувъ тетрадку Аарона въ карманъ, поѣхалъ къ Кардиналу.

У нунція было большое собраніе: всѣ послы, за исключеніемъ турецкаго, князь примасъ Лубенскій, нѣсколько епископовъ и прелатовъ, знименитѣйшіе чины государства и между ними воевода Ланцкоронскій. Всѣ разбились на группы въ обширномъ залѣ, а лакеи, въ черныхъ фракахъ и золотыхъ эксельбантахъ, разносили на превосходнѣйшемъ фарфорѣ настоящій китайскій чай. Считали неудобнымъ составлять партіи въ карты до прибытія перваго министра.

Наконецъ, вошелъ въ залъ человекъ лѣтъ пятидесяти ниже средняго роста, плотный, курносый, съ небольшими свѣтло-сѣрыми глазами, натуральную быстроту которыхъ усиливали густыя черныя брови. Одѣтъ онъ былъ въ бархатный, шитый серебромъ фракъ, цвѣта зеленыхъ яблокъ, съ голубою лентою Бѣлаго Орла; на головѣ парикъ en b-moll, у бока стальная шпаконка, подъ мышкою ehareau bas, а на башмакахъ пряжки изъ дорогихъ брилліантовъ.

По всѣмъ его движеніямъ можно было признать въ немъ человека, привыкшаго къ скользкому придворному паркету. Это былъ первый министръ графъ Брюль. Послѣ пер-

выхъ привѣтствій и поклоновъ, которые онъ принималъ и отдавалъ съ достоинствомъ, онъ провелъ опытнымъ взоромъ по всему собранію и, замѣтивши воеводу Ланцкоронскаго, сталъ, какъ бы не хотя, къ нему приближаться, переходя отъ одной группы къ другой.

— Давно не имѣли мы удовольствія видѣть въ Варшавѣ пана воеводу, — началъ первымъ министр; слышали только, что важныя занятія, а именно, крещеніе жидовъ, задержали васъ во Львовѣ. Какъ же поживаютъ ново-христиане?

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Ланцкоронскій, — всѣ ими довольны. Я самъ поселилъ въ моихъ имѣніяхъ нѣсколько десятковъ семействъ, а присматриваясь почти ежедневно къ ихъ поведенію, нисколько не жалѣю того, что сдѣлалъ.

— Это меня весьма радуетъ, такъ какъ я самъ недавно воспринималъ одного такого и, подражая благородному примѣру польской шляхты, позволилъ ему носить мое имя. Теперь есть и Брюль между ними.

— Услыхавъ эти слова князь примасъ приблизился къ министру и сталъ благодарить его за христіанскій поступокъ.

— Il n'y a pas de quoi, — отвѣчалъ на это министр съ пріятной улыбкою, — хотя долженъ похвастаться, что я одинъ только ввелъ здоровую овцу въ христіанское стадо, такъ какъ всѣ тѣ, которымъ вы, господа, такъ торжественно дали ваши фамиліи, должны почитаться за паршивыхъ.

— Это почему? — спросили со всѣхъ сторонъ.

— Гм! — отвѣчалъ министр; безчестно обманули и духовенство и своихъ крестныхъ отцевъ, такъ какъ по сей день остались жидами и тайно празднуютъ шабашъ.

— Не можетъ быть! Это было бы безчестно, подло; — слышалось кругомъ.

— А, между тѣмъ, это несомнѣнно! Мало того: обманъ свой привели въ систему, въ статутъ, который я досталъ изъ вѣрнаго источника.

Говоря это, министр добылъ изъ кармана маленькую тетрадь.

— Ваша Эминенція, можетъ быть прочтете въ свободное время этотъ статутъ,—добавилъ, подавая рукопись примасу.

Сконфуженный примасъ спряталъ ее въ карманъ; потомъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Что какія-то ложныя ученія еще до принятія крещенія были распространяемы между катехименами, объ этомъ мы знаемъ изъ жалобы, поданной на Франка, знаменитѣйшаго между ново-христіанами; за это, по повелѣнію св. Отца, мы и заключили Франка въ монастырь, но никогда не могли предполагать, чтобы эти заблужденія дошли до такихъ размѣровъ.

Воевода Ланцкоронскій, задѣтый за живое обвиненіями протезируемыхъ имъ христіанъ, рано вернулся домой и тотчасъ же послалъ за своимъ крестнымъ сыномъ, Соломономъ бенъ Эліашемъ (нынѣ Амврозій Ланцкоронскій), который въ Варшавѣ имѣлъ пивоваренный заводъ, а въ сектѣ христіанствующихъ евреевъ причислялся къ файнеберамъ.

— Странные слухи дошли до меня о васъ,—сказалъ сурово воевода, когда вошелъ Эліашъ Ланцкоронскій: министръ Брюль публично говорилъ, что вы остаетесь до сихъ поръ жидами и даже составили отдѣльную секту.

— Чистѣйшія басни и клевета ясновельможный панъ, —отвѣчалъ, нѣсколько смѣшавшись, Эліашъ-Ланцкоронскій; потомъ добавилъ смѣло: я знаю источникъ этихъ басенъ, ежели ихъ повторялъ министръ Брюль. Недавно онъ воспринималъ нѣкоего Аарона; этотъ Ааронъ женился на прежней любовницѣ министра, вопреки запрещенію своего опекуна Лабенцкаго; преслѣдуемый сильно послѣднимъ, Ааронъ, изъ мести, и взвелъ на насъ обвиненіе.

— Такъ, могу я вполне полагаться на твое слово и всегда васъ смѣло оборонять?

— Можешь, ясновельможный воевода.

Такимъ увѣреніемъ воевода удовольствовался и даже на другой день пошелъ къ примасу съ хорошею вѣстью, что все это была чистѣйшая басня.

Тѣмъ временемъ, Эліашъ Ланцкоронскій немедленно сообщилъ о случившемся вице-патріарху Лабенцкому. Моментально были приняты мѣры осторожности; а именно: папашъ положено праздновать только за городомъ всякій разъ въ другомъ мѣстѣ, и приказано было часто и въ большемъ числѣ особъ посѣщать костелы.

Мѣры эти не были напрасными, такъ какъ духовенство стало усиленно слѣдить и хотѣло во чтобы то ни стало добиться правды, были ли неопиты истинными христіанами. Но когда всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему, тогда стали убѣждаться въ ложности доноса.

Однакожь, открытіе статута неопитовъ сильно повредило имъ въ общемъ мнѣніи. Министръ даже и слышать не хотѣлъ о привилегіяхъ, а князь примасъ отказалъ въ просьбѣ госпожѣ Франкъ объ освобожденіи ея мужа и такъ мало оказалъ уваженія женѣ патріарха, что даже не удостоилъ ея письменнымъ отвѣтомъ.

ГЛАВА IV.

Заключеніе въ Ченстоховѣ.

Содержаніе: Франкъ, заключенный въ монастырѣ, ведетъ примѣрную и богобоязненную жизнь. Свиданіе его съ Воловскимъ. Франкъ изъ тюрьмы управляетъ своею сектой. Освобожденный русскими войсками возвращается въ Варшаву.

На сѣверо-западѣ прежняго Краковскаго воеводства, недалеко отъ источниковъ Варты и Силезской границы, посреди обширной равнины поднимается известковая гора, на вершинѣ которой возвышается величественный монастырь и церковь, обзрѣвающая своими башнями и куполами широко окрестность. Это—Ясна-Гора, называемая Ченстоховой, отъ лежащаго у ея подошвы мѣ-

стечка,—славянская Лоретта, хранящая чудотворный образ Пречистой Дѣвы.

Пройдя жидовское мѣстечко Ченстохово и осмотрѣвъ выставленныя во множествѣ на продажу картинки, амулеты, крестики и т. п., путешественникъ поднимается все въ гору, начиная отъ фамильнаго костела ев. Варвары до монастыря отцевъ Паулиновъ. Здѣсь лѣтомъ кочуютъ тысячи богомольцевъ: польскихъ, чешскихъ, венгерскихъ, моравскихъ и силезскихъ, ожидая на процессію монаховъ, которые выходятъ отъ времени до времени изъ монастыря, готовятъ ихъ словами вѣры ко вступленію въ обиталище Царицы Небесной и затѣмъ вводятъ ихъ туда.

Монастырь окруженъ сухимъ ровомъ съ разводными мостками и представляетъ собою крѣпость, которую никому еще не удалось взять. Преданіе гласить, что сколько разъ враги (особенно шведы, какъ на примѣръ, въ послѣдній разъ въ 1705 г.) ни осаждали монастырь, ядра отражались отъ стѣнъ, на которыхъ свѣтилось колоссальное изображеніе Богородицы.

При большемъ костелѣ находится притворъ (каплица) сіяющій золотомъ и серебромъ, въ которомъ надъ алтаремъ повѣшенъ чудотворный образъ, писанный на кедрѣ Св. Лукою. Святой ликъ Богоматери, почернѣвшій отъ времени, свѣтится любовью и кротостью; шрамъ на лицѣ отъ удара саблею одного Гуссита въ 1430 г. не могъ быть изглаженъ. Образъ этотъ происходитъ изъ Византии, куда его въ 326 г. перенесла изъ Иерусалима мать Императора Константина. Императоръ Никифоръ въ 801 г. подарилъ его Карлу Великому, а послѣдній—Галичскому князю Льву, который поставилъ его въ своемъ замкѣ въ Балзѣ.

Когда Людовикъ Венгерскій, въ царствованіе Казимира Великаго, въ 1349 г. покорилъ послѣднюю крѣпость въ Галичской землѣ, образъ тотъ попалъ въ руки Владислава князя Опольскаго, который, прежде возвращенія своего на родину, получилъ во снѣ приказаніе вы-

строить для образа монастырь въ Ченстоховѣ, что и было исполнено набожнымъ княземъ въ 1382 г. ¹⁾.

Дары и приношенія благочестивыхъ людей наполнили ризницу Богоматери жемчугомъ и драгоценными каменьями, въ количествѣ, какое едва ли окажется у инаго земнаго владыки.

За время Рѣчи Посполитой, даже въ мирное время, въ крѣпости стоялъ гарнизонъ, подчинявшійся, вмѣстѣ съ монастыремъ, пріору отцевъ Паулиновъ.

Въ первыхъ числахъ марта 1760 г., ночью, прибылъ Франкъ въ монастырь. Его ввели вмѣстѣ съ доминиканцами въ большой залъ, куда вскорѣ пришелъ разбуженный пріоръ, высокій солидный монахъ. Доминиканцы привѣтствовали его съ покорностью и вручили большой пакетъ отъ примаса.

Пріоръ, распечатавъ пакетъ, прочелъ письмо, писанное по латыни, слѣдующаго содержанія:

«Благословеніе достойному Пріору пустынниковъ св. Павла на Ясной-Горѣ! Посылая вамъ, черезъ подателей сего письма, преступника Франка, о которомъ состоялся прилагаемый при семъ приговоръ духовнаго суда. Предоставьте ему всѣ удобства жизни въ монастырѣ, но стерегите его, слѣдите за каждымъ его шагомъ, чтобы не только не могъ убѣжать, но и сноситься съ міромъ. О поведеніи его вы должны доносить мнѣ ежемѣсячно. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого приказанія возлагаю на Васъ, преподобный Пріоръ, и молю Бога, да осѣнитъ Васъ Своею благодатью».

Данъ въ Варшавѣ 1 Марта 1760 г.

Владиславъ Лубенскій

Князь Примасъ Королевства Польскаго.

Прочитавъ письмо, пріоръ осмотрѣлъ стоявшаго передъ нимъ въ собольей шубкѣ предполагаемаго Мессію

¹⁾ Ксендзь Роттеръ издалъ въ Бреславлѣ, въ 1750 г., исторію чудесъ этого образа.

съ ногъ до головы и, затѣмъ, распорядился помѣстить его въ пустыхъ кельяхъ подъ № 20 и 21, поставивъ у дверей солдата, чтобы тотъ всюду ему сопутствовалъ и воспрещалъ выходить ему за монастырскую ограду, а также сообщаться съ посторонними людьми.

Обращаясь, наконецъ, къ Франку, онъ добавилъ:

— Ни въ чемъ не будешь чувствовать здѣсь недостатка; ты совершенно свободенъ заниматься чѣмъ тебѣ угодно; въ монастырскихъ стѣнахъ можешь гулять, но за валы—ни шагу! Будешь имѣть достаточно времени печаловаться о грѣхахъ противъ Бога, а ежели удастся тебѣ умолить Пречистую Дѣву, владычествующую въ нашихъ стѣнахъ, то, за Ея великимъ представительствомъ, отпустятся тебѣ грѣхи Господомъ.

— Во всемъ,—отвѣчалъ церемонно Франкъ,—буду согласоваться съ твоими приказаніями, преподобный отче.

Послѣ скромнаго ужина въ трапезной Франка отвели въ назначенныя ему кельи, гдѣ онъ замѣтилъ всѣ свои вещи. Въ кельѣ находились: простая кровать, два деревянныхъ стула, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, и особенная, встрѣчающаяся до сего времени только въ монастыряхъ, мебель: родъ комода, на которомъ поставленъ во всю ширину шкафчикъ для книгъ. Въ шкафчикѣ этомъ Франкъ нашелъ книги исключительно духовнаго содержания.

На другой день пасмурное, дождливое утро лишило узника единственнаго, быть можетъ, удовольствія посмотреть на широкій, вольный Божій свѣтъ.

Его одолѣли мрачныя, горькія мысли. Вспомнились ему ночи, проведенныя за наукой, тотъ моментъ когда онъ рѣшился реформировать свой народъ, встрѣчавшіяся препятствія, надежды свѣтлаго будущаго... И вотъ, когда дѣль была близка, когда, казалось, все предсказывало осуществленіе самой гордой мечты,—противный вѣтеръ разнесъ ее, какъ карточный домикъ.... Заключенный, оторванный отъ своихъ, онъ былъ неувѣренъ въ полномъ усвоеніи ими его ученія; а, предоставленные самимъ себѣ.

и ненависти талмудистовъ, они разсѣются, пропадутъ между христіанами,—а съ ними исчезнетъ и великая мысль, долженствовавшая его обезсмертить.... Вспомнились ему жена и дѣти, и онъ невольно подумалъ: какъ бы онъ могъ быть счастливымъ, если бы не эта неотвязная мысль реформироваія, не эта горячечная жажда величія и безсмертія....

Но не надолго предался онъ человѣческой горести. Мысли его снова свернули на обычный, давнишній путь; въ немъ снова отозвался пророкъ реформаторъ. Онъ страхнулъ съ себя недостойную его слабость и подумалъ: нѣтъ, во мнѣ живетъ безсмертный духъ, а онъ не погибаетъ; что предназначено мнѣ исполнить—исполню, не смотря на преслѣдованія, тюрьму, стѣны и валы!

Съ поднятой головой, одушевленный вѣрою въ будущее, Франкъ подошелъ къ окошку и бросилъ взглядъ на разстилавшуюся передъ нимъ картину. Вѣтеръ поразогналъ тучи, изъ за которыхъ пробивался слабый солнечный лучъ. Внизу подъ ногами Франкъ увидѣлъ небольшое еврейское мѣстечко Ченстохово, а на обширной равнинѣ, кое гдѣ покрытой сосновыми лѣсами, разбросанныя деревни со старыми, крытыми соломой домами; изрѣдка виднѣлась усадьба шляхтича или красная крыша монастыря. О богатый край! воскликнулъ Франкъ. Чѣмъ бы ты могъ стать, если бы, кромѣ шляхты и хлоповъ, ты имѣлъ еще среднее сословіе, надѣленное человѣческими правами!

Франкъ долго стоялъ задумавшись; наконецъ, быстро отошелъ отъ окна, отворилъ свой сундукъ и сталъ въ немъ что то искать, должно быть для него очень важное, что можно было заключить изъ судорожнаго подергиванія мускуловъ лица.

Пасмурное выраженіе уступило мгновенно сіяющему, когда онъ нашель на днѣ сундука свою шкатулку, а въ ней двѣ тысячи червонцевъ, предназначавшихся на расходы въ Варшавѣ. Да, подумалъ онъ, деньги—это великая сила на свѣтѣ; съ ними можно отыскать все.

Вскорѣ костельный сторожъ принесъ завтракъ и помогъ ему одѣться; послѣ чего Франкъ въ сопровожденіи солдата пошелъ въ костель и не только всю обѣдню пролежалъ ничкомъ на полу, но еще часъ цѣлый оставался въ такой же позѣ передъ образомъ Богородицы. Изъ костела онъ отправился въ монастырскую библіотеку, гдѣ выбралъ нѣсколько книгъ по теологіи и исторіи, и весь остальной день предался чтенію.

Такую жизнь, безъ малѣйшей перемѣны, велъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, строго соблюдая установленные посты, исповѣдывался и пріобщался святыхъ таинъ; при этомъ, онъ не искалъ въ монастырѣ ни малѣйшаго знакомства и, вообще, вполнѣ предался Божіей волѣ и переносилъ заключеніе съ религіозною покорностью. Этимъ всѣмъ онъ снискалъ о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ набожномъ, скромномъ и спокойномъ, и хотя монахи поглядывали на него вначалѣ подозрительно, но за то теперь обходились съ нимъ съ уваженіемъ и почтеніемъ. Однажды послѣ обѣдни навѣстилъ его самъ пріоръ, запросилъ его на обѣдъ и съ того времени такъ его любилъ, что не проходило дня, чтобы онъ не провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ.

Амврозій Хороманскій, пріоръ монастыря Паулиновъ въ Ченстоховѣ, не былъ собственно большимъ теологомъ; недостатокъ этотъ онъ прикрывалъ основательнымъ знаніемъ исторіи Честоховскаго монастыря и чудесъ образа Богородицы, которыя онъ могъ высчитать по пальцамъ, и имѣлъ слабость высказывать часто эти свои познанія. Онъ былъ заслуженный ротмистръ войскъ Рѣчи Посполитой, потерялъ шляхетское имѣніе для нуждъ края, а затѣмъ, полюбивъ спокойную жизнь, поступилъ въ монастырь, гдѣ, благодаря знанію свѣта и своему военному такту, подвинулся до степени прокурора, а впослѣдствіи, былъ назначенъ и пріоромъ.

Еще живя на міру онъ былъ поклонникомъ Бахуса; въ монастырѣ же вкусъ этотъ развился болѣе, что нисколько не унижало его достоинства, такъ какъ нашъ

пріоръ употреблялъ даръ Божій умѣренно и любилъ только одно старое вино.

И вотъ, Франкъ съ набожнымъ видомъ слушалъ исторію чудотворнаго образа, и, со своей стороны, забавлялъ пріора пріятными и занимательными разсказами, что ему было вовсе не трудно при обширныхъ его познаніяхъ, а однажды выказалъ себя большимъ знатокомъ винъ; это обстоятельство еще болѣе послужило къ ихъ сближенію. Мало по малу Франкъ разсказалъ пріору съ какимъ намѣреніемъ онъ принялъ христіанскую вѣру, а именно—съ цѣлью обращенія евреевъ и какъ онъ палъ жертвою интригъ.

Такими способами онъ пріобрѣлъ уваженіе, почти дружбу преподобнаго пріора.

— Будьте спокойны, почтенный мужъ, — отвѣчалъ обыкновенно пріоръ на жалобы Франка; — неблагодарность составляетъ обычную награду въ свѣтѣ, но придетъ время, когда обнаружится несправедливость. Въ моихъ донесеніяхъ я всегда отзываюсь о васъ чистосердечно, какъ о человекѣ набожномъ и далекомъ отъ тѣхъ смѣшныхъ претензій, которыя воображали въ васъ ваши враги.

И этимъ постоянно оканчивался разговоръ.

Такъ проходило для Франка время, и хотя, не очень пріятно, то по крайней мѣрѣ сносно. Его никогда не покидала надежда, что вѣрные его ученики не забудутъ о немъ и постараются выхлопотать ему освобожденіе; онъ ежедневно ожидалъ отъ нихъ извѣстій, не сомнѣваясь въ томъ, что они употребляютъ старанія добиться къ нему. Съ наступленіемъ весны онъ попросилъ у пріора отвести ему кусокъ земли въ огородѣ, который бы онъ могъ самъ обрабатывать для поддержанія здоровья. Наскучила ему эта однообразная жизнь, наскучило ему постоянное общество пріора, а потому, надѣялся, что тотъ не придетъ въ огородъ прерывать его мыслей. Кромѣ того, частое посѣщеніе огорода давало ему возможность ближе ознакомиться съ мѣстностью и, на всякій случай, облегчить ему сообщеніе со внѣшнимъ міромъ.

Однажды, при концѣ весны, когда Франкъ работалъ въ огородѣ, къ нему пришелъ послушникъ и сказалъ, что пріоръ просить его въ свою келью. Разсерженный, что ему и здѣсь не даютъ покоя, Франкъ вошелъ въ келью пріора нахмуреннымъ, но каковы же были его радость и удивленіе, когда увидѣлъ стоявшаго тамъ Іегуду Воловскаго. Онъ навѣрное заключилъ бы его въ свои объятія ежели бы Воловскій не подалъ знака молчанія, указывая одновременно на рюмки, на покрытую мхомъ бутылку на столѣ и на корзину съ подобными же бутылками на полу.

Какъ ни сильна была радость Воловскаго при видѣ своего патріарха, ради котораго прибылъ въ монастырь, хотя со слабою надеждою его видѣть, онъ, однако, имѣлъ время, до прихода позваннаго Франка, скрыть свои чувства и успокоиться. Кто иной, по взглядамъ, по измѣненію лица Франка, по переходу его отъ радости къ равнодушію, — возымѣлъ бы подозрѣніе или, по крайней мѣрѣ, увѣренность, что люди эти не впервые съ собою видятся, но нашъ почтенный пріоръ такъ былъ занятъ виномъ, что ничего не видѣлъ, а если бы и видѣлъ, то ни о чемъ бы не догадался, такъ какъ для него въ этотъ моментъ человѣческое лицо представлялось одной изъ неудобочитаемыхъ книгъ монастырской бібліотеки.

Прежде чѣмъ Франкъ успѣлъ оправиться пріоръ спросилъ:

— Я приказалъ попросить васъ ко мнѣ, чтобы воспользоваться вашимъ пониманіемъ винъ. Этотъ купецъ недавно прибылъ изъ Венгріи, завелъ въ Ченстоховѣ вино-торговлю и желаетъ поставлять въ монастырь вино. Помогите мнѣ совѣтомъ, какое бы лучше купить.

Здѣсь Франкъ началъ пробовать разные сорта; одни хвалилъ, другіе не одобрялъ; причѣмъ сталъ излагать, когда и какое вино бываетъ хорошимъ, какъ съ нимъ надо обходиться, когда закупоривать, когда откупоривать, и все это — съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что купецъ только дивился, а пріоръ смотрѣлъ на Франка съ умиленіемъ.

— По истинѣ,—сказаль наконецъ Воловскій,—не могу оправиться отъ удивленія! Какимъ это способомъ, вы, не будучи купцомъ, обладаете такимъ глубокимъ знаніемъ вина?

— Я проживаль довольно долго въ Венгріи.

— О! я родился, воспитывался въ Венгріи, почти что въ виноградникахъ, съ молодости торгую виномъ, а едва-ли могу похвастаться такимъ знаніемъ, какъ вапеш!

Франкъ только разсмѣялся на это, а пріоръ отвѣчалъ:

— Знаете что, господинъ купецъ? Этотъ панъ все такъ же хорошо знаетъ.

— Это хорошія вина—проговориль тогда Франкъ, указывая на бутылки;—однако они не наилучшія. Помню, какъ въ Пештѣ у одного купца я пилъ такое вино, какого потомъ нигдѣ не могъ достать. Нѣтъ ли у васъ лучшаго вина чѣмъ это?

— Имѣю; только не принесъ его сюда, такъ какъ такое вино рѣдко кто покупаетъ; а я не надѣялся вовсе найти здѣсь двухъ такихъ знатоковъ.

— Ежели ксендзъ пріоръ позволить, то я бы купиль для себя нѣсколько бутылокъ вина, если удастся найти такое, какое я пилъ въ Пештѣ или какое мнѣ придется по вкусу.

— И отлично,—отвѣчалъ пріоръ, улыбаясь заранѣе пештскому вину, зная хорошо, что ни одна бутылка не будетъ безъ него раскупорена.

— Не знаю только,—добавиль Франкъ обращаясь къ Воловскому,—будетъ ли вамъ можно принести вино въ мою келью?

— Почему же нельзя? Вѣдь вамъ дозволено въ каждомъ монастырѣ сообщаться съ людьми и запрашивать къ себѣ.

— И такъ, завтра или послѣ завтра вы принесите мнѣ наилучшіе сорта вина изъ вашего погреба; только не приходите слишкомъ рано,—добавиль Франкъ, бросая выразительный взглядъ на Воловскаго,—такъ какъ съ утра

ксендзъ пріоръ наиболѣе занятъ, а безъ него никакое вино не будетъ мнѣ по вкусу.

— Не знаю, на сколько мнѣ время позволить, но постараюсь прибыть въ самое удобное для васъ время для того, чтобы вамъ пришлось вино по вкусу,—отвѣтилъ Воловскій, давая знать, взглядомъ же, что понялъ мысль патріарха.

— Да, трудно мнѣ оторваться отъ моихъ занятій до 11-ти часовъ,—ввернулъ, какъ бы нехотя, пріоръ.

И такъ, завтра ровно въ 11-ть. И съ этими словами Воловскій, попрощавшись, вышелъ изъ кельи.

На другой день въ половинѣ 11-го часа Воловскій былъ уже въ кельѣ Франка.

— О, дорогой мой господинъ и патріархъ!—воскликнулъ Воловскій, упавъ къ ногамъ Франка и обнимая его колѣни.—Одинъ Богъ знаетъ на сколько мы огорчаемся и печалимся по поводу твоего заключенія! Намѣстникъ вашъ Лейба Нотовичъ (Антонъ Лабенцкій) приказалъ мнѣ завести здѣсь виноторговлю, чтобы подъ этимъ предлогомъ войти съ вами въ сношеніе, принимать отъ васъ приказанія и даже облегчить вамъ побѣгъ, въ случаѣ ежели примасъ не захочетъ уволить васъ вскорѣ изъ заключенія.

— Прежде всего сюда, къ моему сердцу, вѣрный ученикъ мой!—воскликнулъ Франкъ, обнимая его съ чувствомъ.—

«Теперь»—садись и рассказывай подробно исторію нашей общины между гоймами, начиная съ того времени, когда я пересталъ имѣть о васъ всякія извѣстія.

Игуда Воловскій началъ свой рассказъ о важнѣйшихъ событіяхъ, случившихся со времени арестованія Франка и не дошелъ еще и до половины, когда послышался тяжелый ходъ пріора.

Какъ не сердилъ Франка перерывъ такого важнаго разговора, онъ съ улыбкою привѣтствовалъ вошедшаго.

— Это на что похоже? Узнаю, что уже полчаса; какъ принесли вино, а вы еще не выбрали ни одного сорта. Даже бутылки не тронуты.

Я сказалъ, что вино мнѣ не будетъ по вкусу безъ ксендза пріора, а потому и не пробоваль его. Тѣмъ временемъ разговариваль съ господиномъ купцомъ о Венгріи и вспоминаль молодость.

— Такъ вы дѣйствительно были въ Венгріи? А я, господинъ Франкъ, принималь это вчера за шутку, такъ какъ вы мнѣ всегда говорили, что воспитывались въ Турціи, откуда перебрались въ Валахію, а затѣмъ на Подоль.

— Правда; но я не рассказываль вамъ, что прежде переселенія на Подоль я жилъ нѣкоторое время въ Венгріи. Да, это были самые пріятные моменты въ моей жизни, и я всегда буду вспоминать Венгрію!...

Франкъ сказалъ это съ такимъ выраженіемъ наивной правды, что могъ обмануть и, болѣе догадливаго, чѣмъ пріоръ.

— Охотно вѣрю: вы были тогда моложе.... Теперь попробуемъ-ка вино.

Опорожнивши одну, другую и прочія бутылки, Франкъ пробоваль изъ каждой и, выбравъ наконецъ одинъ сортъ вина, сказалъ:

— Это вино мнѣ нравится болѣе прочихъ, хотя оно и не то, какое я пилъ въ Пештѣ.

— Оставьте мнѣ эту бутылку и принесите завтра такого-же сорта дюжину. Приходите раньше, чѣмъ сегодня, чтобы мы могли окончить нашъ разговоръ о Венгріи, который бы только нагналь скуку на ксендза пріора.

На другой день Воловскій явился къ Франку въ 10-ть часовъ, окончилъ исторію общины, до измѣны Аарона Брюля (о которой самъ ничего не зналъ положительнаго), а потомъ спросилъ Франка, не придумаль ли онъ какого способа вырваться изъ заключенія.

— Не говори мнѣ о бѣгствѣ, Іегуда,—отвѣчалъ ему строго Франкъ.—Бѣглець всегда навлекаетъ на себя подозрѣніе въ виновности; бѣгство противно моему личному убѣжденію и характеру, противно моему святому призванію. Не могу и не долженъ бѣжать. Буду ожидать мо-

его освобожденія, позднѣе или раньше, отъ духовной или даже отъ свѣтской власти, и тогда каждому посмотрю въ глаза смѣло, гордясь моимъ мученичествомъ! Допустимъ даже, что, отбросивъ эти мои соображенія, я бы бѣжалъ отсюда—что весьма для меня легко; спрашиваю: куда бы я удалился? И въ Польшѣ, и за границую меня нашли бы іезуиты, а пойманный и вторично заключенный я бы никогда уже не дождался освобожденія. Лучше же остаться здѣсь и отсюда направлять начатымъ дѣломъ. Гдѣ мой секретарь Лейзоръ?—спросилъ Франкъ послѣ минутнаго молчанія.

— Онъ со мною, въ Ченстоховѣ, и ожидаетъ вашихъ приказаній,—отвѣчалъ Воловскій.

— Это хорошо. Отнынѣ ты будешь органомъ моей воли; будешь доносить мнѣ обо всемъ, что дѣлается въ общинѣ; тебѣ буду сообщать устно мои приказанія, а ты передавай ихъ письменно заступающему меня въ Варшавѣ. Редактировать эти приказанія будетъ Лейзоръ, ознакомленный уже съ подобными дѣлами. Старайся доставкою хорошихъ винъ по низкимъ цѣнамъ поддерживать расположеніе къ тебѣ пріора, чтобы имѣть свободный ко мнѣ доступъ. Кстати, какъ идетъ твоя торговля?

— До сихъ поръ очень хорошо; есть поговорка, что подъ инфулой хорошо живется, а я утверждаю, что подъ капишономъ еще лучше.

— Какъ же поживаетъ мой пріятель Молилда?

— Умеръ.

— Умеръ?—воскликнулъ Франкъ,—какъ мнѣ грустно это слышать.....

— Умеръ скоропостижно,—добавилъ Іегуда.—Послѣ продолжительнаго напраснаго поиска онъ напалъ, наконецъ, на слѣдъ своей дочери, убѣжавшей съ Веніаминомъ, нынѣ Грабовскимъ. Въ гостинницѣ въ Пештѣ онъ нашелъ ихъ уже послѣ брака на супружескомъ ложѣ и былъ такъ пораженъ этимъ, что упалъ и тутъ же умеръ...

— О, несчастный человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, пу-

стой и упрямый человекъ! Не лучше ли было простить ихъ и дать свое родительское благословеніе?!

— Веніаминъ Грабовскій,—продолжалъ далѣ Тегуда,—вскорѣ овдовѣлъ, такъ какъ жена его умерла мучимая угрызеніемъ совѣсти, что она была причиною смерти своего отца. Теперь онъ живетъ въ Варшавѣ?!

— Ужасно,—сказалъ Франкъ со вздохомъ. Помолчавъ немного прибавилъ:—отнынѣ всѣ мои мысли посвящаю вамъ, мои дорогіе! Ожидаю только донесенія отъ Лабенцкаго обо всемъ относящемся до общины и когда получу его черезъ тебя, то выдамъ надлежащее распоряженіе.

Донесеніе это вскорѣ пришло. Въ немъ излагалось, что не смотря на то, что ново-христіане и не получили еще королевскихъ привилегій, но каждое семейство нашло для себя весьма выгодныя занятія, и всѣмъ безъ исключенія живетъ хорошо. Зато, что касается организациі секты, расширенія ея дѣятельности и приобрѣтенія прозелитовъ,—многого остается желать.

Между прочимъ, Лабенцкій доносилъ объ измѣнѣ Аарона Брюля, о начатомъ духовенствомъ неудачномъ слѣдствіи и о томъ, что открытіе тайнаго празднованія шабаша надолго затянетъ освобожденіе патриарха. Всѣ эти обстоятельства требовали изданія мудрыхъ распоряженій, для обезпеченія секты отъ измѣны и преслѣдованій.

Прежде всего Франкъ установилъ, что только знаменитѣйшіе члены общины могутъ знать тайны и истинныя цѣли секты; а изъ народа, или лапсердаковъ, тѣ только будутъ подвигаемы на высшую степень, которые станутъ отличаться богатствомъ, доказанною преданностью интересамъ секты и повиновеніемъ старшимъ. Слѣпое повиновеніе старшимъ было постановлено первымъ условіемъ. Польша дѣлилась на гмины и провинціи. Гмина состояла по меньшей мѣрѣ изъ семи семействъ, поселившихся въ одной мѣстности. Каждая гмина выбирала своего старшаго, который исполнялъ обязанности *бальфера* во время шабаша и во всемъ долженъ былъ быть слѣпымъ испол-

нителемъ приказаній провинціальныхъ старшихъ. Старшіе надъ провинціями назначались самимъ Франкомъ, они соединяли въ себѣ духовную и свѣтскую власть, получая непосредственно отъ патріарха приказанія.

Пока, было учреждено три провинціи съ резиденціями: въ Варшавѣ, Львовѣ и Люблинѣ. Въ Варшавской провинціи насчитывалось уже шесть гминъ. Лабенцкій остался и на будущее время заступающимъ мѣсто патріарха, а Воловскому довѣрено завѣдываніе кассою въ Ченстоховѣ, расходами коей могъ распоряжаться только самъ патріархъ.

Легко было на подобномъ основаніи развивать дальнѣйшую организацію секты, въ особенности же приводить быстро и точно всѣ распоряженія въ исполненіе.

Для сохраненія въ тайнѣ корреспонденцій Франкъ составилъ изъ буквъ халдейскихъ, персидскихъ и турецкихъ азбуку, которая для непосвященныхъ была совершенно непонятна. Пользуясь этимъ Франкъ постепенно издавалъ предписанія: о томъ, насколько нужно выказываться христіаниномъ-католикомъ и тайно исповѣдывать религію Мойсея; какимъ способомъ карать измѣнниковъ секты; о переходѣ изъ низшей степени на высшую; о воспитаніи дѣтей и о способахъ къ содержанію членовъ гмины; о заключеніи браковъ; объ уплатѣ ежегодныхъ податей въ патріаршую кассу, соотвѣтственно имуществу каждаго; наконецъ, о распространеніи принциповъ секты и о принятіи въ нее прозелитовъ.

Съ изданіемъ этихъ постановленій въ сектѣ неофитовъ водворилось такое согласіе и порядокъ, какихъ до того времени не бывало; равнымъ образомъ стало увеличиваться ихъ богатство, а съ нимъ и денежныя поступленія въ кассу патріарха.

Чтобы не случилось болѣе важнаго въ гминахъ неофитовъ,—постоянно возраставшихъ численно прозелитамъ,—обо всемъ извѣщался патріархъ. Безъ его позволенія никто не могъ быть принятъ въ секту, быть повышеннымъ и вступить въ бракъ. О всякомъ рожденіи и

смерти ему доносилось; онъ же опредѣлялъ и будущую профессію дѣтей.

Между утвержденными Франкомъ брачными контрактами находился и контрактъ молодаго вдовца Веніамина Грабовскаго съ черноокою дочерью Лабенцкаго, отринутую Аарономъ Брюлемъ. Долго Франкъ не рѣшался утвердить этотъ контрактъ, но просьбы и отзвывы Лабенцкаго склонили его дать свое согласіе на бракъ.

Заступающій патриарха Лабенцкій, переодѣтый за сидѣльца въ винномъ погребѣ, подъ предлогомъ доставки вина отъ Воловскаго, видѣлся съ Франкомъ и велъ съ нимъ тайные разговоры. Онъ часто подговаривалъ Франка бѣжать, не ожидая освобожденія; но Франкъ всегда отклонялъ его предложенія, говоря, что освобожденіе его зависитъ отъ Божіей воли, съ которою онъ будетъ согласоваться, какъ бы долго не пришлось ему сидѣть въ монастырѣ.

Такъ прошло три года. Въ Февралѣ 1763 года былъ заключенъ Губертсбургскій миръ и Августъ III, котораго задержала въ Варшавѣ семилѣтняя война, могъ наконецъ вернуться въ наследственную столицу своего государства, гдѣ онъ пятого Октября того же года, скоропостижно скончался. Осиротѣлый по немъ польскій тронъ оставался незанятымъ въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ. Ни одинъ изъ западныхъ европейскихъ дворовъ не желалъ, а быть можетъ не имѣлъ средствъ поддерживать своего кандидата къ этому терновому вѣнцу.

Зато не было недостатка въ кандидатахъ изъ польскихъ магнатовъ, — такъ какъ господствующею въ то время мыслью было — посадить на престолъ потомка Пясты. Образовались партіи, конфедераціи; дошло до ссоръ и даже до дракъ между отрядами непріязненныхъ партій, пока, наконецъ, весной 1764 года русская армія не вошла въ области Рѣчи Посполитой.

¹⁾ Во главѣ партій стояли: Чарторыйскій, Потоцкіе, Радзивилъ, Браицкій, Любомырскій.

Пріоръ монастыря на Ясной - Горѣ, Хороманскій, — старый солдатъ любившій свое отечество, — не оставался равнодушнымъ къ политическимъ событіямъ. Не понравилось ему вступленіе русскихъ войскъ въ области Рѣчи Посполитой: ему хотѣлось видѣть Польшу независимою, а выборы новаго короля — свободными отъ всякаго посторонняго вліянія. Лично онъ былъ приверженцемъ Чарторыйскаго, семейство котораго оказывало ему въ молодости много благодѣяній.

Франку, — по тенденціямъ космополиту, — наскучили разговоры о политикѣ; однако, онъ долженъ былъ изъ вѣжливости выслушивать длинныя разглагольствованія пріора и даже ему поддакивать. Съ самаго начала безкорольвья, съ распространеніемъ безпокойства, крѣпость на Ясной - Горѣ была приведена на военное положеніе. Всѣхъ государственныхъ преступниковъ, свободно гулявшихъ до того по крѣпости, пріоръ велѣлъ держать подъ ключемъ, избавивъ отъ этого удовольствія одного лишь Франка, къ которому кромѣ расположенія чувствовалъ истинное уваженіе. Съ своей стороны и Франкъ считалъ необходимымъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, показать себя полякомъ, для чего сбросилъ фракъ и нарядился въ кунтушъ и жупанъ. Не мало, однако, изумился, когда увидѣлъ, что пріоръ, услыхавъ о вступленіи русскихъ войскъ, сталъ дѣлать приготовленія къ оборонѣ крѣпости: выбралъ изъ монаховъ прежнихъ военныхъ и однимъ изъ нихъ поручилъ обучать 50 старыхъ солдатъ монастырскаго войска, другимъ приказалъ разставить по валамъ годныя къ употребленію чугуныя пушки, а третьимъ готовить въ одномъ изъ казематовъ заряды. Валы починались богомольцами и нанятыми въ Ченстоховѣ людьми.

— Приготовляетесь не на шутку къ осадѣ, reverendissime? — спросилъ Франкъ у пріора, выходившаго изъ пороховаго склада въ перепачканномъ бѣломъ паулинскомъ габитѣ.

— Разумѣется, мой дорогой, — отвѣчалъ пріоръ, — знаю мои обязанности и съумѣю ихъ исполнить, какъ полякъ и

какъ стражъ Царицы Небесной и короны польской. Ско- рѣе монастырь обратится въ груду развалинъ, чѣмъ отдамъ его въ руки враговъ!

— Но подумайте же, какъ ничтожны ваши средства обороны!

— Смотри, — отвѣчалъ пріоръ съ увлеченіемъ, — тамъ на стѣнѣ нарисовано гигантскихъ размѣровъ изображеніе на- шей Царицы и Заступницы, — это и есть наша истинная оборона! До сего времени никогда нога непріятели не вступала на Ясную-Гору; разъ только, когда не было еще крѣпости, напала на монастырь банда Гуситовъ; какъ вдругъ ихъ постигла справедливая кара небесъ: они были поражены слѣпотой и моровою язвой.

— Каждый добрый христіанинъ долженъ надѣяться на такую защиту, — отвѣчалъ Франкъ, — и вы совершенно основательно прибѣгаете подъ защиту Божіей Матери. Но разсудите, какъ чудны и всемогущи Суды Божіи и что судьба польскаго края, помимо всевозможныхъ че- ловѣческихъ усилій — находится въ рукъ Божіей! Не забывайте, что вы — слуга святой церкви, поэтому васъ не должны касаться никакія житейскія дѣла, никакія свѣт- скія ссоры и что вы можете оказать Польшѣ далеко боль- шую услугу, когда станете непрестанно молить на колѣ- няхъ Царицу Небесную объ отвращеніи отъ края вся- кихъ несчастій.

— Очень хорошо вы говорите мнѣ, — какъ ксендзу, — отвѣчалъ пріоръ упавшимъ голосомъ, — но не какъ поляку и старому солдату. Что ни говорите, а ксендзъ все таки человѣкъ, а что же милѣй человѣку послѣ Бога, какъ не отечество? *Dulce et decorum est pro patria mori!*

— Буду сражаться до послѣдней капли крови!...

— Какъ хотите; сражаться вмѣстѣ съ вами я не буду, но зато ежедневно стану молиться о счастіи Польши и этого святаго монастыря.

Пріоръ пошелъ осматривать пушки, а Франкъ немед- ленно далъ приказаніе Воловскому, чтобы, на всякій слу- чай, онъ зарылъ кассу въ землю.

Въ теченіи цѣлаго лѣта, русскіе однако не показывались; напрасное ожиданіе ихъ до такой степени изнурило пріора и усыпило его чуткость, что даже правдивое извѣстіе о приближеніи войска онъ принялъ за ложное. Въ ожиданіи осады, онъ занимался политикою, ведя постоянную переписку съ пріоромъ паулиновъ въ Варшавѣ. Сообразно съ получаемыми извѣстіями объ успѣхахъ партіи Чарторыйскихъ, онъ становился то печальнымъ, то радостнымъ и сильно сердился когда его извѣщали, что Россія оказываетъ преобладающее вліяніе на будущіе выборы.

Въ Августѣ мѣсяцѣ пріоръ внезапно пересталъ получать письма. Одно уже это обстоятельство могло возбудить подозрѣніе относительно важности совершившихся событій, тѣмъ болѣе, что евреи, узнающіе прежде другихъ обо всемъ, что ни случается, поговаривали, что большая русская армія обложила Варшаву, растянувъ аванпосты на нѣсколько миль кругомъ, и что избраніе короля подходит къ концу.

Теперь, вѣрно, не увидимъ ихъ здѣсь, думалъ пріоръ: послѣ избранія короля возвратятся туда, откуда пришли.

Ночью 9 Сентября пріоръ былъ пробужденъ отъ сладкаго сна. Передъ его кроватью стоялъ карбовый¹⁾ изъ монастырскаго фольварка, который сообщилъ, что отрядъ казаковъ занялъ фольваркъ, и что онъ самъ едва успѣлъ вскочить на лошадь и, пробравшись задами мимо пикетовъ, доскакалъ до монастыря.

Еще пріоръ не успѣлъ надѣть своего габита, когда вбѣжалъ, задыхаясь, отецъ прокуроръ и закричалъ:

— Reverendissime! русскіе уже въ монастырѣ! Неожиданно, почти вмѣстѣ съ нашимъ карбовымъ, перешли опускной мостъ. Генераль внизу въ трапезной и хочетъ видѣться съ отцомъ пріоромъ:

— О несчастная моя судьба!—воскликнулъ въ отчаяніи пріоръ.

¹⁾ Завѣдующій рабочими или, вѣрнѣе, присматривающій за ними въ мѣнѣи.

— Надо согласоваться съ волею Бога, отче отвѣчалъ на это отецъ прокуроръ.—Теперь необходимы присутствіе духа и мудрость; о сопротивленіи нечего и думать. Генераль и офицеры до сего времени очень съ нами вѣжливы. Самъ генераль—нѣмецъ и хотя плохо говоритъ по польски, но понять его можно.

Въ трапезной пріоръ засталъ генерала,—человѣка среднихъ лѣтъ, небольшого ростомъ, живаго; одѣтъ онъ былъ въ зеленого цвѣта мундиръ съ красными отворотами, грудь была увѣшана крестами.

Онъ сидѣлъ за столомъ, окруженный своимъ штабомъ, и передъ ними стояло нѣсколько бутылокъ вина, принесенныхъ по распоряженію отца прокурора.

— Имѣю удовольствіе видѣть пріора этого монастыря?—спросилъ генераль.

— Такъ точно, господинъ генераль.

— По повелѣнію Пресвѣтлѣйшей Императрицы я занимаю на нѣкоторое время эту крѣпость. Ни вы, ни вашъ монастырь не будете имѣть отъ сего никакихъ непріятностей. Прошу васъ только отвести квартиры для меня и для моего конвоя.

— Цѣлый монастырь къ услугамъ пана генерала,—отвѣчалъ пріоръ съ вынужденнымъ поклономъ.

— Находятся здѣсь государственные преступники?

— Всего нѣсколько.

— Прошу миѣ представить завтра именной ихъ списокъ, съ обозначеніемъ противъ каждаго его вины.

— Хорошо, господинъ генераль.

— А теперь, преподобный пріоръ, выпей съ нами за здоровье Пресвѣтлѣйшей Императрицы!

И пріоръ долженъ былъ пить за здоровье Императрицы, а съ нимъ и всѣ другіе, до самаго бѣлаго дня;

На другой день, утромъ, пріоръ принесъ генералу списокъ заключенныхъ; было ихъ всего шесть человѣкъ: пять—изъ польской шляхты, заключенные по распоряженію свѣтской власти за приверженность къ Россіи, и шестой—Франкъ.

— Прошу васъ представить мнѣ каждого изъ нихъ по одиночкѣ, — сказалъ генераль, прочитавъ списокъ.

Были введены по очереди пять заключенныхъ изъ шляхты, — худые, истощенные долгимъ заключеніемъ. Каждый изъ нихъ просилъ у генерала покровительства отъ преслѣдованія и каждый изъ нихъ получилъ свободу и пособіе.

Затѣмъ отворились двери и вошелъ Франкъ, одѣтый въ сѣраго цвѣта бархатный фракъ, слегка шитый золотомъ, въ шелковыхъ чулкахъ, въ жабо изъ брабандскихъ кружевъ и со множествомъ перстней на пальцахъ.

— Господинъ Іосифъ Франкъ, — сказалъ пріоръ, — котораго особенно рекомендую вниманію господину генерала.

— Мессія?—спросилъ съ удивленіемъ и улыбкою генераль, заглянувъ въ списокъ.

— Обвиненный въ выдаваніи себя за Мессію, — отвѣтилъ пріоръ, очевидно затрудняясь—долженъ ли онъ оправдывать Франка или защищать приговоръ духовнаго суда.

— О Боже!—воскликнулъ генераль, какъ неразвито духовенство въ наше просвѣщенное время! Какъ могло оно такъ скомпроментировать себя? Навѣрно, это штуки іезуитовъ!

— Да, правда, ясновельможный генераль, — отозвался торжественно Франкъ, — по наговору іезуитовъ я предпринялъ обращеніе жидовъ въ христіанство и самъ показавъ примѣръ, принявъ св. крещеніе; я не жалѣлъ своихъ средствъ для оказанія помощи новообращеннымъ, которые, ненавидимые жидами и подозрѣваемые христіанами, ни отъ кого не могли надѣяться получить поддержку, какъ только отъ меня. Когда же привязанность ко мнѣ прозелитовъ стала возрастать, то этимъ возбудилась зависть господъ іезуитовъ, и они велѣли заключить меня за то, будто бы, что я выдаю себя за Мессію. Вотъ уже четвертый годъ, какъ я здѣсь сижу!

— Скажите сами, почтенный господинъ Франкъ, какъ я съ вами обходился за это время?—спросилъ его пріоръ.

— Какъ съ роднымъ братомъ, — отвѣчалъ Франкъ.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, преподобный отче, хотя вы могли бы лучше обходиться и съ прочими вашими узниками.

— Господинъ Франкъ,—добавилъ обращаясь къ нему генераль,—вы свободны. Мой адъютантъ вручить вамъ увольненіе именовъ Ея Величества Императрицы и паспортъ въ Варшаву.

Франкъ поклонился почтительно и съ достоинствомъ. Въ эту минуту вошелъ казакъ съ депешою генералу.

— Важныя новости, господа,—сказалъ генераль, прочитавъ депешу: провозглашенъ королемъ польскимъ Станиславъ Августъ Понятовскій!

Пріоръ поблѣднѣлъ.

— Я зналъ его еще въ Петербургѣ,—продолжалъ генераль. Онъ разумный, пріятный, доступный и очень добрый человекъ. Императрица очень его уважаетъ. Подъ его державою всѣмъ вамъ будетъ хорошо.

Послѣ этого Франкъ поклонился еще разъ генералу и ушелъ изъ трапезной. На другой день онъ, съ Іегудою Воловскимъ и съ секретаремъ своимъ Лейзоромъ-Бржезинскимъ, былъ уже на пути въ Варшаву.

ГЛАВА VII.

Святое призваніе.

Содержаніе: Франкъ встрѣчается радостно своею сектой и добивается аудиенціи у короля. Благоклонный пріемъ и предоставленіе привилегій новохристіанамъ. Франкъ въ качествѣ патріарха отправляетъ тайно богослуженіе. Пастырскимъ посланіемъ онъ приглашаетъ польскихъ евреевъ принимать св. крещеніе. Франкъ путешествуетъ для привлеченія прозелитовъ. Новый сектантъ возбуждаетъ въ немъ охоту отправиться въ Моравію и Чехію. Франкъ отправляется въ Чехію въ 1768 году и возвращается въ Варшаву въ 1772 году. Заговоръ Хассидимовъ на жизнь Франка. Франкъ оставляетъ Польшу и отправляется въ Вѣну.

Съ восторгомъ привѣтствовали Франка варшавскіе неофиты, а еще съ большимъ—его семья. Жену свою Франкъ засталъ въ собственномъ домѣ, большомъ, видномъ, каменномъ, вродѣ дворца, между деревянными

домишкамя Вольскаго предмѣстья. Внутри домъ былъ устроенъ не только богато, но и удобно и съ большимъ вкусомъ. Дѣти росли здоровыми. Отецъ былъ утѣшенъ успѣхами въ наукахъ двухъ сыновей своихъ, которые говорили уже на нѣсколькихъ языкахъ; четырехлѣтняя дочь Едва обладала признаками необыкновенной красоты. Изъ варшавскихъ неофитовъ, Франкъ принялъ искренно и сердечно, только знаменитѣйшія семьи Файнеберовъ, а именно: кромѣ Воловскихъ, — Лабенцкихъ, Завадскихъ, Зелинскихъ, Матушевскихъ и Ланцкоронскихъ. Всѣхъ остальныхъ, изъ низшихъ классовъ, онъ принималъ съ торжественною холодностью и удалялъ всякое проявленіе ихъ радости или стремленіе къ поздравленію съ неожиданнымъ освобожденіемъ, дѣлая видъ, будто онъ никогда не выѣзжалъ изъ Варшавы. Устроивъ свою квартиру и тайную канцелярію, онъ рѣдко выходилъ изъ дома; видѣться съ нимъ было трудно.

Одиннадцатимѣсячное безкоролевье, а еще болѣе вліяніе Россіи измѣнили значительно существовавшія до того отношенія въ Рѣчи Посполитой: духовенство почти утратило силу и вліяніе въ правительственной власти; магнаты, недовольные новымъ королемъ, а еще болѣе тѣмъ, что ни одному изъ нихъ не удалось попасть на тронъ¹⁾, не искали мѣсть въ новомъ правительствѣ, а напротивъ старались дѣлать ему всяческія затрудненія. Зато шляхта подняла голову, надѣясь подъ скипетромъ происходящаго изъ ея же касты короля добиться утвержденія свободы и шляхетскаго равенства, лучшей административной власти и улучшенія государственнаго благосостоянія. Прибывшій, послѣ долгаго ожиданія, король Станиславъ Августъ, казалось, осуществлялъ эти надежды своими личными качествами. Онъ любилъ науки, былъ либераломъ, — въ смыслѣ того времени; недурнымъ

¹⁾ Отецъ Станислава Августа, умершій въ 1762 году, своими дипломатическими способностями достигъ званія Краковскаго каштеляна и такимъ образомъ выдвинулъ фамилію Понятовскихъ.

ораторомъ и преисполненъ искреннимъ намѣреніемъ,— царствовать для благоденствія своего народа.

Франкъ своимъ быстрымъ и лукавымъ умомъ сейчасъ сообразилъ, насколько онъ можетъ воспользоваться такимъ новымъ положеніемъ дѣлъ въ Рѣчи Посполитой.

Едва окончились коронаціонныя празднества, какъ Франкъ послалъ королю меморій, въ которомъ подробно описывалъ свои труды по обращенію евреевъ, испытанное имъ преслѣдованіе отъ духовенства, просилъ монаршей протекціи и привилегій для ново-христіанъ и закончилъ просьбой объ ауденціи. Король соизволилъ на аудіенцію и въ назначенный день Франка, одѣтаго со вкусомъ, но скромно, ввели въ большой залъ королевскаго замка съ нарисованными портретами королевъ, начиная отъ Болеслава Храбраго до Августа III. Пажъ, въ одеждѣ малиноваго цвѣта, доложилъ королю о прибытіи Франка. Послѣ короткаго ожиданія въ залъ вошелъ Станиславъ Августъ, еще молодой, одѣтый изящно и старательно. Густо напудренные завитые волосы составляли пріятный контрастъ со смуглымъ его лицомъ, а изъ подъ высоко начертанныхъ бровей свѣтились темные, живые, выразительные глаза.

— Господинъ Франкъ,—заговорилъ король по французски,—ваша просьба мнѣ уже представлена. Ваша ревность въ обращеніи евреевъ заслуживаетъ всяческой похвалы, и я очень сожалѣю, что вы подвергались страданіямъ, по истинѣ, какъ мученикъ. Хотя я сознаю, что цивилизованное правительство не должно стѣснять свободы совѣсти, а, напротивъ, оказывать терпимость для всякой религіи, но долженъ признать, что еврейство составляетъ обособленный и даже дикій элементъ въ христіанскомъ обществѣ. Какъ же идетъ дѣло обращенія, искренно ли евреи принимаютъ христіанство?

— Искренность ново-христіанъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, Государь; правда, въ началѣ видны еще нѣкоторыя слѣды еврейства, но уже во второмъ поколѣніи они исчезаютъ.

— Моимъ вопросомъ я не желалъ оскорбить чувство искренности ново-христіанъ, а узнать только, какъ далеко распространяется обращеніе между евреями, такъ какъ для меня совершенно безразлично, во что вѣруеть каждый обращенный еврей. Для меня было бы пріятно, если бы въ Польшѣ не существовало болѣе наружныхъ отличій еврейства: черныхъ талесовъ, бородъ, еврейскихъ праздниковъ и еврейскихъ знаковъ надъ дверями домовъ. Императоръ Петръ Великій былъ правъ, говоря моему предшественнику Августу II-му: «дай мнѣ жидовскихъ мальчиковъ, недостигшихъ 10-ти лѣтъ, и я сдѣлаю изъ нихъ наилучшихъ русскихъ». Да поможетъ же вамъ Богъ въ дѣлѣ обращенія!

— Пресвѣтлѣйшій государь, — отвѣчалъ на это Франкъ съ глубокимъ поклономъ, — привилегіи, о которыхъ я осмѣлился просить.....

— Я уже склонился на вашу просьбу, — прервалъ его король, и не только дозволилъ вамъ то что вы просили, а именно: привилегіи на варку пива въ столицѣ и другихъ коронныхъ городахъ, а равно соисканія аренды королевскихъ имѣній, — но еще предоставилъ вамъ всѣ права и привилегіи, которыхъ лишены евреи и которыя не соотвѣтствуютъ шляхетскому сословію. Вообще, данными вамъ привилегіями я начерталъ права средняго сословія; дозволено вамъ также быть докторами, учителями и чиновниками низшихъ должностей.

Послѣ этихъ словъ, король милостиво сдѣлалъ рукою жестъ, показывая, что аудіенція окончена. Франкъ поцѣловалъ руку и съ поклонами и увѣреніями въ своей преданности странѣ и трону, удалился изъ зала.

Съ этого времени большой варшавскій свѣтъ видывалъ его по воскресеніямъ въ каѳедральномъ соборѣ св. Яна, гдѣ онъ, лежа, растянувшись ничкомъ передъ главнымъ алтаремъ, слушалъ набожно мессу. Обитатели же Вольскаго предмѣстья замѣчали, что вечерами по пятницамъ домъ Франка былъ освѣщенъ, а передъ нимъ стояло много экипажей, указывавшихъ на многочисленное собра-

ніе гостей. Дѣйствительно, всѣ файнеберы столицы собирались въ эти дни у своего патріарха для тайнаго отправленія богослуженія. Церемонія совершалась въ обширномъ подвалѣ, гдѣ мужчины въ талесахъ, а женщины въ особо отведенномъ имъ мѣстѣ, молились по ветхозавѣтному обряду. Франкъ совершалъ богослуженіе въ костюмѣ первосвященника времени Соломона, имѣя на груди золотую доску Urim-Tumim съ вырѣзанными на ней именами 12 колѣнъ. Лабенцкій занималъ мѣсто за пѣвалы.

Послѣ аудіенціи короля Франкъ призналъ сообразнымъ придать себѣ, въ своемъ родѣ официальный характеръ уполномоченнаго для обращенія евреевъ, будучи вполне увѣреннымъ, что внезапное освобожденіе изъ заключенія, полученныя привилегіи, милости короля и все болѣе возрастающее благосостояніе неофитовъ привлекутъ къ нему значительное число прозелитовъ. Съ этой цѣлью онъ издалъ пасторское посланіе къ евреямъ на нѣмецко-жидовскомъ жаргонѣ, напечатанное еврейскими буквами:

«Покайтесь дѣти израиля!»

«Приближается время исполненія всѣхъ пророчествъ: вѣчный миръ, одна овчарня, одинъ пастырь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проклятіе злымъ людямъ и преданіе ихъ аду. Покайтесь дѣти израиля! Что началъ Моисей, то докончитъ Христось: Моисей получилъ законы отъ Бога, — Христось ихъ объяснилъ, распространилъ между язычниками и вернетъ ихъ, чтобы свѣтъ судилъ по нимъ. Покайтесь дѣти израиля! Христось произошелъ отъ Израиля, и ученіе его есть только очищенный, хотя поколѣніемъ Исава не признанный, іудаизмъ, который останется на вѣки вѣковъ нерушимымъ. Кто же пожелаетъ жить, согласно ученію Христа, тотъ долженъ начать съ покаянія. Аминь. Во имя Авраама, Исаака и Іакова говоритъ съ вами Франкъ, просвѣщенный духомъ Моисея и Христа».

Снова въ провинціяхъ множество молодыхъ евреевъ стало присоединяться къ сектѣ неофитовъ, въ особенности въ Великой и Малой Польшѣ, гдѣ еще не распростра-

нилась секта *гассидимовъ*. Вслѣдствіе этого, Франкъ установилъ новыя «провинціи» со столицами въ Краковѣ, Калишѣ и Познани; а присутствіе его тамъ было такъ необходимо, что онъ, въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ, почти непрерывно находился въ тѣхъ мѣстностяхъ. Путешествовалъ онъ съ пышностью знаменитой особы и сумѣлъ придать себѣ такое значеніе, что не только христіане, но даже враги его—евреи относились почтительно къ его личности.

Теперь крещеніе ново-обращенныхъ евреевъ не производилось уже съ такою торжественностью какъ прежде: и духовенство, и шляхта были заняты важнѣйшими дѣлами.

Убѣжденія короля въ религіозныхъ вопросахъ обнаружились въ такой степени, что онъ призналъ диссидентамъ въ Польшѣ равныя права съ католиками. Этимъ возмутилось духовенство,—особенно іезуиты,—и стало возбуждать чернь противъ еретиковъ, а шляхту—противъ слабого правительства Понятовскаго. Послѣдствіемъ сего было то, что гонимые диссиденты стали просить покровительства Россіи, и въ 1767 году армія русская снова вошла въ предѣлы страны. По удаленіи нѣкоторыхъ епископовъ и магнатовъ¹⁾ было возстановлено спокойствіе.

Во время этой ссоры христіанъ между собою духовенство стало равнодушнымъ къ обращенію евреевъ, а шляхта уже не думала болѣе кумиться съ ними; такъ что прозелиты сами выбирали себѣ фамиліи то польскія, то нѣмецкія; приэтомъ одни присвоивали себѣ чужія фамиліи, а другіе изобрѣтали новыя. Въ это же время и гассидимы сдѣлали большой успѣхъ между евреями отъ востока къ западу, потому что раввины пользовались ими какъ преградой противъ успѣшныхъ дѣйствій Франка.

Весной 1768 года, когда Франкъ находился въ Варшавѣ, занимаясь со своимъ секретаремъ Бржезинскимъ

¹⁾ Епископы: краковскій и кіевскій, воевода краковскій и староста Долинскій.

пересмотромъ списковъ прозелитовъ, ему доложили о прибытіи Лабенцкаго, который вошелъ въ кабинетъ въ сопровожденіи челоуѣка, одѣтаго очень порядочно по нѣмецки, и фізіономія котораго, а равно небольшая узкая борода выказывали еврея.

— Извините меня учитель и господинъ,—началь Лабенцкій,—что отнимаю у васъ драгоценное время, но дѣлаю это единственно по просьбѣ предстоящаго здѣсь пріятеля моего, купца изъ чешской Праги, Маркусса Оппенгеймера, который доставляетъ намъ, варшавскимъ пивоварамъ хмѣль; а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю удовольствіе представить его, какъ аспиранта къ нашей святой религіи.

— Да, истинно,—сказаль Оппенгеймеръ,—я считаю себя таковымъ и сердцемъ, и душою со времени прочтенія вашего превосходнаго пастырскаго посланія и полученныхъ отъ почтеннаго и просвѣщеннаго Лабенцкаго объясненій такихъ вещей, о существованіи которыхъ я признаться не могъ и вообразить. О, примите меня въ вашу, угодную Богу общину! Прошу васъ объ этомъ сердечно!

— Какія объясненія ты ему далъ, Эліашъ?—спросиль Франкъ у Лабенцкаго.

— Убѣдиль его,—отвѣчалъ тотъ,—что Іисусъ Христосъ, какъ челоуѣкъ,—быль только евреемъ; какъ учитель религіи,—объясняль только съ нравственной стороны законъ Моисея; что не уничтожалъ еврейскихъ обрядовъ и не устанавливалъ новыхъ; далѣе, что ученіе Христа есть не иное что, какъ іудейство въ наивысшей своей чистотѣ и что, посему, совершенный еврей долженъ быть евреемъ и христіаниномъ вмѣстѣ.

— Правду вамъ говорилъ,—сказаль Франкъ;—да, это дѣйствительно такъ, господинъ Оппенгеймеръ. Объясняль ты ему книгу Сегаръ?—спросиль, обращаясь къ Лабенцкому.

— Какже, объясняль.

— Изъ этой книги,—продолжалъ Франкъ,—вы безъ сомнѣнія узнали, что христіанское ученіе о Св. Троицѣ было давно ученіемъ іудейскимъ, удержавшимся въ осо-

бенности между *идумитами*. И такъ, вы желаете присоединиться къ намъ?

— Это составляетъ мое единственное желаніе,—отвѣчалъ Оппенгеймеръ.

— Для этого обратитесь въ здѣшній костель Св. Креста къ ксендзамъ миссіонерамъ, чтобы они могли приготовить васъ къ принятію св. крещенія,—отвѣчалъ Франкъ.

Четырнадцать дней спустя, въ одну изъ пятницъ утромъ Оппенгеймеръ принялъ крещеніе въ церкви св. Креста, а затѣмъ его видѣли въ тайной синагогѣ Франка справлявшаго шабашъ.

— Просвѣщеннѣйшій учитель,—сказалъ Оппенгеймеръ Франку при прощаніи, собираясь изъ Варшавы домой,—то, что вы совершили черезъ обращеніе польскихъ евреевъ и что можно почестъ за чудо, несравненно пошло бы легче, еслибы вы направили вашу дѣятельность на Чехію и Моравію, гдѣ израиль гораздо болѣе цивилизованъ и подготовленъ. О, неоткажи намъ въ своей милости и посѣти насъ! Я, недостойный, пойду впередъ, какъ предвозвѣстникъ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ тобою объявлять всю важность святаго призванія!

Франкъ молчалъ, задумавшись.

— Нашъ край,—продолжалъ Оппенгеймеръ,—можетъ назваться раемъ въ сравненіи съ Польшею, не столько въ отношеніи гражданскаго положенія тамошнихъ евреевъ, сколько порядка въ правительствѣ, справедливости и нравственности. Здѣсь все болѣе и болѣе собираются мрачныя тучи на политическомъ горизонтѣ и вамъ безпрестанно грозитъ смерть мученика отъ руки христіанскаго или еврейскаго фанатика; тамъ—царствуетъ глупой миръ, и израиль станетъ носить васъ на рукахъ.

— Много-ли евреевъ въ Чехіи и Моравіи?—спросилъ Франкъ.

— Такого значительнаго числа и отношенія ихъ къ христіанскому населенію, какъ здѣсь, у насъ правда нѣтъ,

но, во всякомъ случаѣ, насчитываемъ въ обѣихъ странахъ до 70 тысячъ душъ.

— Богаты они? — спросилъ опять Франкъ.

— Въ высокой степени — отвѣчалъ вопрошаемый. Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, находится промышленный средній классъ и богатые крестьяне, — еврею живетъ хорошо; нищихъ евреевъ, какъ здѣсь, у насъ вовсе нѣтъ, а миллионныя состоянія у насъ не рѣдкость, особенно въ Прагѣ и Брюнѣ.

— Каковы у васъ раввины?

— Они, — отвѣчалъ Оппенгеймеръ, — весьма ученые и притомъ скромны и набожны; что касается талмуда, то они вовсе не упрямо къ нему привязаны, а скорѣе ихъ можно назвать свободо-мыслящими.

— Обсужу ваше предложеніе, — отвѣчалъ Франкъ, придавъ гордое выраженіе своему лицу; — можете увѣдомить меня письменно — насколько мое ученіе найдетъ тамъ сторонниковъ, а лишь только вы убѣдите меня, я приму путешествіе въ Прагу и подвину на высшую степенъ.

Едва Оппенгеймеръ покинулъ Варшаву, какъ пророчество о новыхъ беспорядкахъ въ Польшѣ исполнилось. При вступленіи русскихъ въ предѣлы Польши образовались во всѣхъ провинціяхъ конфедераціи и контръ-конфедераціи; закипѣла гражданская война, сопровождаемая анархіей...

Даже слабый король изъявилъ себя главою генеральной конфедераціи, цѣлью которой было: примиреніе всѣхъ партій, удержаніе равновѣсія и возвращеніе независимости государству.

При такихъ обстоятельствахъ путешествіе Франка должно было прекратиться, и онъ сталъ исключительно заниматься дѣлами варшавскихъ неофитовъ. Эти послѣдніе сумѣли воспользоваться даже бурливою эпохою столицы и втихомолку извлекали значительные доходы, не приставаая ни къ какой партіи. Въ это-же время появился снова въ Варшавѣ измѣнникъ Ааронъ Брюль, но

въ состояніи страшной бѣдности. Крестный его отецъ графъ Брюль три недѣли спустя послѣ кончины Августа III распрощался навсегда съ этимъ свѣтомъ; а князь Ксаверій Саксонскій, личный его врагъ, приказалъ взять подъ секвестръ все его имущество, нарядилъ надъ его дѣйствіями слѣдствіе и поувольнялъ съ саксонской службы всѣхъ протежированныхъ Брюлемъ. Юлія Берманъ умерла отъ огорченій, а принятая Аарономъ фамилія Брюля на столько сдѣлалась для него неудобною, насколько была прежде полезною. Придя въ совершенный упадокъ и попатавшись четыре года по христіанскимъ домамъ за лакея, Ааронъ рѣшился, наконецъ, вернуться къ своимъ въ Польшу.

Дочь Лабенцкаго, жившая счастливо съ Веніаминомъ Грабовскимъ, простила раскаявшагося Аарона и выхлопотала ему помилованіе у Франка. По приговору патріарха, онъ долженъ былъ въ продолженіи четырехъ недѣль стоять на колѣнахъ на золѣ въ подвалѣ, гдѣ была устроена синагога и только послѣ такой эпитеміи онъ получилъ руку зажиточной неофитки изъ класса лапсердаковъ и этимъ поправилъ свое благосостояніе.

Отъ Оппенгеймера Франкъ получилъ весьма благопріятное письмо изъ Праги: «Ваша святая наука нашла себѣ полное признаніе и восхищеніе въ средѣ разнообразныхъ моихъ знакомыхъ въ Бреславлѣ, Брюнѣ и Прагѣ. Всѣ мы жаждемъ познакомиться съ вами лично и изъ вашихъ устъ услышать мудрость Божию, изложенную въ вашемъ пастырскомъ посланіи. Неоткладывайте далѣе и собирайтесь къ путешествію въ Прагу, гдѣ въ моемъ большомъ домѣ все готово къ вашему приему».

Послѣ такого письма, Франкъ, не долго думая, велѣлъ приготовить двѣ удобныя кареты, съ необходимыми дорожными принадлежностями и богатою ливреей по обычаю зажиточнаго пана, путешествующаго за границую для собственнаго удовольствія. Сверхъ трехъ лакеевъ изъ неофитовъ, его сопровождали еще—вѣрный камердинеръ Ясинскій и секретарь Бржезинскій. За невозможностью

опредѣлить времени возвращенія, Франкъ ввѣрилъ управленіе дѣлами вице-патріарху Лабенцкому, а затѣмъ, въ началѣ Октября 1768 года экипажи Франка, запряженные почтовыми лошадьми, катились по дорогѣ въ Бреславль и безъ всякихъ приключеній переѣхали границу Рѣчи Посполитой, находившейся тогда въ состояніи анархіи.

Франкъ впервые увидалъ западную Европу въ Силезіи. «Какая огромная разница, — сказалъ онъ Бржезинскому, — между этою страной и Польшею! Посмотри, какіе здѣсь чистые и удобные постоянные дворы, какъ порядочно выстроены деревни, какое промышленное торговое движеніе въ мѣстечкахъ, какое спокойствіе, порядокъ и хорошая повсюду полиція. Вотъ послѣдствія быта средняго сословія на христіанскій образецъ, чего я добиваюсь въ Польшѣ для Израиля! Тамъ, гдѣ страна слагается лишь изъ пановъ и подданныхъ, которыхъ какъ пѣявицы сосутъ жида талмудисты, — тамъ она всегда останется пустынею».

Въ Бреславлѣ Франкъ останавливался не—надолго; наконецъ, послѣ непродолжительнаго путешествія, карета его подѣхала къ видному дому Оппенгеймера въ Прагѣ, на Острожской улицѣ. Хозяинъ съ семьей цѣловали его руки и ноги и повели въ парадно убранныя комнаты, званѣе для него приготовленныя. На другой день къ Оппенгеймеру собрались знаменитости пражскихъ евреевъ, господа: Леви, Таусигъ, Калленбергъ, Лебретъ и иные, между которыми находились и раввины.

Франкъ немедленно и съ большимъ успѣхомъ принялся за дѣло обращенія, такъ какъ приходу Св. Витта (St. Veit) пришлось имѣть дѣло со множествомъ кандидатовъ на принятіе крещенія. Въ пустомъ складѣ хмѣля Оппенгеймера была устроена тайная молельная для торжественнаго празднованія шабаша.

Отъ времени до времени Франкъ уѣзжалъ изъ Праги въ Брюнъ (Брно) и Бреславль, гдѣ знатнѣйшіе евреи принимали его съ такими же почестями, какъ и въ Прагѣ и одинаково приносили дань новому его ученію. Казна Франка увеличивалась, а онъ постоянно откладывалъ свое

возвращеніе въ Польшу, тѣмъ болѣе, что и Лабенкій совѣтывалъ ему вернуться не ранѣе, какъ очистится политическій горизонтъ. Моментъ этотъ наступилъ только въ 1772 году. Послѣ объявленія безкоролья, въ 1770 году, вслѣдствіе барской конфедераціи и послѣ безплоднаго покушенія (3-го ноября слѣдующаго года) увезти короля изъ Варшавы,—сосѣднія государства приступили наконецъ къ раздѣлу неспокойной, какъ выражались, Польши, въ 1772 году.

Сейчасъ же послѣ раздѣла, Франкъ прибылъ въ Варшаву, наполненную тогда русскимъ войскомъ. Онъ нашелъ неофитовъ въ цвѣтущемъ состояніи; молодежь высшихъ классовъ получала хорошее свѣтское образованіе. Но теперь Варшава имѣла также и чисто еврейскихъ обывателей. Дѣло въ томъ, что евреи, стремясь издавна къ источникамъ богатыхъ спекуляцій въ столицѣ и воспользовавшись несчастнымъ положеніемъ Рѣчи Посполитой, достигли, посредствомъ подкупа вліятельныхъ представителей народа, кассачи старой привилегіи, въ силу которой ни одному еврею не дозволялось поселиться въ Варшавѣ. Съ быстротою жидкости, стремящейся занять безвоздушное пространство, притекали со всѣхъ сторонъ евреи въ столицу, сперва они гнѣздились на отдѣльныхъ, указанныхъ имъ улицахъ, но мало по малу, размѣстились на всѣхъ; съ неофитами жили очень согласно и помогали имъ даже въ спекуляціяхъ; только къ особѣ Франка равнины питали непримиримую ненависть.

Управившись съ важнѣйшими дѣлами, Франкъ снова пустился путешествовать для исполненія своего «святого призванія», но по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ всегда возвращался въ Варшаву. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Прагу, онъ взялъ съ собою 17-ти лѣтняго своего сына Іосифа, съ цѣлью оставить его тамъ для слушанія въ университетѣ гуманитарскихъ наукъ и теологіи; младшаго сына, Роха, отдалъ въ Варшавскій кадетскій корпусъ, а къ 12-ти лѣтней дочери Евѣ приставилъ гувернантку французенку.

Тѣмъ временемъ, болѣзнь жены его приняла большіе размѣры и осенью 1775 года она скончалась на рукахъ мужа. Давно не видывала Варшава такихъ пышныхъ похоронъ, какія были устроены женѣ Франка. Конгрегациі всѣхъ монастырей съ крестами и хоругвями шли впереди; по сторонамъ гроба шли лакеи съ факелами, а позади погребальнаго катафалка—нескончаемый рядъ экипажей, наполненныхъ неохитами цѣлой столицы.

Франкъ съ грустью, переносилъ утрату.

Казалось, что Польша наконецъ успокоилась; сеймъ 1773 года оправдалъ раздѣлъ государства и постороннія войска удалились изъ предѣловъ; къ королю былъ представленъ постоянный совѣтъ, заправлявшій всѣми дѣлами; Андрей Замойскій выработалъ новый кодексъ, а способные люди, стоявшіе во главѣ правительства, вносили проекты и приготавливали новые. Станиславъ Августъ предался теперь совершенно своей страсти къ архитектурѣ, къ украшенію столицы и распространенію наукъ.

Онъ занялся даже алхиміей.

Франкъ, ставши вдовцемъ, велъ прежнюю жизнь, только чаще путешествовалъ, чѣмъ жилъ въ Варшавѣ. Онъ также занимался науками, а именно, кабалистическими и мистическими, къ чему книга Сагаръ располагаетъ богатымъ матеріаломъ. Прозелитизмъ преуспѣвалъ, въ Варшавѣ больше, чѣмъ въ провинціяхъ. Франкъ произвольно распоряжался суммами своей секты.

Въ Маѣ 1777 года столица внезапно наполнилась множествомъ гассидимовъ, которыхъ до того было мало. Прибытіе ихъ очевидно было слѣдствіемъ обдуманнаго плана враговъ Франка и даже католическаго духовенства все болѣе терявшаго вліяніе, съ цѣлью произвести насиліе надъ его особой, на которую единственно направлена

¹⁾ Въ красивомъ и со вкусомъ построенномъ имъ Лазенковскомъ дворцѣ находится аллегорическія картины *al fresco*, относящіяся къ этому мистическому искуству.

была вся ихъ ненависть. Однажды, поздною осенью того же 1777 года, въ необычный часъ вошелъ въ кабинетъ Франка Лабенцкій.

— Уважаемый господинъ и учитель, — началъ онъ, — дошли до меня слухи, касающіеся вашей святой особы. Гассидимы угрожаютъ лишить васъ жизни посредствомъ яда или убійства. Будьте осторожны.

— Что же ты слышалъ объ этомъ? — спросилъ Франкъ хладнокровно.

— Вчера одинъ изъ прозелитовъ открылъ мнѣ весь заговоръ, во главѣ котораго стоитъ Хаимъ бенъ Гиршовичъ, сынъ начальника гассидимовъ изъ Медржибора, сумасшедшій, прибывшій сюда нарочно съ этою цѣлью. Не принимайте новыхъ неизвѣстныхъ слугъ, не ходите пѣшкомъ и стерегите вашъ домъ ночью.

— Все это, — отвѣчалъ Франкъ, — я давно уже замѣтилъ, а потому ничего мнѣ новаго ты не сообщилъ.

— Нападенія на вашъ домъ, дорогой учитель, боюсь я всего болѣе: стоитъ онъ всторонѣ отъ центра, полиціи у насъ нѣтъ, а ближайшія казармы короннаго войска далеки отсюда.

— Ожидаю ихъ прибытія, — отвѣчалъ спокойно Франкъ.

Но недолго пришлось ему ждать. Въ одну темную, дождливую ноябрьскую ночь, превратившую неосвѣщенныя и немощенныя улицы Варшавы въ болото, когда холодный вѣтеръ дулъ со стороны Вислы, а домъ Франка былъ погруженъ въ глубокій сонъ, въ это время по отдаленнымъ, слабо населеннымъ улицамъ, ведущимъ отъ еврейскаго квартала Поцѣва къ Вольскому предмѣстью, подвигалась толпа евреевъ, вооруженныхъ камнями, дубинами и другими боевыми орудіями, подъ предводительствомъ гиганта Хаима Гершовича. Толпа эта, подошедши къ дому Франка съ пронзительными криками, выбила камнями всѣ стекла, выломала моментально двери и бросилась во внутрь дома. Здѣсь она вступила въ кровавую борьбу со слугами Франка, успѣвшими схватиться за оружіе. Пробужденный криками, патріархъ, не теряя вре-

мени, взбѣжалъ по узкой лѣстницѣ, примыкавшей къ его спальнѣ, на чердакъ дома и тамъ, спрятавшись подъ крышею, слышалъ неистовые вопли банды, искавшей его по всѣмъ закоулкамъ дома и жаждавшей его крови. Затѣмъ нападающіе стали разбивать въ комнатахъ все, что ни попадалось имъ подъ руку. Уже опасеніе Франка, что банда откроетъ его убѣжище или подожжетъ домъ, дошло до высшей степени, когда неожиданно появился отрядъ солдатъ, вмѣстѣ съ Лабенцкимъ, увѣдомленнымъ слишкомъ поздно о нападеніи, штыками разогналъ толпу, многихъ арестовалъ и водворилъ порядокъ.

Никогда жизнь Франка,—даже при нападеніи на него въ Люблинѣ,—не была въ такой опасности, какъ въ ту ночь. Онъ это чувствовалъ и выказалъ свое чувство сердечными объятіями Лабенцкаго, своего спасителя. Убытки, понесенные Франкомъ, были значительные, но деньги и драгоценныя вещи были отлично запрятаны и не подверглись расхищенію. Съ того времени, по распоряженію магистрата, былъ поставленъ караулъ передъ домомъ Франка.

Ревностный Лабенцкій объявилъ процессъ хищнымъ гассидимамъ, но бесполезно: арестованные не выдали другихъ, а, затѣмъ, при помощи взятокъ получили свободу. Франку не понравилось такое проявленіе, какъ онъ самъ выразился,—«новой либеральной цивилизаціи поляковъ»—не сулившее ему въ будущемъ большаго ручательства безопасности его личности.

— Я теперь убѣжденъ,—сказалъ онъ нѣсколько недѣль спустя послѣ катастрофы Лабенцкому,—что жизнь моя здѣсь не безопасна; поэтому я намѣренъ перенести мою резиденцію въ болѣе спокойное мѣсто. Какъ ты объ этомъ думаешь, Эліашъ?

— Какъ вѣрный вашъ ученикъ, дорогой учитель, меня невыразимо печалитъ такое ваше намѣреніе; ваша святая личность согрѣвала насъ, на подобіе солнца, согрѣвающего планеты; но, какъ безпокоющійся за васъ,—я совершенно одобряю ваше намѣреніе.

— Въну я избралъ своею резиденціей, — сказалъ Франкъ: — тамъ подъ скипетромъ мудрой Маріи Терезіи царствуютъ миръ и спокойствіе. Ей подчинены Чехія, Маранія и Русь, въ которыхъ насчитывается множество моихъ послѣдователей, и изъ которыхъ легко предпринять обращеніе венгерскаго израиля, какъ достойнаго такой благодати Божіей.

— Превосходный планъ! — воскликнулъ Лабенцкій.

— Такъ какъ царство мое не отъ міра сего, — продолжалъ Франкъ, — то тѣмъ болѣе оно не можетъ ограничиться Польшею. Я могу жить гдѣ мнѣ угодно и Польшу считаю только небольшою провинціей моего царства, которую тебѣ, какъ достойному моему намѣстнику и первосвященнику, я поручаю съ полнымъ довѣріемъ. Въ ближайшій шабашъ я установлю тебя въ этихъ званіяхъ, которыя останутся наслѣдственными въ мужскомъ твоёмъ потомствѣ.

Лабенцкій благодарилъ со слезами на глазахъ.

— Впредь, ты будешь самостоятельно управлять дѣлами христіанскихъ евреевъ въ Польшѣ, меня же будешь извѣщать только о важнѣйшихъ событіяхъ и высылать въ назначенные сроки денежные сборы, необходимые для моего содержанія, соотвѣтственно моему высокому положенію.

— Все это исполню буквально, — сказалъ Лабенцкій.

— Назначаю къ тебѣ, въ качествѣ вѣрныхъ совѣтниковъ, Воловскаго и Ланцкоронскаго, предоставляя имъ наслѣдственно званіе моихъ камергеровъ. Дочь мою 17-ти лѣтнюю Еву оставляю подъ твоимъ наблюденіемъ, а достойную твою супругу назначаю главною ея наставницею и руководительницею, съ придачею моею дочери еще трехъ дѣвицъ изъ первыхъ нашихъ фамилій.

— Содержаніе ея у насъ будетъ соотвѣтственнымъ высокому ея положенію.

— Сына же моего Роха, избравшаго себѣ военное поприще и уже достигшаго офицерскаго чина, я намѣ-

намѣреваюсь отдать на службу великой и могущественной Русской Царицѣ, такъ какъ службу въ Польшѣ я цѣню мало. Поручаю тебѣ хлопоты по этому дѣлу, согласно отдѣльной моей инструкціи. Наблюденіе за старшимъ сыномъ Іосифомъ въ Прагѣ я беру на себя, но лишь только онъ пріѣдетъ въ Варшаву,—ты будешь его менторомъ.

— Превосходный и многообщающій молодой человекъ!—воскликнулъ Лабенцкій.— Несомнѣнно, что въ поступкахъ своихъ онъ станетъ подражать своему великому отцу!

— Направляй старательно воспитаніе нашей молодежи такъ, чтобы она была способною занимать должности въ публичной службѣ, и чтобы мы снискали себѣ большее вліяніе и власть въ правительствѣ; поддерживай при этомъ дружескія отношенія съ нашими братьями евреями-талмудистами, ибо придетъ время, когда всѣ мы составимъ одно общество; по крови же мы чувствуемъ къ нимъ большее влеченіе, чѣмъ къ поколѣнію Исава.

— Вотъ все,—что я желалъ тебѣ приказать.

Послѣ этого Франкъ продалъ свой домъ Іегудѣ Волковскому,—который назначилъ его подъ пивоваренный заводъ,—и написалъ къ Оппенгеймеру, чтобы тотъ нанялъ ему отель въ Вѣнѣ.

Въ одну изъ пятницъ въ тайной синагогѣ у Франка были собраны всѣ варшавскіе файнеберы и при богослуженіи Лабенцкій былъ установленъ первосвященникомъ и вице-патріархомъ.

Въ концѣ Января 1778 года Франкъ, въ удобной каретѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ экипажей, съ 12-ю человекѣми свиты изъ неофитовъ, покинулъ Варшаву и направился по тракту на Бреславль.

ГЛАВА VIII.

Пребываніе въ Австріи.

Содержаніе: Аудіенція у Маріи Терезіи и у Императора Іосифа. Франкъ уѣзжаетъ въ Брюнь. Евреи талмудисты подаютъ на него жалобу. Для защиты своей ѣдетъ въ Вѣну. Получаетъ приказаніе покинуть Австрію. Поселяется въ Оффенбахъ, въ замкѣ князя Исенбургъ.

Императрица-вдова Марія Терезія въ 1778 году имѣла 61 годъ и послѣ бурной жизни, только съ заключеніемъ Губертсбургскаго мира, впервые наслаждались свободой и спокойствіемъ, хотя и не снимала траура по любезномъ своемъ супругѣ Францѣ 1-мъ, съ которымъ ее разлучила подозрительная его смерть. Только мудрость и сила характера съ честью удержали на ея головѣ корону наслѣдственныхъ Австрійскихъ земель, перешедшую къ ней, хотя и къ женщинѣ, по статуту отца ея Карла VI. Сынъ ея Іосифъ II, избранный императоромъ нѣмецкимъ терялся при ней, такъ какъ нѣмецкое государство было въ тѣ времена простой химерой. Подъ образцовымъ правленіемъ вдовы-императрицы стали разцвѣтать Австрійскія страны, а столица ихъ Вѣна сдѣлалась пріютомъ всяческихъ добродѣтелей, наукъ и изящныхъ искусствъ.

Въ ней то, на предмѣстьи Леопольда противъ сада Aûgarten, нанялъ Оппенгеймеръ для Франка небольшой, но превосходно устроенный и меблированный дворецъ чешскаго графа Коловрата, уѣхавшаго на нѣсколько лѣтъ въ Парижъ. Дворецъ этотъ состоялъ изъ 30 комнатъ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ залъ, помѣщенія для прислуги и обширныхъ во дворѣ конюшенъ и сараевъ для экипажей.

Лишь только Франкъ пріѣхалъ въ Бреславль, какъ подписалъ приготовленный уже наемный контрактъ на три года. Здѣсь онъ увеличилъ свой дворъ нѣсколькими молодыми чешскими неофитами, усиленно добивавшимися этой чести. Не могъ также отказать двумъ семействамъ,

просившимъ его взять подъ опеку двухъ дочерей, а, сверхъ того, Оппенгеймеръ уговорилъ его принять двухъ молодыхъ чешскихъ раввиновъ, выразившихъ желаніе присоединиться къ сектѣ и отправиться миссіонерами въ Венгрію.

Камердинера своего Ясинскаго Франкъ наименовалъ маршаломъ двора и выслалъ его впередъ съ большою частью своей свиты и со значительною денежною суммою въ Вѣну, для закупки столоваго серебра, экипажей и лошадей и т. п.

Въ Прагѣ Франкъ остановился всего на двѣ недѣли. Здѣсь, прежде всего повысилъ Оппенгеймера до степени мейнхта, а наканунѣ отъѣзда причислилъ его къ классу файнеберовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ именовалъ его чешскимъ вице-патріархомъ. Сопровождалось это торжественнымъ обрядомъ, при которомъ самъ патріархъ, одѣтый въ ризы первосвященника, произнесъ собранію рѣчь «о согласіи», которая такъ растрогала неофитовъ, что почти всѣ они плакали.

Долго, послѣ этого, ночью разговаривалъ съ нимъ Оппенгеймеръ, получая тайныя инструкціи и, въ свою очередь, сообщая ему свѣдѣнія объ Австріи, которую онъ зналъ превосходно.

— Не пренебрегайте моимъ совѣтомъ, милѣйшій господинъ мой и учитель,—сказалъ Оппенгеймеръ;—сейчасъ по прибытіи въ Вѣну представьтесь императрицѣ и императору, иначе вамъ, какъ иностранцу и неизвѣстному, австрійская полиція не дастъ ни минуты покоя. Полиціи уже извѣстно, что вы будете проживать въ Вѣнѣ; несомнѣнно, что она собрала о васъ всевозможныя справки и не упуститъ васъ съ глазъ.

— Легокъ-ли доступъ къ императрицѣ и императору?—спросилъ Франкъ.

— Для cadaго: какъ для крестьянина, такъ и для наивысшаго дворянина; и для этого вовсе не нужно никакихъ хлопотъ, никакихъ церемоній; надо только въ

назначенный для аудиенціи день, отправиться въ замокъ и сказать, чтобы васъ представили.

— Какія ихъ мнѣнія и принципы въ отношеніи религіи?

— Императрица, — отвѣчалъ Оппенгеймеръ, — ревностная католичка, даже ханжа; она хотѣла бы видѣть весь свѣтъ католиками, а всѣхъ жидовъ крещеными. Императоръ, напротивъ, врагъ духовныхъ и всѣхъ сектантовъ; если бы онъ только могъ, то дозволилъ бы полнѣйшую свободу совѣсти и обрядовъ; онъ — въ полномъ значеніи слова — *l'esprit fort*, и съ нимъ надо быть осторожнымъ.

— Хорошо, что вы мнѣ все это сказали. Это мнѣ очень важно знать.

Попрощавшись съ вице-патріархомъ, Франкъ въ удобной каретѣ двинулся въ Вѣну.

Два дня спустя его принималъ въ устроенномъ дворцѣ маршалъ его двора Ясинскій. Дѣйствительно все было устроено такъ, какъ подобаетъ большому барину: значительная свита, модные экипажи и восемь лошадей на конюшнѣ.

Едва только на другой день проснулся Франкъ, какъ камердинеръ доложилъ ему, что пришелъ какой то господинъ, нежелающій назвать себя по имени, говоря, что скажетъ обо всемъ при свиданіи. Тутъ же, за спиною камердинера показался высокій, худой человекъ, въ свѣтло-сѣромъ фракѣ съ большими стальными пуговицами, въ яркочерныхъ панталонахъ и въ парикѣ; въ рукахъ онъ держалъ трость и треугольную шляпу. Небольшими, живыми, бурными глазами онъ осматривалъ комнату, а Франку едва кивнулъ головой.

— Я, — началъ онъ по нѣмецки, постоянно откашливаясь, — императорско-королевскій директоръ полиціи столичнаго города Вѣны, *nobilis*, фонъ-Траутветтеръ. Пришелъ спросить у васъ по службѣ: кто вы, чѣмъ занимаетесь и зачѣмъ пріѣхали въ Вѣну.

На предложенный въ такой невѣжливой, почти дерз-

кой формѣ вопросъ, Франкъ измѣрилъ прибывшаго взглядомъ и отвѣтилъ тономъ увѣреннаго въ себѣ чловѣка:

— Милостивый государь! Такъ какъ вы считаете со-ответственнымъ задавать подобные вопросы особѣ, пользующейся такимъ какъ я значеніемъ, то, въ свою очередь, я отказываюсь отвѣчать такому, какъ вы, слугѣ.

— Что? Я слуга? Я—императорско-королевскій директоръ полиціи столичнаго города Вѣны!—воскликнулъ тощій чиновникъ съ гнѣвомъ, стуча по паркету своею тростью.

— Развѣ вы не слуга вашей великой императрицы? —отвѣчалъ холодно Франкъ.

— Правда; но помимо этого, я имѣю право домогаться требуемыхъ отъ васъ объясненій или въ противномъ случаѣ велѣть вамъ немедленно выѣхать изъ Вѣны...

— Все, о чемъ вы меня спрашивали,—перебилъ его Франкъ,—я скажу вашей великой и могущественной императрицѣ и затѣмъ вы уже отъ вашей монархини получите приказаніе: долженъ-ли я остаться въ Вѣнѣ или выѣхать.

— Желалъ-бы получить такое приказаніе не позже трехъ дней,—отвѣчалъ директоръ иронически;—въ противномъ-же случаѣ я вынужденъ буду поступить такъ, какъ велѣтъ мои обязанности.

И ушелъ. Франкъ обратился къ вошедшему Ясинскому:

— Завтра пріемный день при дворѣ: вели, чтобы ровно въ 11-ть часовъ утра была готова самая красивая карета, и чтобы кучеръ и лакеи надѣли богатыя ливреи. Для меня приготовь черную одежду, бѣлье съ брабантскими кружевами, стальную шпагу, *chapeau-bas* и брилліантовые перстни.

На другой день въ 11-ть часовъ изъ предмѣстья Леопольда катилась въ замокъ великолѣпная карета, запряженная четверкой англазированныхъ лошадей, съ тремя лакеями позади, въ одеждѣ обшитой золотыми галунами.

Франкъ вышелъ изъ кареты во дворъ, подъ коллонадой и, сопровождаемый двумя лакеями, поднялся по широкимъ ступенямъ лѣстницы въ комнаты предшествующія пріемной залѣ. Въ одной изъ комнатъ слуга снялъ съ него соболью, крытую бархатомъ шубу, а дежурный камергеръ графъ Врбна, спросилъ его фамилію и званіе.

— Иосифъ Франкъ, частное лицо изъ Польши,—отвѣчалъ Франкъ возвышеннымъ тономъ.

Камергеръ записалъ фамилію и попросилъ его въ соедѣній залѣ, гдѣ много особъ разнаго сословія ожидало выхода императрицы.

Послѣ недолгаго ожиданія растворились большія двери и въ залѣ вошла пожилая женщина, большого роста; большіе голубые глаза выражали суровость, смягчавшуюся только кроткимъ выраженіемъ блѣднаго лица.

Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ, шлейфъ котораго несъ маленькій пажъ; на головѣ, посреди завитыхъ и напудренныхъ локоновъ виднѣлась маленькая брилліантовая корона, изъ подъ которой спускался черный креповый вуаль; въ рукахъ, обтянутыхъ черными перчатками, держала вѣеръ; на груди свѣтился установленный для дамъ орденъ Крестовой Звѣзды.

Когда очередь представленія дошла до Франка, императрица долго присматривалась къ нему какъ бы желая что-то вспомнить.

Наконецъ милостиво проговорила:

— Я уже много слышала и о васъ, и о вашихъ похвальныхъ дѣлахъ, господинъ Франкъ. Еще недавно архіепископъ пражскій доносилъ мнѣ о вашихъ трудахъ по обращенію евреевъ въ Чехію и Моравію; а посолъ мой при варшавскомъ дворѣ одинаково сообщалъ мнѣ объ успѣшномъ распространеніи начатаго вами дѣла обращенія въ христіанъ польскихъ евреевъ и о томъ, какъ мало умѣютъ цѣнить тамъ ваши заслуги. Чего вы въ настоящее время желаете?

— Пресвѣтлѣйшая государыня!—отвѣчалъ Франкъ съ

глубокии поклономъ.—Прошу убѣжища въ Австрійскихъ странахъ. Постоянные политическіе безпорядки выгнали меня изъ несчастнаго отечества; ищу спокойствія, которое могу найти только подъ благословенной державою вашего величества.

— Охотно соизволяю на ваше желаніе; выбирайте сами мѣсто въ моихъ краяхъ, гдѣ бы вамъ понравилось поселиться. Съ истиннымъ удовольствіемъ и радостью буду видѣть преуспѣяніе въ обращеніи евреевъ въ моемъ государствѣ. Но не мѣсто здѣсь говорить объ этомъ предметѣ; поговоримъ завтра на частной аудіенціи, которую назначаю вамъ въ этотъ самый часъ.

— Приказаніе Всемилостивѣйшей Государыни будетъ всегда для меня закономъ.—отвѣчалъ Франкъ.—Теперь я желалъ бы проживать въ Вѣнѣ и осмѣливаюсь просить о соотвѣтственномъ приказаніи полицейской власти.

— Князь Лихтенштейнъ!.. —отозвалась императрица по французски къ одному изъ окружавшихъ ее.—Господину Франку дозволяется жить въ Вѣнѣ; прошу наблюдать за исполненіемъ этого приказанія.

И ласково кивнувъ головой Франку, она подошла къ слѣдующему просителю.

Франкъ желалъ представиться императору въ тотъ же самый день, но, по причинѣ усиленныхъ занятій, императоръ его не принялъ.

Осчастливленный ласковымъ приѣмомъ императрицы, патриархъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующаго дня. До назначеннаго ему часа, онъ находился уже въ залѣ, рядомъ съ кабинетомъ императрицы. Введенный послѣ доклада о немъ, онъ засталъ императрицу пишущею.

Марія-Терезія, положивъ перо, спросила его безъ всякихъ прелюдій:

— Скажите мнѣ, господинъ Франкъ, какимъ это способомъ одному лишь вамъ удается обращать евреевъ въ такомъ огромномъ числѣ? Какимъ чудомъ, какими чарами вы на нихъ дѣйствуете?

— Ни тѣмъ, ни другимъ, Пресвѣтлѣйшая Государыня. Самъ я былъ іудеемъ: знаю образъ мыслей и предразсудки моего племени, и этимъ на нихъ вліяю. Исправляю ихъ мышленіе, согласно основаніямъ чистой нравственности, стараюсь сбивать ихъ талмудистскіе предразсудки и этимъ способомъ мнѣ удаётся почти всегда убѣдить ихъ, что предреченный Мессія давно уже былъ на землѣ въ Особѣ Іисуса Христа, и что израиль можетъ получить спасеніе единственно черезъ принятіе установленной Богочеловѣкомъ религіи.

— Развѣ евреи,—спросила императрица,—совершенно убѣждены въ этихъ святыхъ и несомнѣнныхъ истинахъ?

— До такой степени убѣждены,—отвѣчалъ Франкъ,—что вѣру ихъ можно было бы поставить выше вѣры многихъ христіанъ отъ самаго рожденія.

— Много ли вы приобрѣли прозелитовъ въ моихъ краяхъ?

— Наиболѣе, въ самомъ началѣ, въ Галиціи; теперь же много въ Чехіи и въ Моравіи. Насчитываю ихъ нѣсколько тысячъ.

— Расскажите мнѣ кратко исторію вашего призванія, вашихъ трудовъ и вашего преслѣдованія.

Здѣсь Франкъ, прибравъ выраженія, сталъ рассказывать всю свою жизнь до нападенія на него въ Варшавѣ.

— Бѣдный человѣкъ!—воскликнула императрица, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ весь рассказъ;—жилъ постоянно апостоломъ, а кончилъ почти мученикомъ! Мы беремъ тебя подъ наше покровительство. Не оставляй дѣла обращенія и обрати вниманіе на многочисленнѣйшихъ и найтемнѣйшихъ венгерскихъ евреевъ. Иди съ Богомъ и помни, что мы не оставимъ тебя нашей милостію.

Послѣ такого приѣма многіе изъ знатныхъ придворныхъ особъ навѣстили таинственнаго обитателя дворца Коловрата, считая его за польскаго магната. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ императорскій камергеръ графъ Врбна и вручилъ Франку отъ имени императрицы же-

стяную коробку, въ которой находился дипломъ, утверждающій за Франкомъ и его потомствомъ по прямой линіи званіе барона Франка Лейбовицкаго.

Приложенный къ диплому гербъ заключалъ на серебрянномъ полѣ черное сердце, пробитое золотою стрѣлой.

— Господинъ баронъ—сказалъ камергеръ, вручая дипломъ,—поздравляю васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь уведомить, что императоръ желаетъ принять васъ завтра въ 9-ть часовъ утра.

Императоръ Іосифъ II былъ высокаго роста, лѣтъ 37; большіе голубые глаза и выдающійся носъ характеризовали родовой признакъ дома Габсбурговъ. Пышно разодѣтаго Франка онъ принялъ въ скромной одеждѣ современнаго покроя и безъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ императорскаго достоинства. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, единственнымъ украшеніемъ котораго была огромная стѣнная карта германскаго союза, хаотически перепутанная границами отдѣльныхъ германскихъ государствъ, и читалъ Вольтера.

— Вы предприняли, господинъ баронъ,—началъ императоръ, присматриваясь почти съ презрѣніемъ къ богатому костюму Франка,—громадное дѣло, которое должно возбудить сочувствіе каждаго друга человѣчества, такъ какъ никто не можетъ смотрѣть равнодушно на печальное положеніе посреди насъ евреевъ. Сомнѣваюсь, однако, чтобы вамъ удалось довести до конца ваши намѣренія.

— Дозволено мнѣ будетъ ваше величество, спросить о причинахъ такого сомнѣнія?

— Народъ, считающій себя тысячи лѣтъ избраннымъ народомъ Божиимъ и даже самого Бога—естественнымъ своимъ царемъ; у котораго вѣра и обрядности вошли въ кровь; народъ, который до фанатизма отстаиваетъ свои предразсудки и старые обычаи; который въ религіозной своей гордости переносилъ всѣ несчастія и презрѣнія и какъ мумія прежнихъ вѣковъ, существуетъ, а не живетъ посреди всеобщаго прогресса;—такой народъ невозможно обратить путемъ религіознаго убѣжденія.

— Однакожь,—возразилъ Франкъ съ напускною скромностью,—я доказалъ многими примѣрами возможность такого обращенія.

— Отдѣльные примѣры, хотя бы и значительные числомъ, не разрѣшаютъ положительно этого вопроса; да, сверхъ того, является еще другое сомнѣнiе: искренно-ли они приняли религiю и не руководить-ли ими интересъ? По моему убѣжденiю, тогда только евреи станутъ принимать искренно христіанскую вѣру, когда имъ будутъ предоставлены всѣ безъ исключенiя гражданскія права; этимъ они по необходимости должны будутъ примкнуть къ христіанской цивилизаціи, а затѣмъ, сами того не замѣчая, сбросятъ съ себя старую религiю. Практикой доказана та истина, что именно пригнетенiемъ языка, религiи и народнаго характера еще сильнѣе ихъ поддерживаютъ.

— Длинна подобная дорога, ваше величество!

— Но, зато вѣрная; хотя не спору, что предразсудки христіанъ станутъ большимъ препятствiемъ..... Какъ бы то ни было, я не отговариваю васъ отъ продолженiя вашихъ предпріятiй; напротивъ, ведите ихъ далѣе; они, ежели не помогутъ, то, по крайней мѣрѣ, не повредятъ... до тѣхъ поръ, конечно пока не возродятся религіозные споры, которые я ненавижу.

Франкъ молча поклонился.

— Вѣроятно вы обладаете большимъ состоянiемъ господинъ баронъ,—сказалъ императоръ послѣ минутнаго молчанiя;—вы ведете открытую жизнь, не такую, какую вели древніе апостолы. Есть у васъ имѣнiя?

— Недвижимыхъ имѣнiй у меня нѣтъ, Ваше Величество, но имѣю значительные капиталы.

— Еще болѣе уважалъ бы васъ,—сказалъ императоръ,—если бы вы часть вашего состоянiя жертвовали на воспитаніе молодыхъ евреевъ; этимъ вы приспособляли бы молодое поколѣнiе къ дальнѣйшему развитiю.

— Моего состоянiя достааетъ и для этой цѣли,—сказалъ обиженный Франкъ. Моя значительная по числу

свита есть не что иное, какъ институтъ для воспитанія бѣдныхъ неофитовъ.

— Ну, это другое дѣло,—сказаль, растягивая слова, императоръ.—Будьте здоровы, господинъ баронъ, желаю вамъ полнаго успѣха!

Оппенгеймеръ былъ правъ, думаль Франкъ, возвращаясь домой: на этого нечего рассчитывать....

Франкъ завелъ въ Вѣнѣ такой же порядокъ, какой былъ установленъ имъ въ Варшавѣ. Ежедневно раннимъ утромъ, сопровождаемый своимъ камергеромъ (Ясинскимъ) и двумя лакеями, одинъ изъ которыхъ несъ жестяную садовую лейку съ водою, онъ отправлялся въ садъ Augarten, гдѣ колѣнопреклоненно молился на небольшой горкѣ. Сопровождавшіе его стояли почтительно поодаль, а подъ конецъ одинъ изъ лакеевъ поливаль водою мѣсто, на которомъ молился патріархъ ¹⁾.

Каждое воскресеніе онъ во время мессы лежалъ ничкомъ передъ главнымъ алтаремъ костела Св. Стефана, а при дверяхъ ожидала его нарядно одѣтая свита. Въ будни, при хорошей погодѣ, онъ направлялся въ удобное экипажѣ въ окрестности Вѣны, причемъ его сопровождали два конныхъ лакея. Каждую пятницу вечеромъ онъ принималъ особъ высшаго положенія въ свѣтѣ въ блестяще освѣщенныхъ комнатахъ; а ночью, одѣтый въ ризы первосвященника, со всѣми своими домашними справлялъ шабашъ. Въ остальное время онъ велъ обширную корреспонденцію и въ свою очередь получаль письма изъ Варшавы, Бреславля, Праги, Брюна и Львова.

Отъ времени до времени присылались ему по почтѣ деньги, въ боченкахъ, отъ десяти до тридцати тысячъ талеровъ или векселя на извѣстныя банкирскія конторы. Во дворцѣ у него былъ полнѣйшій порядокъ и каждый слуга машинально исполняль свои обязанности, ни съ кѣмъ не сообщаясь и никуда не показываясь.

¹⁾ Meyer (Blätter für höhere Wahrheit) старался объяснить эту оригинальную церемонію одною цитатою изъ Библии, но сомнѣвается, правильно ли онъ ее поняль.

Съ цѣлью распространенія своего ученія, Франкъ высылалъ въ Венгрію двухъ раввиновъ изъ Праги, не принявшихъ еще крещенія, но уже отрехшихся отъ іудейства. Они назывались Конъ и Эльканъ (Kohn, Elkan) и оба предназначались къ изложенію ученія Франка въ венгерскихъ синагогахъ, а затѣмъ для привлеченія евреевъ къ принятію христіанства, показавъ имъ предварительно собою примѣръ. Самъ Франкъ для вѣщаго успѣха намѣревался отправиться въ Венгрію.

На Вѣну, гдѣ евреевъ было немного больше тысячи, и вообще на наслѣдственные Австрійскія земли онъ мало рассчитывалъ, тѣмъ болѣе, что тамошніе онѣмеченные евреи не особенно были падки на принятіе его ученія.

Директоръ полиціи столичнаго города Вѣны, благородный фонъ-Траутветтеръ, врагъ Франка со времени перваго свиданія, не спускалъ его съ глазъ и хотя, благодаря строгому порядку, не могъ проникнуть во дворецъ и добиться чего нибудь отъ слугъ, тѣмъ не менѣе учредилъ надъ Франкомъ строгій внѣшній надзоръ. Никто не могъ показаться изъ дома или войти въ него, чтобы объ этомъ не былъ увѣдомленъ черезъ агента директоръ полиціи. Этотъ послѣдній все ему сообщенное объяснял съ дурной стороны, такъ что даже невинныхъ сиротъ Лиду и Сусанну, взятыхъ Франкомъ подъ свою опеку, онъ подозрѣвалъ въ болѣе близкихъ связяхъ съ ихъ опекуномъ единственно вслѣдствіе донесенія агента, видѣвшаго ихъ съ Франкомъ возлѣ окна спальни комнаты ¹⁾.

Въ дѣйствительности Траутветтеръ не могъ открыть въ поступкахъ Франка чего либо противнаго правительству, религіи или нравственности. Поэтому-то онъ, съ цѣлью повредить Франку, въ составляемыхъ рапортахъ императрицѣ, какъ бы нехотя бросалъ подозрѣнія на Франка въ примѣчаніяхъ: «о двухъ молодыхъ воспитанницахъ

¹⁾ Всѣмъ извѣстна ненависть къ женской безнравственности Маріи Терезіи, объявившей открытую войну проституціи и прелюбодѣянію.

видѣнныхъ въ спальной комнатѣ; объ огромныхъ расходахъ Франка; о постоянномъ полученіи имъ изъ-за границы значительныхъ суммъ; о тайнѣ его сношеній; причемъ намекалось на то, что Франкъ могъ быть и тайнымъ агентомъ извѣстнаго государства.

Не смотря на это и на то, что даже императоръ обращалъ вниманіе своей матери на вѣроятную небезосновательность этихъ донесеній,—Марія Терезія почти съ гнѣвомъ отвѣчала, что хорошо знаетъ Франка и всегда останется его покровительницей.

Но вотъ, 28 Ноября 1780 года Марія Терезія перенеслась въ вѣчность, и смерть ея лишила Франка единственнаго защитника въ Вѣнѣ. Едва прахъ этой добродѣтельной государыни былъ погребенъ, съ подобающею ей почестью, въ усыпальницѣ императорскаго дома, въ катакомбахъ костела отцевъ капуциновъ въ Вѣнѣ, какъ однажды въ кабинетъ Франка вошелъ съ нахальнымъ видомъ и почти безъ доклада Траутветтеръ.

— Господинъ баронъ,—сказалъ онъ, громко покашливая,—по повелѣнію императора и короля вы обязаны покинуть Вѣну въ 24 часа!

— Почему такъ?—спросилъ хладнокровно Франкъ.

— Не знаю, halter ¹⁾!—отвѣчалъ насмѣшливо Траутветтеръ, пожимая плечами.

— Развѣ и въ цѣлой Австріи запрещено мнѣ пребываніе?—спросилъ снова Франкъ.

— Нисколько. Приказаніе относится лишь къ Вѣнѣ и къ ея окрестностямъ на разстояніи одной мили; въ остальныхъ мѣстахъ можете проживать свободно и выдавать столько денегъ, сколько вамъ будетъ угодно.

— Хорошо,—отвѣтилъ Франкъ,—исполню это приказаніе. Прощайте господинъ директоръ.

Еще до истеченія 24-хъ часовъ Франкъ со всѣми домашними тронулся изъ Вѣны въ столицу Моравіи.

¹⁾ Halter—выраженіе безъ значенія,—употребительное въ Австріи въ живомъ разговорѣ.

Брюнь, по славянски Брно, былъ однимъ изъ значительныхъ фабричныхъ и торговыхъ городовъ. Оживленію этого города способствовали не мало гарнизонъ цитадели Шпильбергъ и резиденціи губернатора и епископа Моравіи. Франкъ выбралъ этотъ городъ какъ близкій къ польской, чешской и галиційской границамъ и въ которомъ проживало много евреевъ. Неофиты этого города славились не столько численностью, сколько богатствомъ, а старѣйшина ихъ гмины, Яковъ Герцъ, богатый фабрикантъ миндальнаго масла, принялъ патріарха съ распростертыми объятіями. Франкъ нанялъ прекрасный домъ съ флигелями и садомъ въ предмѣстьи города, на берегу рѣчки Сварца, и повелъ въ немъ тотъ же образъ жизни, что и въ Вѣнѣ.

Первымъ его дѣломъ было познакомиться съ епископомъ, губернаторомъ и высшими особами въ городѣ, при чемъ, разъ навсегда пригласилъ ихъ на вечера по пятницамъ, а изрѣдка угощалъ ихъ хорошими обѣдами. Его умѣнье и ловкость обхожденія, снискали ему почти всеобщее уваженіе.

Огорчило въ это время Франка полученное имъ извѣстіе отъ раввиновъ, посланныхъ миссіонерами въ Венгрію. Люди эти своими несоотвѣтственными и неполитичными поступками не только не снискали прозелитовъ, но возбудили между евреями споры, ссоры и даже драки; а когда для нанесенія рѣшительнаго удара, сами приняли публично св. крещеніе, то, при выходѣ изъ церкви, подверглись нападенію евреевъ, были избиты и едва остались въ живыхъ. Событіе это убѣдило Франка, что подъ скипетромъ Іосифа II апостольство не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ, а потому, онъ не только отбросилъ временно мысль реформированія венгерскихъ евреевъ, но даже постановилъ прекратить пропаганду и принимать въ секту исключительно лицъ, добровольно изъявляющихъ желаніе поступить въ нее.

Тѣмъ временемъ много молодежи изъ неофитовъ понаѣхало къ нему изъ Польши, Чехіи, Моравіи. Эти люди

уже съ дѣтства слышали такъ много чудеснаго о Франкѣ, что единственною ихъ мечтою было—оказать ему свое уваженіе. Путешествіе въ Вѣну ихъ пугало; но лишь только онъ переѣхалъ въ Брюнъ, какъ до ста молодыхъ, изъ богатыхъ семействъ неофитовъ поселилось въ этомъ городѣ, чтобы имѣть честь ежедневно видѣть патріарха. Пріѣхало туда и нѣсколько бѣдняковъ, которыхъ Франкъ, по слабости и изъ тщеславія, принялъ на свое иждивеніе; а лишь только разнеслась объ этомъ молва, какъ прибыла сотня новыхъ бѣдняковъ, чтобы воспользоваться подобнымъ же благодѣяніемъ.

Чтобы дать занятіе такому большому числу молодежи. Франкъ по возможности дробилъ «придворныя» должності и для исполненія малѣйшей работы назначалъ особаго «чиновника». Изъ самыхъ сильныхъ онъ сформировалъ свою личную «гвардію» пѣшую и конную, причемъ пѣхота содержала караулъ передъ его домомъ, а конница конвоировала его во время загородныхъ прогулокъ. Одѣты и вооружены они были на подобіе польскихъ «Товарищей»—зеленые мундиры съ красными отворотами, палаши и копья. На значкахъ были вышиты изображенія орловъ, львовъ, оленей, солнць и мѣсяцевъ—геральдическіе символы евреевъ съ отдаленнѣйшихъ временъ.

Когда Франкъ появился въ первый разъ въ сопровожденіи своей милиціи, то губернаторъ запросилъ его официально, что значитъ подобное вооруженіе. Франкъ отвѣчалъ, что всѣ эти люди его служители и, насколько ему извѣстно, въ странахъ нѣмецкаго императора нѣтъ закона ограничивающаго число слугъ или предписывающаго имъ извѣстный костюмъ. Губернаторъ однако донесъ объ этомъ въ Вѣну, но получилъ такой отвѣтъ: пока Франкъ ведетъ себя спокойно и на него не падаетъ подозрѣніе въ проведеніи опасныхъ замысловъ,—то предоставитъ ему тратить деньги на что ему будетъ угодно.

Еще до сего времени старые люди въ Брюнѣ помнятъ, какъ ежедневно по утрамъ Франкъ садился въ экипажъ съ своимъ камергеромъ и, сопровождаемый де-

сатью уланами, отправлялся молиться въ поле, въ разстояніи четверти мили отъ города. За экипажемъ ѣхалъ верхомъ человекъ въ фантаслическомъ костюмѣ, обвѣшанный маленькими колокольчиками, имѣя за плечами въ кожаномъ чехлѣ садовую лейку съ водою, для поливанія мѣста молитвы патріарха. Старые люди помнятъ также, какъ по утрамъ, въ воскресные дни, Франкъ, одѣтый въ темно-зеленую со шнурами «*чамарку*», въ красной турецкой фескѣ, сопровождаемый значительными неофитами, молился въ соборѣ, лежа ничкомъ (крестомъ), передъ главнымъ алтаремъ. Говорятъ также, что Франкъ часто высылалъ въ Краковъ отрядъ конницы, для конвоировація повозки съ деньгами, которую предводитель отряда получалъ неизвѣстно отъ кого.

При всемъ этомъ, въ Брюнѣ стекалось множество богатыхъ и бѣдныхъ паломниковъ, со всѣхъ славянскихъ странъ населенныхъ неофитами, которые, подобно мусульманамъ, идущимъ въ Мекку, стремились узрѣть своего пророка и, затѣмъ, какъ бы помолодѣвъ, возвращались домой. Пріѣзжали туда и Лабенцкій, Ланцкоронскій, Воловскій и Оппенгеймеръ и всякій разъ гостили у Франка по двѣ недѣли.

Ежегодно лѣтомъ Франкъ отправлялся къ чешскимъ или силезскимъ минеральнымъ водамъ и на это время бралъ съ собою только двухъ камергеровъ и нѣсколько лакеевъ. На водахъ онъ велъ скромную жизнь и избѣгалъ всякаго общества. Тамъ же, на водахъ, онъ всегда сѣзжался съ своимъ сыномъ Иосифомъ и дочерью Евою; младшій же сынъ его Рохъ, офицеръ русской гвардіи, постоянно проживалъ въ Петербургѣ и или не могъ, или не желалъ брать отпуска.

Въ такой однообразной жизни прошло нѣсколько лѣтъ. Но въ 1788 году увеличивающееся число паломниковъ и распускаемые ими, съ фанатизмомъ прежнихъ вѣковъ, слухи о «примѣтахъ» Франка—возбудили между молодыми израильтянами города Брюна общее почти эпидемическое стремленіе къ воспринятію его ученія.

Католическое духовенство города положительно не имѣло времени ни готовить къ принятію, ни совершать таинства крещенія такой массы желающихъ. Обожаніе патріарха росло съ каждымъ днемъ: на улицахъ сектанты падали передъ нимъ на колѣни, вымаливая благословенія. Правовѣрные, спокойные до того моравскіе раввины не могли долѣе равнодушно смотрѣть на такую поистинѣ, религіозную революцію; поэтому, общимъ совѣтомъ, они отправили весною того же года одного изъ своихъ въ Вѣну съ жалобою къ императору, въ которой отъ имени всѣхъ евреевъ Моравіи обвиняли Франка, что онъ создаетъ новую секту—не израильскую и не христіанскую, что ученіе имъ распространяемое противно общимъ тѣмъ религіямъ и что онъ, Франкъ, творитъ раздвоенія въ семьяхъ между родителями и дѣтьми. Вслѣдствіе сего они просили императора: запретить барону Франку распространять свое ученіе.

Франкъ заранѣе узналъ о готовившейся на него жалобѣ и опасаясь непріятныхъ для себя послѣдствій, а болѣе всего запрещенія проживать въ такомъ удобномъ для него пунктѣ, какимъ былъ Брюнь, рѣшился отправиться въ Вѣну, полагая, что запрещеніе пребывать въ этомъ городѣ относилось только къ постоянному въ немъ жительству и что, наконецъ, прошлое было предано забвенію.

Выѣхалъ онъ въ Вѣну безъ гвардіи, но съ многочисленною прислугою и въ сопровожденіи двухъ камергеровъ съ такою же какъ и прежде пышностію. Въ Вѣнѣ онъ остановился въ первомъ отелѣ «Подъ золотымъ волкомъ,» у воротъ Леопольда. Прислуга изъ гостинницы высыпала на встрѣчу съ поклонами, въ ожиданіи приказаній большого барина, свита котораго привлекла на себя общее вниманіе. Одинъ изъ камергеровъ приказалъ отвести немедленно четыре комнаты съ большимъ заломъ, и когда Франкъ отправился въ свои апартаменты, то прислуга, помогавшая лакеямъ Франка вносить вещи, узнала отъ нихъ фамилію ихъ господина.

— Что это за госпада приѣхали?—спросилъ у одного изъ проходившихъ лакеевъ молодой еще человѣкъ, скромно одѣтый, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ, занимавшій комнату, вмѣстѣ со своимъ лакеемъ, рядомъ съ апартаментами Франка.

— Баронъ Франкъ со свитою изъ Брюна, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ лакей;—прежде онъ жилъ въ Вѣнѣ, и такъ богатъ, что не знаетъ что дѣлать съ деньгами.

— Любитъ баронъ играть въ карты?—спросилъ опять князь.

— Очень сомнѣваюсь и даже цолагаю, что съ нимъ будетъ трудно познакомиться; говорятъ, онъ ведетъ уединенную жизнь.

Князь на это поморщился и отошелъ. Это былъ молодой наслѣдникъ престола, князь Карлъ изенбургскій, ¹⁾ котораго отецъ—Вольфгангъ Эрнестъ II, владѣтель княжества Изенбургъ-Вирштейнъ,—выслалъ съ гувернеромъ путешествовать по Италиі, Швейцаріи и Франціи. Но вскорѣ гувернеръ покинулъ его, не желая болѣе принимать на себя отвѣтственность за распутную жизнь молодого князя, предавшагося картежной игрѣ и необузданному разврату, Молодой человѣкъ, брошенный судьбою въ Вѣну, ожидалъ тамъ отъ отца денегъ, послѣ окончательнаго проигрыша всего, что имѣлъ и полной потери кредита.

Неожиданный случай свелъ его, въ тотъ же самый вечеръ, съ Франкомъ, который послалъ своего камергера просить незнакомаго сосѣда уступить ему комнату въ случаѣ, ежели онъ найдетъ въ гостинницѣ другую, одинаково ему удобную. Князь самъ отправился къ барону съ изъявленіемъ готовности оказать ему такую ничтожную услугу. Узнавъ титулъ пришедшаго, Франкъ разсыпался передъ нимъ въ извиненіяхъ и комплиментахъ и просилъ оказать ему честь—остаться у него на цѣлый вечеръ.

¹⁾ Тотъ самый, который впоследствии служилъ генераломъ во Французской арміи, а въ 1807 г. сформировалъ въ Германіи первый нѣмецкій полкъ для Наполеона.

Князь принялъ это предложеніе, и Франкъ узналъ отъ него, что императоръ Іосифъ II-й со времени возвращенія изъ Крыма и объявленія войны Турціи, находится въ дурномъ настроеніи духа.

На другой день утромъ, по окончаніи своего блестящаго туалета, Франкъ собирался ѣхать къ графу Кауницу для испрошенія черезъ него частной аудіенціи у императора и уже прибиралъ въ умѣ лестныя выраженія, которыми бы онъ могъ снискать расположеніе прежняго своего покровителя, какъ вдругъ, безъ доклада вошелъ ненавистный Траутветтеръ и сказалъ, покашливая по привычкѣ:

— Господинъ баронъ! Какъ вы осмѣлились, halter, вопреки императорскому приказанію, пріѣхать въ Вѣну?

— Еще сегодня графъ Кауницъ выяснитъ это обстоятельство господину директору, — отвѣчалъ гордо Франкъ.

— Графъ Кауницъ? Ха, ха! ха. Я пришелъ сюда по повелѣнію его величества императора и короля объявить вамъ, чтобы вы въ теченіи 12-ти часовъ покинули Вѣну, а въ теченіи 3 недѣль переѣхали черезъ границу государства. До выѣзда же изъ Вѣны вы не должны шага сдѣлать изъ гостинницы.

— Даа? — протянулъ Франкъ. — Имѣете вы письменное приказаніе?

— Имѣю, halter! и Траутветтеръ вынулъ изъ кармана кабинетный приказъ императора.

— Очень хорошо, — возразилъ Франкъ; — свѣтъ довольно обширенъ, и я найду такіе края и страны, гдѣ не будетъ австрійской полиціи.

Траутветтеръ удалился съ торжествующимъ видомъ, оставивъ въ гостинницѣ полицейскаго для наблюденія за точнымъ исполненіемъ приказанія.

Вѣсть о постигшей Франка непріятности быстро разнеслась по гостинницѣ «Подъ золотымъ воломъ». Князь изенбургскій немедленно посѣтилъ Франка, выражая свое сожалѣніе о случившемся, лишившемъ его возможности пользоваться пріятными бесѣдами и спросилъ о при-

чинѣ немилости. Франкъ свалилъ все на политическія интриги, на зависть къ его богатству и наконецъ таинственно далъ понять, что его считаютъ сторонникомъ извѣстной сѣверной державы.

— Куда же вы думаете направиться, господинъ баронъ?—спросилъ князь.

— Я и самъ еще не знаю; хотѣлось бы мнѣ поселиться въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ Германіи.

— Ежели вы согласитесь,—продолжалъ князь,—то я могу отдать вамъ въ наемъ на три года дворецъ мой въ Оффенбахѣ, близъ Франкфурта на Майнѣ; тамъ вы найдете удобное помѣщеніе для себя и для всѣхъ вашихъ слугъ.

Затѣмъ, князь описалъ весь дворецъ и запросилъ за три года, съ уплатою впередъ, 30 тысячъ гульденовъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю жертву отъ вашей свѣтлости,—отвѣчалъ Франкъ.—Сейчасъ велимъ позвать нотаріуса; надо только, чтобы при контрактѣ, ваша свѣтлость представили доказательство, что дѣйствительно состоите наслѣдникомъ изенбургскаго престола.

— Ничего нѣтъ легче,—отвѣчалъ князь.

Былъ позванъ нотаріусъ и написалъ контрактъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей. Молодой князь вручилъ Франку приказаніе къ своему управляющему дворцемъ въ Оффенбахѣ, послѣ чего Франкъ медленно выѣхалъ въ Брюнъ.

По приѣздѣ въ Брюнъ отдано было приказаніе приготовляться въ дорогу. Франкъ назначилъ себѣ маршрутъ на Прагу, Эгеръ и Швейнфуртъ; а дворъ свой направилъ въ Оффенбахъ по частямъ и различными дорогами. Войску велѣлъ собраться на границѣ княжества Изенбургъ-Бирштейнъ, въ мѣстности называемой «Гмундъ» и тамъ ожидать его прибытія. Въ Брюнѣ и въ Прагѣ Франкъ собиралъ неофитовъ и торжественно съ ними прощался. Наконецъ, сопровождаемый двумя камергерами и двумя дѣвушками, Лидой и Сусанной, ѣхавшими въ особомъ экипажѣ, онъ переѣхалъ австрійскую границу.

ГЛАВА IX.

Княжна Ева.

СОДЕРЖАНІЕ: Дочь Франка Ева поразительной красоты. Интрига съ королемъ. Связь съ Браницкимъ. Братъ ея Иосифъ. Ева въ садахъ князя примаса. Ева съ братомъ отправляются за границу. Возвращеніе въ Варшаву. Иосифъ съ братомъ своимъ Рохомъ уѣзжаютъ въ Петербургъ, а Ева—въ Парижъ. Въ 1788 году возвращается въ Варшаву.

Со времени выѣзда Франка изъ Польши, въ этой вулканической странѣ еще не было новаго изверженія. Преданный королю постоянный Совѣтъ управлять краемъ и хотя былъ избранъ изъ шляхты, однако подъ вліяніемъ русскаго резидента въ Варшавѣ поддерживалъ кажущееся спокойствіе. Политическое значеніе слабаго Понятовскаго прекратилось окончательно. Его проекты коалицій и выработанный, по его приказанію, Замойскимъ либеральный кодексъ законовъ ¹⁾ не были приняты сеймомъ и, такимъ образомъ, онъ, въ качествѣ правителя, былъ обреченъ на бездѣйствіе, а какъ монархъ—испытывалъ довольно часто оскорбленія Величества. При такихъ обстоятельствахъ холостой король проводилъ время, какъ проводятъ его богатые частные люди; а такъ какъ отсутствіе серьезныхъ занятій обыкновенно служитъ источникомъ различныхъ пороковъ, то онъ предался прежней своей страсти къ прекрасному полу, въ чемъ нашелъ полнѣйшую поддержку и подражаніе въ окружающихъ его магнатахъ и даже въ духовномъ братѣ своемъ, князѣ Михаилѣ примасѣ государства. Въ этомъ отношеніи польскій дворъ между иными европейскими дворами представлялъ собою образчикъ самаго распущеннаго холостого хозяйства.

Въ то время Варшава была сборищемъ самыхъ красивыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ пустыхъ женщинъ,

¹⁾ Шляхта ихъ не приняла, вслѣдствіе того, что ей не были признаны исключительныя привилегіи.

въ каковыхъ и по-нынѣ не чувствуется въ Польшѣ недостатка. Всѣхъ ихъ превосходила красою Ева Франкъ ¹⁾). Красота ея была чисто-античная: высокаго роста, безукоризненнаго сложенія и правильныхъ очертаній лица; къ этому надо прибавить большіе черные глаза, великолѣпные волосы и два ряда прелестнѣйшихъ зубовъ. Она свободно говорила на четырехъ европейскихъ языкахъ, играла хорошо на клавикордахъ, пѣла итальянскія арии, была остроумна и знала современную беллетристическую литературу; она настолько обладала эстетическимъ вкусомъ, что, вопреки господствующей модѣ, не пудрила лица, а въ цвѣтахъ и въ покроѣ своей одежды предпочитала греческій вкусъ. По характеру Ева была пустою, ищущею увеселеній, гордою и легкомысленною дѣвушкой.

Богатый пивоваръ и вице-патріархъ Антонъ Лабенцкій, при которомъ тогда проживала Ева, владѣлъ также другимъ большимъ домомъ на Вольскомъ предмѣстьѣ (при Желѣзной улицѣ) и въ немъ отвелъ дочери своего господина и учителя восемь прелестно мебелированныхъ комнатъ, съ прислугою и экипажемъ. Выбранныя ея отцемъ фрейлены (Зелинская, Воловская и Матушевская) были красивыя и хорошо воспитанныя дѣвушки, но въ присутствіи Евы оставались въ тѣни. Госпожа Лабенцкая, — старая жирная еврейка, съ совинымъ выраженіемъ лица, строгой однако нравственности, — по причинѣ большихъ занятій по хозяйству, могла только поверхностно наблюдать за вѣренными ея надзору дѣвицами, тѣмъ болѣе еще, что самъ Лабенцкій былъ ихъ покорнымъ слугою, намѣреваясь женить на богатой наслѣдницѣ Франка сво-

¹⁾ Совершенно неосновательно мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, за которыми повторилъ и Г. Скимборовичъ, — будто Ева Франкъ была замужемъ за Мартиномъ-Георгіемъ княземъ Любомірскимъ. Генеалогія рода Любомірскихъ не только ничего не вспоминаетъ о подобномъ бракѣ, но показываетъ, что Мартинъ Любомірскій, послѣ смерти своей первой жены, — дочери австрійскаго фельдмаршала Гаддика, — женился вторично на Стемпковской, — дочери Кіевскаго воеводы, — съ которою и жилъ до самой своей смерти.

его единственнаго сына Симона, парня ростомъ въ шесть футовъ. Но Ева не давала ни малѣйшей надежды ни гиганту Симону, ни хлыщеватому съ орлинымъ носомъ сыну Иегуды Воловскаго, Ёомѣ, ни другимъ молодымъ людямъ изъ неофитовъ, ухаживавшимъ за нею. Въ описываемую эпоху, молодежь изъ богатаго класса файнеберовъ еще никакого значенія не имѣла у польской аристократіи, слишкомъ гордой, чтобы съ ними знаться; также точно, хотя и по другимъ причинамъ, молодежь эта не водила знакомства и съ коронными чиновниками, немногочисленными и получавшими весьма скудное содержаніе; поэтому, молодые фейнеберы общались только между собою, а показываясь публично, подражали шляхтѣ въ одеждѣ и экипажахъ. Пустая и гордая Ева стремилась больше въ салоны большаго варшавскаго свѣта, чѣмъ въ кварталы своихъ неофитовъ.

До того времени дочь Франка не показывалась публично, и когда на ея усиленные просьбы отецъ рѣшался взять ее въ театръ, то она, въ скромномъ туалетѣ, должна была прятаться въ глубинѣ ложи. Теперь же, на 18 году своей жизни, въ карнавалъ 1778 года, она вдругъ стала госпожею своей воли въ окончательно деморализованной столицѣ. И вотъ, однажды она показалась со своими дамами въ ложѣ 1-го яруса, одѣтая оригинально-изящно, сіяя множествомъ брилліантовъ. Всѣ лорнеты были направлены въ ея сторону, и каждый желалъ узнать фамилію и общественное положеніе необыкновенной красавицы, но никто ея не зналъ, пока, наконецъ, нашелся кто-то, который удовлетворилъ общее любопытство и съ того времени имя Евы Франкъ было на языкѣ цѣлой Варшавы.

— Ваше величество изволили уже видѣть чудесной красоты еврейку, о которой говорить вся столица? — спросилъ на другой день короля молодой и красивый гетманъ коронный Браницкій ¹⁾, на вечерѣ у только

¹⁾ Тотъ самый, что имѣлъ поздинокъ съ не менѣе славнымъ волокнитой Казанова.

что прибывшаго въ Варшаву князя Адама Чарторыйскаго.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ равнодушно король.

— Дѣйствительно чудо красоты,—замѣтилъ князь Казиміръ Понятовскій, другой братъ короля ¹⁾.—Вчера я видѣлъ ее въ театрѣ. Говорятъ, что она крещеная и очень богата.

— Она дочь извѣстнаго неофита Франка,—сказалъ князь Михаилъ, примасъ государства,—а потому христіанка. Великая правда, que c'est une veauté piquante!

— Принимаетъ она подарки?—спросилъ король.

— Объ этомъ никто не знаетъ,—отвѣчалъ Браницкій; живетъ она съ неофитами на Вольскомъ предмѣстьи и считается неприступною.

О, любезный!—воскликнулъ, обращаясь къ Браницкому, знаменитый богачъ и мотъ князь Радзивиллъ.—Я прежде познакомлюсь съ ней, чѣмъ вы.

Въ этотъ моментъ вошелъ въ залъ русскій резидентъ князь Рѣпнинъ; поклонившись слегка королю, онъ привѣтствовалъ его довольно фамиллярно словами: «Bon soir, moi Roi!

Браницкій тотчасъ же сталъ у него допытываться, видѣлъ ли онъ прекрасную Еву.

— Не только видѣлъ,—отвѣчалъ Рѣпнинъ,—но даже познакомился съ нею. Сегодня я напросился на обѣдъ къ пивовару Лабенцкому, у котораго она живетъ и, признаюсь, я не встрѣчалъ въ моей жизни болѣе прелестной женщины.

И Рѣпнинъ, съ точностью дипломата, сталъ описывать физическія и другія качества Евы.

— Послушай, Рысь,—обратился король къ своему камердинеру—нѣмцу Риксу, въ то время когда тотъ раздѣвалъ его по полуночи,—не знаешь ли ты прекрасной Евы Франкъ?

— Съ виду только, Государь,—отвѣчалъ Риксъ.—Домъ ея опекуна Лабенцкаго находится недалеко отъ моего

¹⁾ Отецъ французскаго маршала князя Юсіфа Понятовскаго, женатый на графинѣ Тышвевичъ.

дома при желѣзной улицѣ; она очень богата и при томъ горда.

— Не съ умѣешь ли ты познакомить меня съ нею?— продолжалъ король.

— Гм!—промычалъ Риксъ, подумавъ. Это можно было бы устроить, только не ручаюсь за успѣхъ.... Моя сестра навѣщаетъ иногда жену Лабенцкаго и можетъ попросить ее вмѣстѣ съ молодою дѣвицею къ себѣ въ гости; а тогда, ваше величество благоволите зайти ко мнѣ, будто ненарокомъ....

— Хорошо,—сказалъ король,—жду отъ тебя извѣстій.

Владѣніе Рикса, при Желѣзной улицѣ,—даръ короля,—состояло изъ небольшого, но прилично устроеннаго дома ¹⁾, обсаженнаго кругомъ большими каштанами и липами и обнесеннаго заборомъ, что представляло родъ сада. Во флигелѣ находилось нѣсколько покоевъ, устроенныхъ парадно и предназначенныхъ для тайныхъ королевскихъ аудіенцій.

Въ это утро Риксъ отрапортовалъ своему монарху:

— Сегодня вечеромъ будетъ у меня въ гостяхъ прекрасная Ева.

— О, ты всемогущъ!—воскликнулъ обрадованный король. Жди моего прибытія возлѣ малой садовой калитки.

На вечерѣ у достойной сестры Рикса находились: старая надзирательница Лабенцкая, госпожа Іегуда-Воловская, Ева Франкъ и три ея компаніонки.

— А пророс!—сказала сестра Рикса около восьми часовъ вечера, обращаясь къ Евѣ.—Вашъ прекрасный вкусъ извѣстенъ всѣмъ, а потому не откажите перейти въ мой будуаръ и оцѣнить имѣющуюся у меня вышивку.

¹⁾ Домъ этотъ существуетъ и по-нынѣ, но далеко не въ томъ видѣ въ какомъ былъ прежде. Онъ расположенъ при Желѣзной улицѣ и (въ Варшавѣ) извѣстенъ подъ именемъ дома Рикса.

Риксъ былъ также старостой Пясечинскимъ (отъ имѣнія Пясечно, поступившаго, по всѣй вѣроятности, въ маіоратное владѣніе въ послѣднее время).

Ева встала и съ хозяйкой дома прошла рядъ комнатъ и когда вступила въ небольшой залъ, то передъ ними появился король съ Риксомъ.

Станиславъ-Августъ наговорилъ дамамъ множество комплиментовъ, а затѣмъ все свое вниманіе обратилъ на Еву, произведшую на него сильное впечатлѣніе. Риксъ и его сестра куда то исчезли, и разговоръ между королемъ и Евою становился все болѣе чувствительнымъ, пока, наконецъ, монархъ не очутился у ногъ красавицы и не вымолилъ у нея rendez-vous въ домъ Рикса.

Ева возвратилась къ гостямъ съ пылающимъ лицомъ, но никому и въ голову не пришло, что недалеко отъ нихъ только что былъ король.

Послѣ двухъ парламентарныхъ rendez-vous влюбленнаго Понятовскаго съ красивою неофиткой, получившей дозволеніе посѣщать самой сестру зажиточнаго камердинера, за третьимъ разомъ король былъ ошастливленъ — и геній невинности потушилъ свой факель.....

Теперь Ева получила приглашеніе отъ госпожи Краковской, сестры короля, дамы свободно-мыслившей, знавшей о всѣхъ любовныхъ интригахъ своего брата, игравшей первую роль въ польскомъ большемъ свѣтѣ и заступавшей мѣсто королевы. Черезъ нея Ева была введена въ аристократическое общество, которое признало полную справедливость ея свѣтскому такту.

Всѣ неофиты гордились своею «княжною» и каждый, кто только имѣлъ дѣло при дворѣ, искалъ у нея протекціи, а молодежь не смѣла и думать о ея рукѣ. Эта тайная связь Евы съ королемъ продолжалась года два и кромѣ трехъ лицъ, никто о ней не зналъ, пока наконецъ она была обнаружена шпиономъ госпожи Грбовской, главной любовницы монарха, имѣвшей на него большое вліяніе. Понятовскій долженъ былъ прервать свои связи съ

¹⁾ Современная польская газета напечатала извѣстіе о заключенномъ между королемъ и Грбовскою морганетическомъ бракѣ. У нихъ былъ сынъ.

Евою, что однако не отбило въ немъ вовсе охоты подвизаться на подобномъ поприщѣ и срывать цвѣты удовольствія съ роскошныхъ полей и луговъ..... Не смотря на прерванную связь, Ева продолжала держаться на завоеванной позиціи въ большемъ свѣтѣ, куда она ввела и брата своего Іосифа, вернувшася изъ Праги и ведшаго шумную жизнь въ Варшавѣ подъ именемъ барона Франка. Онъ отлично разыгрывалъ роль свѣтскаго хлыща съ молодыми польскими магнатами, проигрывая имъ свои червонцы въ фараона, а по ночамъ въ пятницы, одѣтый въ талесъ, усердно молился въ подвалѣ дома Лабенцкаго.

Тѣмъ временемъ вице-патріархъ Лабенцкій, идя по слѣдамъ своего учителя, управлялъ сектою дѣльно и энергически, чѣмъ снискалъ себѣ у польскихъ неофитовъ общее уваженіе. Система, имъ принятая, состояла въ томъ, чтобы войти въ самую тѣсную дружбу съ евреями (талмудистами), т. е. выказываться передъ ними вполнѣ евреями, и вмѣстѣ съ тѣмъ старательно подражать христіанамъ. Этимъ неофиты были защищены отъ нападокъ какъ съ одной, такъ и другой стороны, извлекая для себя въ тоже время выгоды изъ обѣихъ.

Съ выѣздомъ Франка прозелитизмъ ослабѣлъ, и только изрѣдка появлялся какой нибудь кандидатъ на сектанта. Лабенцкій не особенно этимъ огорчался, потому, во первыхъ, что секта стала уже многочисленною и богатою а во вторыхъ, къ ней присоединились фактически всѣ остальные христіанствующіе евреи, даже принявшіе протестантскую религію; такъ что въ случаѣ надобности можно было дѣйствовать съ ними совокупными силами.

Каждые три мѣсяца поступали аккуратно подати изъ гминь, а въ концѣ третьяго мѣсяца составлялся «финансовый совѣтъ» изъ Лабенцкаго, Воловскаго и Ланцкоронскаго для распредѣленія поступившихъ суммъ; при чемъ, извѣстная часть отсчитывалась на долю патріарха и, въ боченкахъ, подъ конвоемъ двухъ неофитовъ, отсылалась до границы.

Потерявъ своего царственнаго любовника, Ева, вкусившая сладости свѣтской жизни, не могла оставаться долго безъ связей подобнаго сорта. Еще прежде разрыва съ королемъ, она любовно посматривала на красиваго и богатаго гетмана Браницкаго, который, видя страсть къ ней короля и не желая его оскорбить, держался отъ Евы поодаль; узнавъ же объ окончательномъ разрывѣ, онъ началъ съ ней сближаться и вскорѣ приобрѣлъ ея благосклонность. Когда Ева выѣзжала на прогулку, въ шикарномъ фаязонтѣ, тогдашняго мастера Дангля, (получившаго отъ короля титулъ барона), то Браницкій сопровождалъ ее верхомъ; въ театрѣ Браницкій просиживалъ въ ея ложѣ, а на балахъ всѣ мазурки были предоставлены ему же. Ея компаніонки нашли также своихъ воздыхателей въ рядахъ аристократической молодежи, чѣмъ много оживили вечера по пятницамъ у Лабенцкаго. Но вскорѣ любовь Браницкаго остыла; послѣ него наступили другіе аспиранты, а затѣмъ не было при дворѣ Понятовскаго молодого и красиваго магната, который не могъ бы похвастаться ея фаворами. Надо отдать справедливость разборчивости, такту и видимой скромности, съ какими Ева вела свои любовныя интриги.

Лѣтомъ 1781 года Ева, въ сопровожденіи брата, отправилась въ Маріенбадъ, гдѣ провела съ отцемъ четыре недѣли. Отецъ сердечно порадовался свѣтскому воспитанію своихъ дѣтей; его огорчало только то, что они до сего времени не составили никакого проекта относительно брачныхъ союзовъ. Онъ указывалъ Іосифу молодыхъ неофитокъ, а Евѣ—неофитовъ и файнеберовъ, но оба рѣшили оставаться нѣкоторое время въ «свободномъ состояніи». Соскучившись въ Маріенбадѣ, молодые люди, попрощавшись съ отцемъ, отправились въ Карльсбадъ. Здѣсь молодой баронъ тотчасъ же сталъ душою игроковъ въ фараона а баронесса—солнцемъ праздныхъ хлыщей, которыхъ она отличала, смотря по расположенію духа и фантазіи. Одно имъ было здѣсь не на руку: старая нѣмецкая аристокра-

тія,—гордая на иномъ основаніи, чѣмъ польская,—попятилась отъ нихъ, лишь только молодые люди захотѣли съ нею сблизиться на равную ногу. Вѣна и Брюнъ были слишкомъ близки, чтобы оттуда не дошли слухи объ ихъ происхожденіи, существованіе же рода барона Франка было до того времени никому неизвѣстно. Поэтому молодые люди поспѣшили возвратиться въ болѣе либеральную Варшаву, гдѣ личность ихъ нѣсколько цѣнилась.

— Дорогой князь! —отозвался однажды Лабенцкій къ барону Іосифу, послѣ его возвращенія въ Варшаву,—достойный вашъ родитель приказываетъ вамъ жениться.

— На комъ? —спросилъ Іосифъ.

— На дѣвицѣ Саломеи, красивой дочери богатаго пивовара въ Сольцѣ, Боруха Завадскаго, за которой милліонъ польскихъ злотыхъ приданаго,—отвѣчалъ Лабенцкій.

— Долженъ я буду сдѣлаться пивоваромъ? —спросилъ баронъ.

Не непременно,—отвѣтилъ обидчиво Лабенцкій;—вамъ, какъ шляхтичу, можно купить здѣсь, въ Польшѣ имѣніе и продолжать вести жизнь въ свое удовольствіе, по магнатски.

— Да, но будутъ ли уважать мою жену польскія дамы?

— Развѣ онѣ не уважаютъ княжну, вашу сестру?

— Да, уважаютъ, но только до тѣхъ поръ пока мы сами съ ними якшаемся.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ, князь, надлежитъ сдѣлать шагъ, ежели вы желаете сдѣлаться нашимъ предводителемъ послѣ смерти вашего великаго отца; вамъ вѣдь извѣстенъ нашъ статутъ: «властвующій надъ нами богатъ только черезъ насъ». Это знаетъ вашъ достойный родитель, а потому и не собираетъ сокровищъ.

Баронъ задумался и молчалъ.

— Предоставьте мнѣ время на размышленіе,—сказалъ онъ, прощаясь съ Лабенцеимъ.

— Княжна,—сказала въ свою очередь старая Лабенц-

кая, оставшись глазъ—на—глазъ съ Евою,—во время вашего отсутствія у насъ въ домѣ появились три молодыя невѣсты.

— А именно?—спросила любопытно Ева.

— Ваши почетныя дамы,—отвѣчала Лабенцкая:—дѣвица Воловская выходитъ замужъ за сына моего Симона, дѣвица Зелинская—за молодого Оому Воловскаго, а на дѣвицѣ Матушевской женится молодой Ицекъ Езеранскій.

— Дѣйствительно это важныя новости,—замѣтила съ усмѣшкою Ева.

— Теперь предстоитъ вамъ, княжна, или выбрать новыхъ придворныхъ дамъ, или выйти самой замужъ.

— Что же дѣлать, когда у меня нѣтъ охоты принять ни того, ни другого предложенія. Мнѣ достаточно одной камерфрау, такъ какъ три такія составляютъ для меня обремененіе. Идти замужъ? Но скажите, за кого?

— Развѣ у насъ нѣтъ хорошо воспитанной и богатой молодежи?—удивилась Лабенцкая.—Сынъ торговца дровами купца Хаима Залевскаго, сынъ трактирщика Мошки Шимановскаго, сынъ пивовара Гершки Пютровскаго и многіе другіе милліонеры почитали бы за счастье получить вашу руку.

— Что вы выдумали!—воскликнула гнѣвно Ева.—Баронесса Франкъ стала бы женою трактирщика или пивовара?

— Деньги, княжна,—вотъ главное основаніе въ свѣтѣ,—отвѣтила старуха обиженнымъ тономъ.—Кто имѣетъ деньги, тотъ вездѣ будетъ равенъ шляхтѣ.... Если бы вамъ съ супругомъ не захотѣлось оставаться здѣсь, то вы свободны проживать за границею, гдѣ мужъ вашъ могъ бы выдавать себя за польскаго графа. Кромѣ того, да будетъ вамъ извѣстно, какъ считается у насъ супружество съ гоймомъ.

Ева задумалась.

— Поразмыслию объ этомъ,—сказала она въ концѣ, упавшимъ тономъ.

Однако, и Иосифъ, и Ева снова бросились въ омутъ грѣховнаго большого свѣта: онъ — въ качествѣ слуги Фортуны, а она — Цитеры.

Баронъ игралъ счастливо, посвятивъ всѣ свои способности на изученіи игры въ фараона. Нерѣдко на зарѣ возвращался онъ домой, обремененный тяжеловѣснымъ благороднымъ металломъ. Страсть эта не отягощала его бюджета и онъ, недовольствуясь квартирою въ домѣ Лабенцкаго, нанялъ другую поближе къ центру, завелъ для себя метрессу и фигурировалъ на балахъ въ качествѣ перваго франта.

Ева была теперь достаточно подготовлена для высшихъ тайнствъ богини своей — Цитеры, жрецомъ которой въ то время былъ не кто иной, какъ примасть государства князь Михаилъ Понятовскій, — разслабленный и рафинированный развратникъ. Прелатъ этотъ по образцу извѣстнаго *parc aux cerfs* Людовика устроилъ себѣ, для развлечения послѣ мозольныхъ костельныхъ трудовъ, на романическомъ берегу восточной части Варшавы богатый садъ, украшенный боскетами, гротами, павильонами, башнями, пагодами ¹⁾ и т. п. Подъ однимъ изъ павильоновъ находились большія подземныя комнаты, куда по временамъ князь приглашалъ поклонниковъ и поклонницъ упомянутой богини, которые, послѣ скромнаго и этикетнаго обѣда на поверхности земли, открывали въ подземельѣ пріятельскій балъ въ райскомъ костюмѣ, но замаскированные. Прекрасная Ева играла въ этихъ развлеченияхъ первую роль.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ братъ и сестра аккуратно каждое лѣто навѣщали своего отца на Силезскихъ водахъ и затѣмъ поспѣшно возвра-

¹⁾ Исторически вѣрно. Развалины существуютъ до сихъ поръ недалеко отъ берега Вислы, при княжеской улицѣ, получившей тогда свое названіе.

²⁾ Тамъ разыгрывались знаменитыя въ своемъ родѣ сценическія произведенія Венгерскаго. Нынѣ садъ этотъ принадлежитъ въ госпиталю св. Лазаря.

щались въ Варшаву. Оскорбляло, правда, варшавскихъ неофитовъ то, что дѣти ихъ патріарха пренебрегали ими, не желая входить въ матримоніальныя съ ними отношенія, но льстило имъ то, что дѣти Франка были приняты у самой высокой аристократіи и, наконецъ, удовлетворялись тѣмъ, что они совмѣстно со всѣми набожно справляли шабашъ. Просьбы Лабенцкаго у короля или у высокопоставленныхъ особъ, а именно о принятіи молодыхъ неофитовъ въ канцеляріи высшихъ властей, исполнялись скоро, благодаря стараніямъ Евы. Даже російскій резидентъ принялъ въ свою дипломатическую канцелярію нѣсколько способныхъ неофитовъ. Видно, что умный вице-патріархъ считалъ необходимымъ наполнить канцелярію своими агентами.

Лѣтомъ 1785 года Евѣ пришла охота предпринять заграничное путешествіе, причемъ она уговорила своего брата ей сопутствовать. Они рѣшили отправиться изъ Маріенбада въ Эмсъ, а оттуда въ Парижъ, Послѣ короткаго свиданія съ отцомъ они отправились на западъ и вскорѣ прибыли въ поэтическія долины Веттерау, гдѣ между горами и скалами протекаетъ по цвѣтущимъ лугамъ рѣка Ланъ и откуда берутъ начало знаменитые цѣлебные источники. Эмсъ рѣдко посѣщался Австріяцами, а еще рѣже Поляками, такъ что баронъ Франкъ съ сестрой были тамъ совершенно неизвѣстны. Ихъ манеры и внѣшняя обстановка носили на себѣ характеръ чего-то заграничнаго, даже мистическаго. Восточная красота Евы, незнакомый никому польскій языкъ, на которомъ говорили братъ съ сестрой и ихъ прислуга и который вовсе не гармонировалъ съ нѣмецкимъ титуломъ барона, наконецъ, разговоры пустой Евы, — все это дало поводъ къ распространенію молвы, будто Ева, путешествующая *incognito*, — сѣверная принцесса, а лишь только кто нибудь покушался проникнуть въ тайну, какъ Ева начинала смѣяться, не подтверждая и не отрицая молвы. Иосифъ не покидалъ зеленаго стола, а Ева постоянно прогуливалась въ сопровожденіи двухъ лакеевъ. Видно написано было въ

книгѣ ихъ живота, что оба они должны были здѣсь влюбиться въ первый разъ.

На первомъ балѣ молодой итальянскій адонись, называвшійся графомъ Мерлини, одержалъ полную побѣду надъ сердцемъ сѣверной принцессы. Въ самомъ ли дѣлѣ графъ былъ прельщенъ красотою Евы или только спекулировалъ на бракъ съ особою такого, какъ говорили, высокаго положенія, — это неизвѣстно; достовѣрно только то что Ева влюбилась въ графа и на другой день состоялось объясненіе при источникѣ, послѣ котораго они были неразлучны.

Иосифъ, съ своей стороны, познакомился при игрѣ съ молодою, подвижною вдовою съ небольшими усиками на губѣ, называвшеюся графинею Тронвилль. Она выдавала себя за богачку и умѣла превосходно и счастливо понтировать въ игрѣ.

— Я имѣю тебѣ кое что сообщить, — сказала однажды Ева, обращаясь къ брату.

— Что такое? — спросилъ Иосифъ.

— Выхожу замужъ за богатаго графа Мерлини и ѣду съ нимъ вскорѣ въ Италію въ его имѣніе, чтобы познакомиться съ его родными, а затѣмъ сыграть свадьбу.

— И я, — отозвался Иосифъ, — женюсь на богатой вдовѣ, графинѣ Тронвилль и поѣду съ нею съ такою же цѣлью во Францію.

— Превосходно! — воскликнула Ева. — И такъ, мы разлучимся на нѣкоторое время съ одинаковыми намѣреніями и въ полномъ согласіи. Какъ мы теперь раздѣлимъ наши средства?

— Я дамъ тебѣ пять тысячъ червонцевъ и экипажъ, такъ какъ ѣду въ экипажѣ моей невѣсты; лакеевъ нашихъ мы отошлемъ домой. Судя по богатству твоего жениха, полагаю, что для тебя ничего большаго не требуется, а послѣ свадьбы навѣрное отецъ дастъ тебѣ порядочное приданое.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ этого разговора, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, обѣ пары сѣли въ свои экипажи. Иосифъ

съ француженкой двинулся во Францію, а Ева съ итальянцемъ черезъ Швейцарію,—въ страну лимоновъ.

Ослѣпленная любовью «княжна» не обратила никакого вниманія на то, что все имущество графа состояло изъ маленькаго чемоданчика, который поставилъ въ ея экипажъ наемный лакей. Зато графъ рассказывалъ ей много о своихъ имѣніяхъ въ Луккѣ и о своихъ обширныхъ связяхъ. Съ своей стороны, Ева дала ему понять, что она больше того, чѣмъ кажется, и что только съ полученіемъ ожидаемыхъ депешъ станетъ извѣстнымъ, должна ли она будетъ подать ему правую или лѣвую руку передъ алтаремъ.

Прелести швейцарской природы мало интересовали занятую только собой влюбленную пару, направлявшуюся прямо въ Миланъ, по пріѣздѣ въ который поселившуюся въ удобной квартирѣ. Здѣсь графъ ожидалъ векселей и писемъ отъ родныхъ съ назначеніемъ дня свадьбы, въ ожиданіи которыхъ велъ страстно игру, сперва удачно, а потомъ сталъ постоянно проигрывать на счетъ кассы «княжны.» Ева начала постепенно скучать; и вотъ, въ одинъ прекрасный день она сдѣлала три печальныхъ открытія: первое,—что въ ея кассѣ осталось всего 1500 червонцевъ, второе,—что она находится въ интересномъ положеніи и третье,—что Мерлини не былъ графомъ, а только—римскимъ евреемъ. Последнее открытіе было сдѣлано по найденному ею письму отца «графа,» Давида бенъ Исаака Мерли, изъ Рима, въ которомъ угрожалъ сыну проклятіемъ въ случаѣ женитьбы его на христіанкѣ, даже и ради богатства.

Въ ту-же ночь Ева наняла почтовыхъ лошадей, и когда «графъ» вернулся утромъ домой, то она была на пути въ Венецію, куда прибыла въ началѣ карнавала. Состояніе ея здоровья не удержало ее вовсе отъ пользованія новыми, до того неизвѣстными ей удовольствіями. Занявъ нѣсколько богато меблированныхъ комнатъ, она вскорѣ прикомандировала къ себѣ молодого нобиля, который, въ качествѣ Чичисбея, сопровождалъ ее на площади

св. Марка и въ театрахъ. Три мѣсяца протекли быстро; затѣмъ Ева отправилась черезъ Вѣну въ Краковъ, причѣмъ Брюнь проѣхала ночью, чтобы не быть узнаною кѣмъ нибудь изъ служителей ея отца. Въ Краковѣ, живя уединенно и скромно, она ожидала разрѣшенія отъ бремени, которое и наступило въ Іюнь 1786 года здоровою дѣвочкой. Ребенокъ былъ отданъ на воспитаніе крестьянкѣ изъ подѣ Кракова и при крещеніи получилъ имя Маріи. Оправившись послѣ родовъ, Ева въ августѣ пріѣхала въ Варшаву цвѣтущею, красивою и оживленною, какъ никогда до того ея не видѣли.

— Княжна,—сказала старая сова Лабенцкая, послѣ первыхъ привѣтствій,—всѣ мы были за васъ въ большомъ безпокойствѣ, не получая никакихъ извѣстій ни отъ васъ, ни отъ вашего брата. Что за причина такого долгаго молчанія?

— Постоянныя развлеченія большого свѣта,—отвѣчала Ева.—Ахъ! сколько прекрасныхъ городовъ и странъ я теперь увидѣла! Изъ Парижа, гдѣ я оставила моего брата, я поѣхала весной съ французскою графиней въ Римъ, и она же привезла меня въ Краковъ.

— Гдѣ теперь князь Іосифъ?—спросила съ участіемъ Лабенцкая.

— Кажется еще въ Парижѣ, впрочемъ, я давно не получала отъ него писемъ, а быть можетъ онъ поѣхалъ въ Брюнь навѣстить отца и вѣроятно вскорѣ сюда прибудетъ.

— Не повѣрите, княжна, сколько было освѣдомленій о васъ отъ королевскаго двора и съ этою цѣлью насъ постоянно навѣщали многія знаменитыя особы. Еще на прошлой недѣлѣ былъ у насъ, представьте себѣ, самъ князь примасъ: хотѣлъ узнать гдѣ вы и что съ вами случилось.

— Завтра же поѣду съ визитомъ къ госпожѣ Краковской, а сегодня посѣщу «нашихъ».

Теперь Ева разспрашивала съ участіемъ о всѣхъ фейнеберахъ и о здоровьѣ бывшихъ своихъ почетныхъ дамъ,

вышедшихъ замужъ. Въ слѣдующую пятницу она была на вечерѣ у Лабенцкаго, гдѣ вела себя очень мило, а ночью учердно молилась, въ синагогѣ.

Между молодежью, претендовавшею на руку Евы, болѣе другихъ надѣялся сынъ богатаго трактирщика, Мошека Шимановскаго, Романъ. Это былъ высокій, хорошо сложенный юноша, но бездѣльничъ, гордый и глупый. Постоялый дворъ приносилъ его отцу сто тысячъ золотыхъ польскихъ годового дохода, половину котораго слабый отецъ отдавалъ сыну, а тотъ велъ разгульную жизнь и корчилъ изъ себя большого пана. Послѣ вечера у Лабенцкаго въ немъ снова пробудилась любовь къ Евѣ и теперь онъ открылъ переговоры уже формально. Ева, не особенно къ нему расположенная, тѣмъ не менѣе, рѣшилась держать его временно въ резервѣ и дозволила ему навѣщать ее.

У госпожи Краковской вся аристократія приняла Еву съ распростертыми объятіями, причемъ мужчины нашли что она похорошѣла, а прежніе ея любовники наперерывъ старались пріобрѣсти ея благоволеніе. Князь Примазь устроилъ въ честь ея «подземный балъ», на которомъ танцевалъ съ нею первый полонезъ... Ева вошла въ прежнюю колею.....

Неожиданно прибылъ тогда изъ Франціи и «князь» Іосифъ, блѣдный и исхудалый. Сестра откровенно рассказала ему свои приключенія съ графомъ Мерлини, умолчавъ только о случившемся съ нею въ Краковѣ.

— У меня съ графинею Тронвилль тоже было не лучше твоего,—сказалъ печально Іосифъ,—и на просьбу Евы рассказать все, онъ продолжалъ:

— Адская эта женщина сдѣлала все, чтобы я увѣрилъ въ ея огромное богатство, въ ея имѣнія въ южной Франціи, гдѣ она предполагала обвѣнчаться со мною, лишь только окончить важныя дѣла въ Парижѣ. Въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи мы наняли отель и жили тѣмъ временемъ какъ супруги. Я часто посѣщалъ игорный домъ, выигрывая много, а она будто бы старалась

по своимъ дѣламъ, для поддержанія которыхъ я имѣлъ слабость подписать ей вексель на 1000 червонцевъ. Еще вначалѣ у меня родилось подозрѣнiе, когда на гуляньяхъ или въ театрѣ многiе господа посылали ей рукой поцѣлуи, а посыльные отдавали ей визитныя карточки; но возвратясь однажды утромъ, послѣ игры, домой, я нашелъ гнѣздо пустымъ а шкатулку мою съ 4-мя тысячами червонцевъ черти взяли; мало того, немедленно былъ предъявленъ ко мнѣ искъ по векселю въ 1000 червонцевъ, а вскорѣ я сдѣлалъ прiятное открытiе, что она снабдила меня извѣстною болѣзною, отъ которой я едва избавился послѣ полугодового голоднаго леченiя. Послѣ я уже узналъ, что имѣлъ дѣло съ извѣстною въ Парижѣ развратницею и обманщицею еврейкою Рахилью Тронви.

Ева долго и громко смѣялась.

— На мое счастье въ бумажникѣ моемъ нашлись переводные векселя, которые меня и спасли. Чудный городъ Парижъ,—закончилъ свой рассказъ Иосифъ.

— Потеряла я его изъ вида въ прошломъ году, сказала Ева, но должна вскорѣ увидѣть этотъ городовъ городъ, въ которомъ, какъ я всѣхъ увѣряю, была теперь съ тобою.

Прежнiй способъ жизни въ грѣховной Варшавѣ временно прервался съ прибытiемъ барона Роха Франка изъ Петербурга, служившаго въ чинѣ поручика въ преображенскомъ полку. Красивый, съ благородными манерами молодой человекъ прiѣхалъ съ цѣлью урегулировать при старомъ Лабенцкомъ, истощенные свои финансы. Для этого онъ отвизитировалъ всѣхъ фанеберовъ и набожно справлялъ шабашъ въ подвалѣ вице-патрiарха, гдѣ въ надѣтомъ на гвардейскiй мундиръ талесѣ былъ весьма замѣтенъ. Иосифъ представилъ его ко двору, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ аристократiей. Наконецъ, наполнивши карманы золотомъ и пригласивъ брата къ себѣ въ Петербургъ, общая ему хорошую игру, онъ уѣхалъ обратно.

На слѣдующую весну, послѣ отъѣзда Иосифа въ Петербургъ, Ева стала приготовляться къ путешествiю въ

Парижъ и вообще за границу. Скромный обожатель ея Романъ Шимановскій считалъ себя счастливымъ, когда Ева объявила, что выбираетъ его своимъ спутникомъ, въ званіи камергера. Дангль доставилъ превосходный и удобный экипажъ, въ которомъ они и выѣхали за границу. Тамъ Еву принимали, то за путешествующую принцессу, то за племянницу польскаго короля, но она никого не старалась выводить изъ такого заблужденія. Спутникъ ея назвался графомъ Шимановскимъ и игралъ роль польскаго магната. Вѣрный своей госпожѣ, онъ аккуратно исполнялъ въ передней обязанности камергера, въ то время когда Ева принимала въ своемъ будуарѣ заграничныхъ князей и графовъ.

Только на слѣдующую весну Ева, ослабленная во всѣхъ отношеніяхъ, вернулась въ Варшаву, куда одновременно прибылъ и братъ ея Іосифъ, сильно пощипанный петербургскими игроками.

Здѣсь Лабенцкій сообщилъ имъ только что полученный манифестъ ихъ господина и отца, въ которомъ онъ извѣщалъ, что избралъ своею резиденціей Оффенбахъ, и что впредь дѣти его должны навѣщать его тамъ.

Г л а в а X.

Резиденція въ Оффенбахѣ.

С о д е р ж а н і е: Прибытіе Франка въ Оффенбахъ. Догадки о его происхожденіи. Его дворъ. Посѣщеніе стараго князя фонъ-Изенбургъ. Таинственный образъ жизни въ замкѣ. Польскіе неопиты посылаютъ своихъ дѣтей ко двору Франка. Іосифъ и Ева навѣщаютъ своего отца. Попытки распространенія секты во Фракфуртѣ на Майнѣ.

Публичный садъ на берегу Майна. близъ города Оффенбаха, заключалъ въ себѣ различныя увеселительныя приспособленія, въ видѣ каруселей, качель, кеглей и т. п., и въ немъ имѣли обыкновеніе проводить досужное время именитѣйшіе граждане города.

Вечеромъ 3-го Іюня 1788 года въ обросшей виноградомъ и каприфоліемъ бесѣдкѣ сидѣли княжескіе чи-

новники, владѣльцы фабрикъ и купцы, покуривая трубки и попивая пѣнистое пиво. Всегдашнимъ главнымъ предметомъ ихъ разговора была политика; но въ тотъ вечеръ разговоръ вертѣлся на важномъ для хроники Оффенбаха событіи.

— Такъ ты его видѣлъ, Пфейферъ?—спросилъ толстый фабрикантъ Кречмамъ, небольшого подвижнаго владѣльца аптеки «подъ крокодиломъ».

— Мало того, что видѣлъ, но даже говорилъ съ нимъ,—отвѣчалъ Пфейферъ.

— Неужели?—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Да, говорилъ съ нимъ,—сказалъ съ важностью Пфейферъ Сегодня, пополудни, производя небольшую батаническую экскурсію по пути въ Ашафенбургъ, я вдругъ замѣтилъ (это было приблизительно въ половинѣ 4-го) громадный столбъ пыли; я подумалъ тогда, что ежели эту пыль не произвела партія венгерскихъ воловъ, которыхъ гонять во Франкфуртъ, то, навѣрное войско, что было бы необыкновеннымъ явленіемъ въ наше мирное время. Стою и смотрю. Дѣйствительно,—кавалерія!... Изъ пыли выѣзжаетъ цѣлый полкъ!.....

— Не ври, Пфейферъ,—перебилъ княжескій кассиръ.—Всего только 36 лошадей: я самъ ихъ считалъ.

— Позвольте мнѣ продолжать,—сказалъ нѣсколько обиженно аптекаръ. Сперва мнѣ показалось, что идетъ цѣлый полкъ, но когда приблизились, то я убѣдился, что всего одинъ эскадронъ уланъ. Одѣты они были въ иностранные мундиры, зеленаго цвѣта съ красными отворотами, шапки на нихъ были съ четырехъугольнымъ дномъ, а значки на копьяхъ расшиты какими-то странными изображеніями. Всѣ они—народъ молодой и высокій, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и съ черными глазами. Когда приблизились ряды, и я съ удивленіемъ къ нимъ при-сматривался, то эти шлемы стали смѣяться и.....

— Охотно этому вѣрю,—замѣтилъ ядовито торговецъ кореньями Грошеръ.—Вѣрно на васъ былъ надѣтъ вапцъ

старый фиолетовый фракъ съ большими агатовыми пуговицами.

— Не прерывай его, Грошеръ,—сказаль Кречманъ.

— И такъ, смѣялись и критиковали меня на такомъ языкѣ, какого я отродясь не слыхиваль. За конвоемъ показалась большая карета шестерикомъ, съ двумя лакеями на козлахъ. Внутри, ближе къ моей сторонѣ, сидѣль старый господинъ съ блестящими черными глазами, а рядомъ съ нимъ другой, молодой. Старый высунулся изъ кареты и, указывая на нашъ городъ, спросиль меня:

— «Это Оффенбахъ, мой другъ»? Такъ точно, сиятельныйшій господинъ,—отвѣчалъ я. «Далеко еще?» Четверть мили, къ услугамъ сиятельнаго господина,—отвѣчалъ я съ глубокимъ поклономъ. И поѣхаль далѣе.

— И въ этомъ заключается весь разговоръ?—спросиль Грошеръ со смѣхомъ.

— Весь,—отвѣчалъ аптекаръ.—Потомъ слѣдовалъ экипажъ въ четверню, а въ немъ сидѣли двѣ дамы красавицы, какихъ я еще никогда не видываль: обѣ брюнетки, черноокія, съ полными грудями, а руки—какъ точенныя. До сихъ поръ еще вижу ихъ передъ глазами..... Затѣмъ подвигались экипажи со слугами.

— Скажите мнѣ,—спросиль Кречманъ,—кто въ дѣйствительности этотъ большой баринъ, избравшій у насъ свою резиденцію?

— Баронъ Франкъ изъ Брюна,—отвѣчалъ кассиръ,—такъ, по крайней мѣрѣ, гласить рескриптъ нашего милостиваго наслѣднаго князя къ шурина моему интенданту замка Куглеру, писанный изъ Вѣны относительно передачи барону цѣлаго дворца.

— Барону? Ого - о! — слышалось кругомъ.—Пусть этому вѣрятъ другіе, а не мы!

— Что подъ этимъ титуломъ скрывается какойнибудь владѣтельный князь, дабавиль кассиръ таинственно, то этому я и самъ вѣрю.

— Я того же мнѣнія,—сказаль почтмейстеръ Клейншмидтъ.

— Не изгнанный-ли онъ государь Молдавіи или Валахіи? догадывался аптекарь.

— Или свергнутый съ трона ханъ крымскій? рассуждалъ другой.

— Или потерявшій милости фаворитъ Императрицы Екатерины? предполагалъ третій.

— Быть можетъ, это король польскій, убѣжавшій изъ своего бурнаго государства?—ввернулъ четвертый,

— Объ этомъ бы уже писалось въ газетахъ,—отвѣчала отставной поручикъ Рупертъ.—Да и языкъ, на которомъ говорятъ эти люди, тоже не польскій, такъ какъ я отлично его понимаю, проведя время на польской границѣ въ семилѣтнюю войну для вербовки солдатъ. Скорѣй онъ похожъ на венгерскій.

— Пусть баронъ будетъ чѣмъ ему угодно, сказалъ Грошеръ,—лишь бы только побольше расходовалъ у насъ денегъ.

— Ихъ онъ имѣеть достаточно,—замѣтилъ кассиръ;—завѣдующій его дворомъ смотритъ на червонцы какъ я на гроши.

Такіе разговоры повторялись нерѣдко, но никому не приходила мысль, чтобы въ особѣ «важнаго барина» былъ гениальный польскій еврей.

Франкъ, между тѣмъ, проѣхавъ мимо любопытной толпы жителей Оффенбаха, остановился со своимъ конвоемъ передъ главными воротами замка, гдѣ былъ встрѣченъ интендантомъ Куглеромъ и Ясинскимъ, введшими его въ приготовленные апартаменты, возлѣ которыхъ были отведены комнаты для Лиды и Сусанны. Двое гвардейцевъ, съ обнаженными саблями, стали при воротахъ, а двое другихъ—при входѣ въ покои Франка. Прислуга и должностныя лица «двора» немедленно приступили къ отправленію своихъ обязанностей. Ежедневно прибывали пѣшкомъ бѣднѣйшіе неопиты изъ Брюна, которыхъ Франкъ пріютилъ теперь въ обширномъ замкѣ, давъ имъ занятіе различными ремеслами, сообразно способностямъ каждаго.

Вслѣдствіе-ли вліянія новой, протестантской мѣстности, или преклонныхъ уже лѣтъ, Франкъ, со временъ прибытія въ Оффенбахъ, былъ постоянно въ дурномъ настроеніи духа и никого изъ постороннихъ ему лицъ не принималъ, отказавъ даже въ пріемъ именитѣйшимъ гражданамъ города, желавшимъ представиться ему подѣ благовиднымъ предлогомъ. Исключеніе было сдѣлано одному только доктору Ашеру Магнусу, еврею изъ Франкфурта. Франкъ избѣгалъ даже прогулокъ въ большомъ дворцовомъ саду, обнесенномъ высокою стѣною, и любопытные могли видѣть его только по утрамъ, когда онъ выѣзжалъ за городъ на обычную молитву, или по воскресеньямъ въ церкви, въ ближайшей деревнѣ Биргель, гдѣ онъ, въ красной фескѣ на головѣ, лежалъ ничкомъ на разостланномъ передъ алтаремъ коврѣ.

Однажды, спустя нѣсколько недѣль послѣ его пріѣзда въ Оффенбахъ, къ замку подкатила парадная карета, украшенная огромною литерой и конвоируемая двумя гусарами. Въ ней сидѣлъ владѣтельный князь изенбургскій Вальфгангъ Эрнестъ II-й, предпринявшій поѣздку изъ своей резиденціи, Бирштейна, съ намѣреніемъ познакомиться съ заграничнымъ барономъ, котораго онъ тоже считалъ замаскированнымъ княземъ и, послѣ напраснаго ожиданія отъ него визита, рѣшился наконецъ показать, что, сдѣлавъ первый шагъ къ знакомству, онъ хорошо понимаетъ этикетъ владѣтельныхъ особъ.— Когда камеръ-юнкеръ Франка удалился съ докладомъ о прибытіи князя, послѣдній съ завистью поглядывалъ на красивыхъ «гвардейцевъ» барона, стоявшихъ на часахъ и производившихъ на дворѣ эволюціи, а также на многочисленныхъ въ богатыхъ ливреяхъ лакеевъ, и неудивительно, такъ какъ самъ владѣтельный князь содержалъ всего 30 пѣхотинцевъ и двухъ кавалеристовъ, а число его прислуги было болѣе чѣмъ незначительное.

Франкъ не могъ не принять такого высокаго гостя и пошелъ къ нему на встрѣчу не переодѣваясь, въ фескѣ, до главной лѣстницы, на которой оба они поздоровались

съ этикетомъ владѣтельныхъ особъ, и, затѣмъ, Франкъ перемоніально ввелъ князя въ кабинетъ.

— Я прибылъ господинъ баронъ,—началь князь, ударя на словѣ баронъ,—привѣтствовать васъ, по пріѣздѣ вашемъ въ мою страну, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣдомиться, довольны ли вы вашею квартирой и не требуется ли въ ней какихъ нибудь передѣлокъ?

— Вапа Свѣтлость слишкомъ ко мнѣ милостивы,—отвѣчалъ Франкъ,—упредивши меня вашимъ визитомъ. Но, до послѣдняго времени, я былъ такъ боленъ, что едва могъ выходить изъ своихъ комнатъ. Замкомъ я совершенно доволенъ.

— Извините за вопросъ: господинъ баронъ венгерецъ?

— Нѣтъ.

— Молдованинъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть изъ Крыма?

— Нѣтъ.

— Развѣ, русскій?

— Нѣтъ.

— Навѣрное, полякъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ таинственно Франкъ.

Князь понялъ теперь щекотливость подобныхъ вопросовъ. «Какъ понравилось вамъ въ Австріи?»—спросилъ онъ смѣшавшись.

— Дивная страна,—отвѣчалъ Франкъ.—Я нѣсколько разошелся съ императоромъ, которому не понравились мои сношенія съ одною сѣверною державой, а потому я и покинулъ его страны.

— Князь,—виновать, я хотѣлъ сказать баронъ,—вы имѣете прекрасное войско!

— Для моего развлечения, не болѣе, вапа свѣтлость, и для того, чтобы дать занятіе служащимъ у меня,—отвѣчалъ Франкъ.

— Дорогое, въ сущности, развлеченіе въ мирное время,—замѣтилъ князь.

Разговоръ перешель на политику, на событія во Франціи и на войну Россіи съ Турціей и Швеціей.— Франкъ во всёхъ этихъ вопросахъ лавировалъ съ дипломатическою осторожностью, бросая, по временамъ, таинственные намеки на свои отношенія къ Россіи и французскому королю.

Наконецъ, князь попрощался съ нимъ съ чувствомъ глубокаго почтенія.

Отъ времени до времени прибывали къ своему патріарху неофиты, молодежь изъ класса «лапсердаковъ», по большей части изъ Чехіи и Моравіи, гдѣ они подвергались преслѣдованію отъ христіанъ и евреевъ. Франкъ, по званію патріарха, долженъ былъ ихъ принимать и помогать имъ, на-сколько позволяли его средства. Онъ увеличилъ ими свою гвардію до 200 человекъ, какъ равно и число должностныхъ лицъ своего «двора»; остальные занимались ремеслами. Прибыли въ замокъ и молодая дѣвица, которыхъ приняли подъ свое наблюденіе Лида и Сусанна.

При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, потребовалась строгая дисциплина, которую Франкъ сумѣлъ поддерживать въ своемъ домѣ; вслѣдствіе чего, жизнь въ замкѣ была образцомъ порядка и спокойствія и не было слышно жалобъ со стороны обитателей Оффенбаха на таинственныхъ чужестранцевъ, обращавшихся со всеми вѣжливо и платившихъ за все наличными деньгами.

Что происходило въ замкѣ,—о томъ никто изъ постороннихъ не зналъ; интендантъ Куглеръ переселился въ отдѣльный домикъ, въ саду; докторъ Магнусъ, на всё предлагаемое ему вопросы молчалъ; а обитатели замка показывались только въ тѣхъ мѣстахъ, куда отправлялись по своей службѣ и лишь по большимъ праздникамъ посѣщали церковь въ деревнѣ Биргель, чѣмъ и заслуживали похвалу мѣстнаго священника. Въ замкѣ царствовала тишина, прерываемая по временамъ бряцаніемъ оружія. Каждую пятницу цѣлый фасадъ зданія былъ освѣщаемъ огнями до полночи, при чемъ шторы въ окнахъ опускались.

Подговоренные любопытнымъ кассиромъ, мальчишки изъ Оффенбаха влѣзли на высокія замковыя липы и оттуда могли только замѣтить множество особъ въ бѣлыхъ покрывалахъ, странно кивающихъ и между ними одну особу, читавшую прочимъ по книгѣ.

Почтмейстеръ города рассказывалъ въ публичномъ саду объ обширной корреспонденціи барона и о получаемыхъ имъ большихъ суммахъ денегъ и множества иностранныхъ газетъ. Аптекарь сообщилъ, съ своей стороны, что четверо молодыхъ людей барона пришли къ нему съ просьбою читать имъ лекціи по химіи, при чемъ рассказывали, что самъ баронъ великій химикъ и въ лабораторіи своей, въ замкѣ, производитъ чудесные опыты, и что ему покоряется даже міръ духовъ.

Всѣ эти разговоры породили стоуственную молву о мистическомъ, несмѣтно богатомъ баронѣ, содержащемъ съ княжескою пышностью свой дворъ и войско въ Оффенбахѣ. Франкфуртскіе журналы первыми начали помѣщать статьи о Франкѣ, при чемъ одно предположеніе смѣнялось другимъ. То дѣлали его политическимъ фигурантомъ, то претендентомъ на какой-то тронъ, то тайнымъ главою иллюминатовъ или франъ-массоновъ. Быть можетъ, что, въ концѣ концовъ, нѣмцы,—эти основательные исследователи всѣхъ тайнъ,—добрались бы до правды, если бы не революціонныя событія во Франціи, обратившія всеобщее на себя вниманіе, а тѣмъ самымъ отвлекшія взоры и отъ Франка.

Иосифъ и Ева извѣстили отца, что приѣдутъ къ нему на слѣдующее лѣто; вмѣсто нихъ, еще осенью 1788 года, прибыли, къ большой радости Франка, сынъ его пріятеля—Иегуды-Воловскаго—Иванъ, и молодой Михайлъ Матушевскій. Оба они были 18-ти лѣтніе хорошо воспитанные юноши; Воловскій бѣгло говорилъ по французски и игралъ превосходно въ шахматы, а Матушевскій подавалъ надежды стать знаменитымъ математикомъ. Въ началѣ 1789 года число проживавшихъ въ Оффенбахѣ ноофитовъ достигло до 600, изъ коихъ 400 помѣщались

въ замкѣ, а 200—въ городѣ. Лида и Сусанна образовали вокругъ себя общество молодыхъ дѣвицъ, занимавшихся рукодѣльями и другими женскими работами.

Тихая жизнь въ замкѣ была нарушена, только однажды, событіемъ, обратившимъ вниманіе жителей Оффенбаха:

Молодые «камеръ - юнкеры» Воловскій и Матушевскій встрѣтили въ новоприбывшихъ неофиткахъ своихъ прежнихъ варшавскихъ пріятельницъ: первый нѣкую Магдалину Пясецкую, а второй—Веронику Крысинскую. Подъ покровомъ ночи и за высокими стѣнами, назначавшіяся въ саду свиданія оканчивались благополучно; но, однажды возвращаясь изъ сада въ замокъ, обѣ дѣвицы были задержаны патрулемъ. Лида, имѣвшая надъ ними полицейскій надзоръ, велѣла посадить ихъ на хлѣбъ и воду въ мансардѣ, не смотря на то, что дѣвицы ни въ чемъ не сознались. И вотъ, въ одну темную ночь Оффенбахскій сторожъ, при свѣтѣ своего фонаря, замѣтилъ, какъ изъ окна замка спускались по веревкѣ двѣ женскія фигуры и, затѣмъ, очутившись за стѣною скрылись. На другой день всѣ видѣли, что уланы Франка раздѣхались въ разныя стороны, но возвратились ни съ чѣмъ ¹⁾.

Въ Оффенбахѣ событіе это возбудило различные несообразные толки; говорили, что Франкъ вершитъ надъ своими домашними уголовное правосудіе, что онъ пытается, вѣшаетъ и отсѣкаетъ головы. Вслѣдствіе этого Франкъ получилъ отъ князя Вольфганга Эрнеста II-го дипломатическую ноту, въ которой было деликатно выражено, что отправленіе правосудія составляетъ прерогативу царствующаго, и чтобы, поэтому, баронъ соблаговолилъ отказаться отъ осуществленія этого права. Франкъ отвѣтилъ на это словами, напомнившими отвѣтъ шведской королевы

¹⁾ Де-Мейеръ воспоминаетъ объ этомъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: кромѣ двухъ дѣвицъ, которыя ушли сами изъ дома Франка никто до сихъ поръ не знаетъ, что случилось съ молодыми людьми у него гостившими». Это совершенно невѣрно, ибо Франкъ никакихъ рабовъ не держалъ.

Христины кардиналу Мазарини, когда она велѣла казнить въ Фонтенебло своего конюшаго, а именно: «я господинъ и царствую надъ моими домашними».

Молодые «камеръ юнкеры» Воловскій и Матушевскій, чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе въ содѣйствіи къ побѣгу двухъ дѣвицъ, стали теперь ухаживать за Лидой и Сусанной, ѣздили съ ними на прогулку и даже были въ театрѣ во Франкфуртѣ.

Большимъ довѣріемъ Франка пользовался докторъ Ашеръ Магнусъ, небольшого роста человекъ, съ большими черными бровями и орлинымъ носомъ. Онъ сдѣлался вскорѣ кандидатомъ на «согарита», а, затѣмъ, послѣ принятія св. крещенія въ церкви деревни Биргель, присутствовалъ впервые на тайномъ шабашѣ въ замкѣ, и когда Франкъ, въ качествѣ первосвященника, обратился къ нему съ привѣтственною рѣчью, то Магнусъ, отъ избытка чувствъ, плакалъ какъ ребенокъ.

— Сдѣлайте меня вашимъ апостоломъ, дорогой господинъ и учитель, — сказала онъ на другой день Франку. — Ваше по истинѣ божественное ученіе должно непремѣнно распространяться; здѣсь же, по близости, во Франкфуртѣ, проживаетъ 7 тысячъ евреевъ, нуждающихся въ такомъ счастьи и съ ними я состою въ различныхъ сношеніяхъ.

— Мало я надѣюсь на нѣмецкихъ евреевъ, — отвѣчалъ Франкъ; — вслѣдствіе большого ихъ разъединенія имъ не достааетъ духа согласія.

— Вообще это справедливо, но франкфуртскіе евреи составляютъ исключеніе. Какъ можно назвать ихъ разъединенными, когда они, подобно сельдямъ, заключены въ одной улицѣ, заграждаемой по ночамъ цѣпью и терпятъ тысячи преслѣдованій отъ бургомистра города?

— Богаты они, — спросилъ Франкъ?

— Есть между ними милліонеры, хотя большая часть ихъ состоитъ изъ факторовъ и плутовъ.

— Пробуйте счастья, — отвѣчалъ Франкъ; — однако, возлагаю на васъ обязанность не выдавать меня за патріарха, въ виду моихъ политическихъ соображеній.

Ежели вамъ удастся образовать во Франкфуртѣ общину неофитовъ, то я охотно сдѣлаю васъ ея старшиною и тогда единственно вы будете сообщаться со мною.

Магнусъ обѣщаль открыть вскорѣ свои дѣйствія во Франкфуртѣ.

Въ это же время, въ началѣ Юня 1789 г., Иосифъ и Ева прибыли изъ Варшавы въ Оффенбахъ для свиданія съ отцемъ, по пути въ Парижъ. Въ замкѣ не нашлось для нихъ помѣщенія и они должны были остановиться въ городской гостинницѣ.

Послѣ самой сердечной встрѣчи отца съ дѣтьми, Франкъ нашель, что Иосифъ, достигшій уже 35 лѣтъ, сильно похудѣлъ, но что Ева для 30 лѣтняго своего возраста слишкомъ пополнѣла.

— Ну, что-же? до сего времени находитесь еще въ свободномъ состояніи?—спросилъ печально Франкъ.

— О! дорогой отецъ!—началь Иосифъ.—Наши отношенія такъ удивительно сложились, что каждая представлявшаяся намъ партія ставила намъ и особенныя препятствія.

— Это какимъ образомъ?—спросилъ Франкъ.

— Мы знаемся въ Варшавѣ съ высокою аристократіею,—отвѣчалъ Иосифъ,—и у нея приняты; связь съ нею,—болѣе тѣсная, брачная,—для насъ невозможна; тогда какъ, связь съ нашею кастой унизила бы насъ въ ихъ глазахъ.

— О, мракъ, суета и неразуміе!—воскликнулъ энергически Франкъ.—Не познаешь ты, сынъ мой, своего высокаго назначенія и истиннаго положенія, какія ожидаютъ тебя послѣ смерти, то есть,—быть патриархомъ неофитовъ, а, черезъ это—могущественнымъ и богатымъ господиномъ! На этомъ прекрасномъ, сорокалѣтними моими трудами воздвигнутомъ для тебя тронѣ, ты можешь утвердиться единственно посредствомъ самыхъ тѣсныхъ связей съ истинною аристократіею нашего народа,—съ могущественными и богатыми варшавскими фйнеберами, ибо въ Польшѣ заложено основаніе моей силы. Слушай внима-

тельно, что скажу тебѣ теперь, какъ божескій пророкъ: не вымреть еще одно человѣческое поколѣніе, какъ всѣ тѣ магнаты польскіе, о благоволеніи коихъ ты такъ заботишься, будутъ нищими, а тѣ пивовары и трактирщики, которыхъ ты презираешь, станутъ министрами и магнатами!....

— Не гнѣвайтесь, дорогой отецъ,—сказалъ Іосифъ, цѣлуя его руку,—все сдѣлаю, что прикажете.

— Дѣлай только поскорѣе, мой сынъ, чтобы не было поздно; настоящее обильно великими событіями..... А ты, Ева, что ты думаешь дѣлать?

— Я также, дорогой отецъ, раздѣляла заблужденія моего брата; но теперь, убѣжденная вашими словами, отдаю мою руку молодому Роману Шимановскому тотчасъ послѣ возвращенія моего въ Варшаву.

— Исполни это, дочь моя,—сказалъ Франкъ.—На мои сокровища не рассчитывай, такъ какъ я расходую безъ остатка всѣ предназначенные для меня доходы, какъ подбавляетъ владѣтельной особѣ, сохраняющей капиталы въ карманахъ своихъ подданныхъ.—Зачѣмъ опять ѣдете въ Парижъ?

— У насъ тамъ много друзей и знакомыхъ, которымъ мы общались пріѣхать.

Худое для этого выбрали вы время: Парижъ теперь бурный,—замѣтилъ отецъ.

— Въ политику мы не вмѣшиваемся,—отвѣчала Ева.

Послѣ этого разговора братъ съ сестрой остались въ Оффенбахѣ еще на недѣлю и никакія представленія отца не могли отклонить ихъ отъ намѣренія отправиться въ Парижъ.

Въ Парижѣ они нашли большую перемяну: старые знакомые куда-то поразѣхались, въ городѣ царствовала грозная тишина; а объ игрѣ и увеселеніяхъ никто и не думалъ. Они видѣли штурмъ Бастиліи 14-го Іюля, и вообще столько видѣли, что поспѣшили съ отъѣздомъ.

Отправились они теперь въ Эмсъ, гдѣ Іосифъ и Ева стали вести прежнюю жизнь: онъ въ качествѣ игрока, а

она—сѣверной княжны. Прибыль туда-же и «графъ» Романъ Шимановскій для отправленія камергерскихъ обязанностей при своей госпожѣ.

Между тѣмъ въ Оффенбахскомъ замкѣ, въ комнатахъ дамъ, шло веселье. Молодые люди изъ Варшавы, въ особенности Иванъ Воловскій,—котораго природа одарила всевозможными качествами веселаго человѣка,—ухаживали не только за Лидой и Сусанной, но и за всѣми молодыми женщинами. Воловскій обладалъ при томъ большою граціей не только въ движеніяхъ и словахъ, но и въ манерѣ нюхать испанскій табакъ, который онъ употреблялъ, по модѣ, изъ золотой табакерки. Такимъ образомъ, на женской половинѣ шли безпрестанные разговоры, смѣхъ и танцы подъ клавикорды, пока, наконецъ, пробужденный отъ сна патріархъ не разгнѣвался и не приказалъ камеръ-юнкерамъ не оставлять его комнатъ. Воловскаго онъ засадилъ за чтеніе ему французскихъ газетъ и за шахматы, а Матушевскому диктовалъ различныя свои письма.

Однажды докторъ Ашмеръ Магнусъ пришелъ изложить партіарху результаты своей апостольской миссіи къ франкфуртскимъ евреямъ.

— Отправился я, достойнѣйшій учитель, — началъ Магнусъ, — прямо въ синагогу, въ тотъ моментъ, когда израиль послѣ молитвы развлекается разговорами религиознаго содержанія. Я хотѣлъ изслѣдовать, на какую почву могутъ упасть сѣмена вашей божественной науки.

— Шагъ этотъ я считаю очень осторожнымъ, а поэтому могу только похвалить его, — сказала Франкъ.

— Направивъ, сообразно съ цѣлью, разговоръ, — продолжалъ Магнусъ, — я выразилъ, въ видѣ предположенія, мнѣніе: что великая міровая революція, причиненная, очевидно, ученіемъ Христа, исходила непременно отъ Бога. Съ этимъ со мною согласились. — Послѣ этого я сдѣлалъ еще шагъ впередъ, утверждая, что Христосъ явился «какъ еврей и ни однимъ словомъ не возставалъ противъ обрядовъ Моисѣя».

— Превосходно и логично!—воскликнулъ Франкъ.

— Тогда евреи,—продолжалъ Магнусъ,—вытаращили на меня глаза и подозрительно задали вопросъ: «кто-же впослѣдствіи измѣнилъ Моисѣевы обряды на христіанскіе»? Такіе-же фарисеи,—отвѣчала я,—какъ и тѣ, которые среформировали талмудомъ книги Моисѣя.

— Отлично сказано,—замѣтилъ Франкъ.

— Только результатъ былъ неотличный,—отвѣчала Магнусъ.

— Что? Ты пренебрегаешь нашимъ талмудомъ, Аперъ?—воскликнулъ раввинъ.—Развѣ не знаешь, что онъ на половину установленъ Богомъ? — Только что я хотѣлъ дать объясненіе по этому предмету, какъ подошелъ небольшой, въ длинномъ старомъ фракѣ и въ трехгранной шапкѣ, еврей, по фамиліи Ротшильдъ и сказалъ: «развѣ тебѣ неизвѣстно, равви, что Аперъ недавно окрестился въ Бирглѣ»? Тутъ, всѣ бывшіе въ синагогѣ евреи напали на меня съ остервенѣніемъ, выгнали за дверь и, въ догонку, пустили въ меня огромнымъ томомъ талмуда, который едва меня не убилъ.

— Бѣдный мученикъ!—отозвался тоскливо Франкъ.

— Вотъ вамъ—сгерманизованный элементъ упрямства въ здѣшнихъ евреяхъ. Хотятъ остаться вполне тѣми же какими есть. Впредь, вамъ предстоитъ дѣйствовать лишь на отдѣльныя личности, которыя потянутъ за собой и другихъ.

— Я такъ и полагаю,—отвѣчала Магнусъ,—но подобный способъ слишкомъ медлителенъ.

— Сильно сожалѣю,—закончилъ Франкъ,— что мой возрастъ и мое положеніе не позволяютъ мнѣ самому явиться въ качествѣ апостола.

Въ слѣдующую, засимъ, пятницу, Магнусъ былъ произведенъ въ мареморейнесы, при каковой церемоніи камеръ-юнкеры Валовскій и Матушевскій, одѣтые въ талесы, были ассистентами при верховномъ первосвященникѣ.

Въ концѣ осени Іосифъ и Ева пріѣхали изъ Эмса проститься съ отцемъ, при чемъ Ева представила ему

своего жениха Шимановскаго, который испросилъ формально у Франка руку его дочери.

— Ничего не имѣю противъ тебя, сынъ мой,—сказалъ радостно Франкъ;—желалъ бы только, чтобы любимый мною твой отецъ написалъ ко мнѣ по этому поводу, съ тѣмъ, чтобы я могъ сдѣлать распоряженіе о будущемъ вашемъ содержаніи.

— Отецъ мой это исполнить,—сказалъ Шимановскій, цѣлуя руку Франка.

— Затѣмъ,—продолжалъ Франкъ,—бракъ вашъ можетъ совершиться въ Варшавѣ, гдѣ васъ знаютъ. А ты, Іосифъ, когда подвинешься къ той же цѣли?

— Лишь только вернусь въ Варшаву, дорогой отецъ. Я окончательно убѣдился въ основательности вашего совѣта.

Спустя нѣсколько дней камеръ-юнкеръ Воловскій сводилъ по широкой лѣстницѣ Еву, сопровождаемую братомъ и Шимановскимъ, до приготовленнаго на дворѣ экипажа. Стоявшая въ караулѣ гвардія отдала честь саблями, а десять конныхъ уланъ конвоировали карету до границы княжества, по тракту въ Ашафенбургъ.

ГЛАВА XI.

Завѣщаніе.

Содержаніе: Сеймъ 1790 года—Луковскій кастелянъ Езерскій обвиняетъ франкистовъ.—Интриги Лабенцкаго противъ патріарха.—Брошюры, направленные противъ неофитовъ.—Франкъ узналъ намѣренія Лабенцкаго.—Смерть Франка въ 1791 году.—Его завѣщаніе.—Что сталося съ дѣтьми Франка.

Бурныя событія въ Парижѣ, снова разожгли польскихъ патріотовъ. Увидавъ главнаго своего врага, на востокѣ, занятымъ войною съ Турціей и Швеціей, услыхавъ съ запада, отъ симпатичнаго имъ народа, провозглашеніе идей свободы, равенства и человѣческихъ правъ, —демократы и аристократы соединяются вмѣстѣ. Они сзываютъ сеймъ, разгоняютъ преданный королю постоянный совѣтъ, оскорбляютъ русскаго резидента, принужденнаго,

съ утратою магазиновъ и пушекъ, удалиться съ войскомъ за предѣлы края; декретируютъ увеличеніе польской арміи на счетъ «фундушей» духовенства; облакаются въ народный костюмъ; проектируютъ новую конституцію, уничтожая старую; держатъ короля въ строгой опекаѣ и принуждаютъ его подписать союзный трактатъ съ Пруссіею.

Все это было дѣломъ девяти мѣсяцевъ.

Въ большомъ сеймовомъ залѣ варшавскаго замка, въ Апрѣлѣ 1790 года, засѣдали послы всѣхъ воеводствъ, одѣтые въ кунтуши и жупаны, съ подобранными головами и съ огромными усами. Дебатировали они въ интересахъ отечества съ такимъ азартомъ, что голоса ихъ были слышны на замковомъ дворѣ. Каждый желалъ открыть истинную болѣзнь правительства, но, при этомъ удобномъ случаѣ, каждый имѣлъ въ виду повредить, по возможности, своему личному врагу.

Въ одно изъ такихъ засѣданій, когда возбужденъ былъ вопросъ относительно обложенія евреевъ податями и кто-то выразился, что на нихъ нельзя много полагаться въ государственныхъ дѣлахъ, — поднялся со своей скамьи луковскій кастелянъ Езерскій и просилъ у предѣдательствававшего маршала «слова». У Езерскаго зашли недавно споры съ торговцемъ дровами, Эльяшемъ Ланскоронскимъ, которому онъ запродакъ большую партію лѣса, вслѣдствіе чего онъ и рѣшился повредить всѣмъ неофитамъ, старательно собравъ о нихъ свѣдѣнія, которыя частью какъ факты, а частью въ видѣ слуха были извѣстны публикѣ. — Маршалъ предоставилъ ему «слово».

— «Свѣтлѣйшіе представители народа!» — началъ онъ, — «Къ многочисленнымъ бѣдствіямъ, которымъ подвергается наша несчастная Польша, принадлежать не только жида, вообще, но еще въ большей степени образовавшаяся изъ ихъ среды въ новѣйшіе времена секта франктистовъ или христіанствующихъ евреевъ; ибо противъ хитрости явныхъ жидовъ еще возможно уберечься; тѣ же, тайно вращаются вокругъ насъ, въ похищенныхъ у благород-

нѣйшихъ нашихъ родовъ фамиліяхъ, какъ волки въ овечьей шкурѣ».

— Слушайте, слушайте!—раздались отовсюду голоса.

— «Какъ волки въ овечьей шкурѣ, говорю я, ибо фактически они остались жидами, въ полномъ значеніи этого слова, а только наружно стали христіанами, чтобы пріобрѣсти наши права и тѣмъ еще лучше насъ обманывать. Узнайте, представители, что секта эта, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, которыя я могу вамъ представить,— хотя образовалась всего въ 1760 году,—насчитываетъ уже въ нашемъ королевствѣ 25 тысячъ головъ, изъ коихъ большая часть проживаетъ въ Мазовецкомъ и Лаблинскомъ воеводствахъ и до 8 тысячъ въ Варшавѣ и ежедневно увеличивается жидами. Патріархъ этой секты проживаетъ теперь въ Оффенбахѣ, близъ Франкфурта, и окруженъ княжескимъ дворомъ, содержимымъ на счетъ секты, а поведеніе старшаго его сына и дочери извѣстно, вѣдь, всей Варшавѣ».

— Приступите къ категорическому обвиненію этихъ гражданъ, господинъ кастелянъ,—замѣтилъ маршалъ.

— «Прежде всего хочу обвинить ихъ за религію,— продолжалъ Езерскій,— ибо, какъ я уже замѣтилъ, они остались прежними жидами и тайно справляютъ шабашъ. Здѣсь, въ Варшавѣ, у нихъ устроены молельни при желѣзныхъ воротахъ, на Сольцѣ, при Желѣзной улицѣ и въ иныхъ мѣстахъ, которыя они посѣщаютъ по ночамъ; въ костелы ходятъ рѣдко и то для вида; оглашеній не дѣлаютъ, браки заключаютъ только между собою; въ ихъ брачныхъ обрядахъ и крещеніи заключается тайна; мальчики ихъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ подвергаются обрѣзанію; обрядъ погребенія рѣдко имѣетъ у нихъ мѣсто, такъ какъ обыкновенно они умираютъ въ пути. Все, что они должны дѣлать по новому завѣту, они считаютъ грѣхомъ, прощаемымъ ветхимъ завѣтомъ.— Религія народа, безъ сомнѣнія, составляетъ основаніе правительства; а намъ, исповѣдующимъ святую христіанскую католическую религію, развѣ подобаетъ быть къ ней

равнодушными и дозволить, чтобы жида насъ мистифицировали?

Въ собраніи поднялся такой шумъ, что маршалъ принужденъ былъ ударомъ жезла водворить порядокъ.

— «Далѣе, обвиняю ихъ за ихъ жизнь, какъ гражданъ,—продолжалъ Езерскій.—Добродѣтель и честность—вещи не извѣстныя этимъ Тартюфамъ, ибо основаніе ихъ нравственности—обманъ и лихва. Каждый неофитъ, какъ бы вѣжливо онъ не обходился съ посторонними, помимо этого есть воръ, обманщикъ и интригантъ, посягающій хитрыми и завистливыми глазами на чужое добро и только помышляющій о томъ, чтобы разбогатѣть на нашъ счетъ, нарушая для этой своей цѣли законы. Гордость, подлость, безбожіе и фальшь,—вотъ характеръ неофитовъ, которые далеко хуже явныхъ жидовъ. По конституціи 1764 года они пользуются правами городскихъ обывателей и имъ дозволены всяческія занятія, установленныя тѣми правами, но они выбираютъ самыя легкія и прибыльныя и владѣютъ уже огромнымъ богатствомъ; въ Варшавѣ же они какъ пивовары и шинкари примѣшиваютъ къ этимъ напиткамъ вредныя наркотики. Не позоръ ли просвѣщенному и цивилизованному народу, признавать за такими людьми христіанскіе права?».

Поднялась новая буря въ сеймѣ.

— «Наконецъ, обвиняю ихъ въ политическихъ преступленіяхъ. Они являются самыми близкими сторонниками и шпионами враговъ нашего отечества, хотя теперь, во время нашего обновленія, показываются въ польскихъ контушахъ, конфедараткахъ, при карабеляхъ и пистолетахъ. Тайный планъ ихъ таковъ: утвердить жидовское царство въ Польшѣ, въ которой хотятъ занять мѣсто аристократіи. Неслыханное дѣло,—какія огромныя суммы денегъ собираютъ они ежегодно и посылаютъ въ Офенбахъ на содержаніе двора своего патріарха. По сообщенію, блаженной памяти, Виттгофа, президента стараго города Варшавы, каждый изъ варшавскихъ неофитовъ, въ 1780 году ежедневно платилъ, лишь для этой цѣли,

по 15 грошей, что составляет, на 25 тысячъ всего края, 4 съ половиною милліона злотыхъ; допустимъ всего половину—и то получимъ огромную сумму. Деньги эти они высылаютъ черезъ своихъ агентовъ до границы въ двухъ срокахъ, а на границѣ ихъ получаютъ люди, высланные Франкомъ. Кромѣ того, много изъ нихъ отправляется ежегодно къ своему патріарху и, одинаково, вывозятъ изъ края пропасть денегъ.

— Вы кончили уже, господинъ кастелянъ?—спросилъ маршалъ.

— Кончилъ,—отвѣчалъ Езерскій,—и вотъ письменно изложенная жалоба.

— Приступимъ теперь къ голосованію—о томъ, какія слѣдуетъ сдѣлать распоряженія по этому вопросу,—сказалъ маршалъ.

Сеймъ постановилъ: отослать жалобу на разсмотрѣніе и заключеніе подлежащихъ правительственныхъ комиссій, а именно: часть, касающуюся религіи,—въ комиссію исповѣданій, часть полицейскую — въ комиссію внутреннихъ дѣлъ и часть политическую (собственно, вывозъ денегъ за границу)—въ комиссію финансовъ.

Вѣсть о сдѣланномъ нападеніи въ сеймѣ поразила Лабенцкаго и файнаберовъ какъ громомъ. Лабенцкій однако не потерялъ головы: онъ немедленно запретилъ отправлять тайный шабашъ, прекратилъ свою переписку, спряталъ могущія его компрометировать бумаги и послалъ значительные денежные подарки начальникамъ правительственныхъ комиссій. Послѣдніе велѣли ему передать, чтобы онъ былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ жалобу Езерскаго они считаютъ на-столько выдуманною и ребяческою, что никакого по ней слѣдствія не будетъ. И, дѣйствительно, въ этомъ духѣ правительственныя комиссіи донесли сейму, который, по выслушаніи, перешелъ къ очереднымъ дѣламъ.

Послѣ этого событія, при существованіи свободы печати, появилось множество брошюръ противъ франкистовъ. Расшевелили интересный для всѣхъ вопросъ, съ

возбужденіемъ разумѣтся зависти къ хорошему быту и богатству отдѣльнаго класса людей, открывъ обширное поле для сатиры и насмѣшекъ. За перо брался всякій, кто только умѣлъ писать; каждый хотѣлъ открыть что нибудь новое, при чемъ, одни писали остроумно, а другіе—слабовато; ¹⁾ общимъ же результатомъ всей этой «афишеманіи» было то, что имя неофита, въ теченіи короткаго времени, было на устахъ всего польскаго общества, и что варшавская чернь указывала пальцами на франкистовъ.

Въ эту несчастную эпоху Іосифъ и Ева, прибывшіе еще въ ноябрѣ 1789 года въ Варшаву, очутились въ весьма грустномъ положеніи.—Нашли они столицу въ состояніи броженія, бурливою и революціонною; дворъ Понятовскаго, когда-то веселый, теперь представлялся въ родѣ монастыря; аристократія, печальная и занятая своею ролью, не думала объ увеселеніяхъ.—Братъ и сестра со времени рѣчи Езерскаго не только были холодно приняты у аристократіи, но подвергались даже оскорбленіямъ черни на улицахъ.

Семейства неофитовъ находились въ большомъ страхѣ и не выказывали уже прежняго почтенія къ дѣтямъ патриарха. Бракъ Евы съ Романомъ Шимановскимъ не состоялся, вслѣдствіе того, что старый Шимановскій отказалъ дать сыну миллионъ (злотыхъ), какъ того требовала Ева.

Лабенцкій мало разговаривалъ съ дѣтьми Франка, относился къ нимъ сурово и запретилъ имъ всякую переписку съ ихъ отцемъ. Жизнь въ это время представлялась имъ по истинѣ адскою.

Въ Іюнь того же (1790 года) вице-патріархъ созвалъ у себя тайный совѣтъ.

— Друзья мои,—обратился Лабенцкій къ совѣтникамъ,—прежде всего, мы должны удалить отсюда дѣтей

¹⁾ Изъ множества брошюръ, приведены мною только нѣкоторыя, такъ какъ другія составляютъ библиографическую рѣдкость въ наше время.—

нашего патріарха, — на которыхъ направлены главные выстрѣлы сумасшедшихъ поляковъ, — тѣмъ болѣе, что поведеніе ихъ было небезукоризненное, а князь Іосифъ плохой кандидатъ на будущаго нашего предводителя. Въ этихъ видахъ я предполагаю ассигновать имъ извѣстную денежную сумму на поѣздку и, затѣмъ, увѣдомить нашего патріарха, что впредь онъ будетъ получать отъ насъ, — и то съ большою предосторожностью, — уменьшенное содержаніе и краткія донесенія. Пусть онъ ограничитъ свой «дворъ» или вытягиваетъ большія подати изъ другихъ своихъ провинцій; мы же, въ настоящее время, должны дѣйствовать такъ, какъ требуетъ того наша политика, то есть, играть роль польскихъ патріотовъ, защищать страну въ рядахъ войска, посѣщать постоянно католическіе костелы, а, главное, не жалѣть денегъ для пріобрѣтенія благосклонности у предводителей революціи. Этимъ только средствомъ можемъ успокоить подымающуюся на насъ бурю. Какое ваше мнѣніе, господа?

Воловскій и Ланцкоронскій вполнѣ согласились съ тѣмъ, что предполагалъ Лабенцкій.

Іосифъ и Ева, по полученіи тяжелаго сундука съ деньгами и писемъ къ ихъ отцу, попросившись наскоро со знакомыми, поѣхали въ скромномъ экипажѣ въ Краковъ. Тамъ Ева взяла отъ крестьянки своего ребенка, 4-хъ лѣтнюю Марію, утверждая брату, что дитя это осталось послѣ умершей ея подруги, которой она обѣщала замѣнить собою мать. Іосифъ, замѣтя необыкновенное сходство малютки со своею сестрой, сдѣлалъ подозрительную гримасу.

Въ началѣ Іюля 1790 года прибыли они неожиданно въ Оффенбахъ и, не смотря на позднее время, вошли въ кабинетъ отца.

— Дорогой отецъ! — воскликнули они, упавъ къ ногамъ отца, — на этотъ разъ мы привезли печальныя новости.

— Для меня достаточно уже и того, что вижу васъ снова въ свободномъ состояніи, — отвѣчалъ холодно Франкъ.

— Прочитайте письмо Лабенцкаго,—сказаль Іосифъ,—и вамъ станетъ очевидно, что дѣло идетъ о болѣе важномъ.

Франкъ сталъ читать поданное ему письмо и, затѣмъ, остановившись на половинѣ, сказалъ:

— Оставьте меня одного, мои дѣти.

— О, Лейба Нотовичъ!—воскликнулъ онъ громко, шагая по комнатѣ.— Я вижу тебя теперь насковозь, и то, что было у меня только темнымъ предчувствіемъ, въ настоящее время стало явнымъ! Ты—неблагодарный измѣнникъ, бунтовщикъ,—стремишься сдѣлаться независимымъ во время моей жизни, а послѣ моей смерти—стать патриархомъ съ цѣлымъ своимъ родомъ! Ничтожною рѣчью сумасшедшаго польскаго патриота ты воспользовался для прикрытія первыхъ твоихъ шаговъ, какъ будто мы не бывали съ тобой въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, а боролись же счастливо! Будь проклято мое къ тебѣ довѣріе, вслѣдствіе котораго я оставилъ наиважнѣйшую мою провинцію!.... Осталась мнѣ одна еще надежда,—вѣрность Воловскаго!

Послѣ долгаго размышленія, Франкъ велѣлъ позвать своего секретаря Бржезинскаго.

— Лейзоръ,—сказаль онъ ему,—отвѣтъ варшавскому вице-патриарху, что я благодаренъ ему за принятія имъ въ его положеніи мѣры и что, впредь, для полученія патриаршаго содержанія, будетъ высылаться мною Ясинскій, который получитъ его въ векселяхъ варшавскаго банкира Теппера, выставленныхъ на предьявителя у такого же банкира во Франкфуртѣ. Этимъ способомъ высылка мнѣ денегъ не можетъ быть открыта.

Въ ту же ночь написалъ Франкъ собственноручно письмо къ Іегудѣ-Воловскому, въ которомъ благодарилъ его, въ лестныхъ выраженіяхъ, за всегдашнюю и испытанную вѣрность, а въ концѣ приглашалъ его пріѣхать въ Оффенбахъ, такъ какъ намѣренъ дать ему доказательство своей особенной милости. Милость эта должна была выразиться въ томъ, что Воловскій будетъ назна-

ченъ вице-патріархомъ, съ устраненіемъ, разумѣтся, Лабенцкаго.

Съ письмомъ этимъ былъ высланъ въ Варшаву молодой Иванъ Воловскій, которому Франкъ приказалъ возвращаться какъ можно скорѣе и вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Матушевскаго же онъ послалъ съ письмомъ къ Оппенгеймеру, котораго просилъ откровенно сообщить мнѣніе неофитовъ въ Прагѣ, Брюнѣ и во Львовѣ относительно наслѣдованія патріаршаго престола сыномъ Франка, Іосифомъ.

Тѣмъ временемъ, когда Ева, отдавшись въ руки Сусанны и Лиды, играла роль чувствительной и любящей домашнія развлеченія подруги, Іосифъ долженъ былъ по цѣлымъ днямъ оставаться съ отцемъ, который объяснялъ ему свои отношенія и тайную свою политику удержаться на тронѣ.

— Теперь, сынъ мой, — говорилъ укоризненно Франкъ, — ты, наконецъ, убѣдился, на-сколько ты заблуждался, коснѣя въ обычаяхъ и грѣхахъ большого свѣта, вмѣсто того, чтобы вести скромную, святую, жизнь и тѣсно соединиться съ нами. Незамедлю исправить послѣдствія твоихъ заблужденій, коль скоро ты измѣнишь образъ твоей жизни.

И дѣйствительно, Іосифъ совершенно перемѣнился: сидѣлъ постоянно надъ книгою Согаръ и подражалъ отцу во всемъ, начиная отъ ранней молитвы въ полѣ, до лежанія ничкомъ передъ алтаремъ въ церкви деревни Биргель; такъ, что домашніе видѣли уже въ немъ кандидата въ святые.

Въ концѣ 1790 года Моисѣй Ясинскій былъ высланъ патріархомъ въ Варшаву для полученія содержанія и для разузнанія причинъ непонятнаго молчанія Воловскаго.

Матушевскій прислалъ изъ Австріи донесеніе вмѣстѣ съ письмомъ отъ Оппейгеймера, въ которомъ тотъ писалъ, что всѣ неофиты душою и тѣломъ преданы своему патріарху, но, что о сынѣ его, котораго они не видѣли со времени выхода его изъ университета, судить не могутъ.

Матушевскій извѣщалъ, что получилъ изъ Варшавы письма, призывающія его туда немедленно для содѣйствія великой реставраціи отечества.—

— Видишь теперь, сынъ мой, послѣдствія твоихъ заблужденій?—сказалъ Франкъ, прочитавъ посланія:—твои будущіе подданные не знаютъ тебя. Поздно уже съ ними знакомиться. А, быть можетъ, и лучше, что тебя во все не знаютъ: издали все кажется лучшимъ.

Спустя два мѣсяца, вернулся изъ Варшавы Ясинскій съ письмами отъ Лабенцкаго и Воловскаго и съ значительною суммою денегъ золотомъ, однако менѣе чѣмъ въ половинномъ количествѣ противъ прежняго.—

Вице-патріархъ, по обыкновенію, сообщалъ о положеніи дѣлъ, но нарекалъ на польское правительство, наблюдавшее зорко и неустанно за сектой. По этому поводу онъ писалъ такъ: «не былъ въ состояніи ни писемъ, ни векселей пересылать почтою, а Ясинскому далъ столько денегъ, сколько онъ былъ въ состояніи увезти съ собой». Въ томъ же письмѣ онъ сообщилъ, что второй сынъ Франка Рохъ женился на дѣвицѣ изъ Эстляндіи и, тѣмъ самымъ, отдѣлился отъ секты.

Іегуда-Воловскій писалъ, съ своей стороны, что силь но сожалѣеть, о невозможности въ такое критическое время отлучиться изъ Варшавы, какъ равно и сынъ его, принявшій званіе «кавалера» при графѣ Станиславѣ Костка Потоцкомъ.—Ясинскій же сообщилъ, что варшавскіе не-офиты стали самыми яркими патріотами, что въ домѣ Лабенцкаго собираются главнѣйшіе предводители революціи, а самъ Лабенцкій такъ былъ занятъ, что онъ, Ясинскій, едва могъ недолго поговорить съ нимъ наединѣ.—

Эти новости сильно огорчили Франка. «Боже!—воскликнулъ онъ,—какъ жестоко преслѣдуетъ меня судьба! Сынъ мой, Рохъ, сдѣлался гоймомъ; мои камеръ-юнкеры оставили меня; лучшіе мои друзья,—эти столбы, на которыхъ опиралась моя власть,—измѣнили мнѣ».—Такія мысли дѣйствовали разрушительно на его здоровье.—Скоро умру, сынъ мой,—сказалъ однажды Франкъ, обра-

шаясь къ Иосифу; въ письменномъ столѣ ты найдешь мое завѣщаніе. —

1791 годъ прошелъ для обитателей Оффенбахскаго замка скучно и тихо. Во Франціи, революція дошла до огромныхъ размѣровъ, а множество явившихся оттуда въ Оффенбахъ выходцевъ свидѣтельствовало о господствовавшей анархіи въ ихъ странѣ. Посланный вторично въ Варшаву, Ясинскій привезъ еще менѣе денегъ, чѣмъ въ первый разъ и коротенькое донесеніе отъ Лабенцкаго; при этомъ, Ясинскій не могъ наговориться, описывая всеобщую радость, по случаю объявленія новой либеральной конституціи 3-го мая, выработанной итальянцемъ Пьятоли, которая обезпечивала и неофитамъ лучшую будущность, такъ какъ, согласно той конституціи, аристократія не имѣла болѣе мѣста въ Польшѣ. —

Такимъ образомъ, въ напрасномъ ожиданіи лучшихъ временъ, пришла зима 1791 года. Франкъ постоянно ослабѣвалъ.

9-го декабря, въ 8 часовъ утра, возвратившись въ замокъ послѣ обычной молитвы, патріархъ, разговаривая съ секретаремъ своимъ Бржезинскимъ, вдругъ почувствовалъ себя дурно и упалъ, пораженный ударомъ апоплексіи. Призванный немедленно докторъ Апьеръ Магнусъ открылъ ему кровь, послѣ чего Франкъ пришелъ нѣсколько въ себя. Въ замкѣ поднялся большой переполохъ. Иосифъ неотходилъ отъ постели отца, который едва могъ произносить слова и вспоминалъ постоянно о завѣщаніи.

На другой день больному, повидимому, стало лучше и рѣчь его сдѣлалась болѣе внятною. Онъ призывалъ ближайшихъ особъ изъ своихъ домашнихъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, умереть на ихъ рукахъ. —

— «Приближается мой конецъ, — сказалъ онъ имъ, живите въ согласіи и будьте послушны сыну моему, будущему вашему патріарху».

Послѣ этихъ словъ, сталъ прощаться со всѣми присутствовавшими, которые горько плакали; а 10-го декабря, въ часъ по полудни, скончался на рукахъ сына. —

Оффенбахскіе неофиты пали духомъ, ибо многіе изъ нихъ почитали Франка безсмертнымъ. Иосифъ немедленно досталъ изъ стола завѣщаніе отца, созвалъ всѣхъ неофитовъ въ большой залъ и велѣлъ Бржезинскому прочитать написанное.

«Сынъ мой Иосифъ,—гласило завѣщаніе,—наслѣдуетъ послѣ меня тронъ князя-патріарха согаритовъ. Вы,—всѣ послѣдователи мои и вѣрные, гдѣ бы ни проживали, должны быть вполне ему подвластными и послушными, какъ таковыми были въ отношеніи меня. Всѣхъ измѣнниковъ и бунтовщиковъ—проклинаю.—Дочери моей, Евѣ, назначаю ежегодно по 3 тысячи червонцевъ, а каждый изъ моихъ приближенныхъ официалистовъ и домашнихъ останутся на своемъ мѣстѣ и при моемъ наслѣдникѣ. Я не умру, но, только, на одинъ моментъ васъ покину, согласно призванію Божію, до того времени пока не возвращусь къ вамъ въ торжествѣ. Духъ мой будетъ всегда съ вами. Держитесь крѣпко вашей вѣры, которая ведетъ васъ къ счастію какъ земному, такъ и небесному. Да будетъ препрославленъ Всевышній!»

По прочтеніи завѣщанія, всѣ присутствовавшіе пали къ ногамъ Иосифа, обнимали его колѣни и цѣловали ему руки. Все это растрогало Иосифа, и онъ съумѣлъ поддѣржать достоинство своего новаго званія.—

Въ тотъ же самый день Ясинскій былъ посланъ въ Варшаву, а Пясецкій въ Прагу, Брюнъ и во Львовъ съ извѣщеніями о смерти патріарха и о вступленіи на престолъ Иосифа II-го. Они повезли съ собою и копии съ завѣщанія покойнаго.

Въ полдень 12-го декабря состоялись торжественныя похороны Франка ¹⁾. Въ то время въ Оффенбахѣ

¹⁾ Въ библиотекѣ имени Оссолинскихъ, во Львовѣ, находится печатная брошюра, съ изображеніемъ лежащаго въ гробѣ тѣла Франка и съ подробнымъ описаніемъ его похоронъ.—Однаково подробно описаны его похороны Франкфуртскою газетою, отъ 17-го декабря, а въ польскомъ переводѣ—въ газетѣ народной, отъ 11-го января 1792 года.

находилось до 800 неопитовъ; сверхъ того, собрались на проводы почти все жители города и многіе прїѣзжіе изъ Франкфурта, но въ замокъ не входили, такъ какъ ворота его были заперты, по случаю совершенія надъ тѣломъ покойнаго тайнаго обряда. Наконецъ, показался на шестиконномъ катафалкѣ, обитый бѣлымъ бархатомъ, гробъ. Впереди гроба шла конная и пѣшая гвардія. При гробѣ, съ обѣихъ сторонъ, по шести слугъ, имѣя на шляпахъ и на рукавахъ бѣлый крѣпъ; за гробомъ, въ глубокомъ траурѣ, шли Іосифъ съ Евою; за ними экипажи покойнаго, а затѣмъ, попарно, длинная вереница неопитовъ обоого пола, при чемъ, женщины были одѣты въ бѣлыя платья, наконецъ, въ безпорядкѣ, шествовала толпа тысячи въ двѣ человекъ.

Погребальная процессія прибыла на кладбище въ Биргелѣ, гдѣ мѣстный священникъ произнесъ рѣчь, восхваляя въ ней христіанскія добродѣтели покойнаго; все неопиты молились стоя на колѣнахъ, а когда гробъ опускали въ могилу, то поднялся такой плачь и крикъ, что было слышно въ Оффенбахѣ. —

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, жизнь въ замкѣ не измѣнялась, и новый патріархъ соблюдалъ во всемъ порядокъ и церемоніалы своего отца; но когда посланные курьеры не возвращались обратно, писемъ не получалось и денегъ ни откуда не присылалось, и когда князь изенбургскій сообщилъ, вѣжливымъ образомъ, что срокъ найма замка истекаетъ и что въ немъ желаетъ поселиться наследникъ престола, — тогда Іосифъ понялъ, что какой то узурпаторъ похитилъ принадлежащій ему, по праву, патріаршій тронъ.

— Что намъ дѣлать, сестра? — спросилъ онъ однажды у Евы. — У насъ всего въ кассѣ тысяча червонцевъ, а завтра мнѣ понадобится въ три раза больше для уплаты жалованія служащимъ.

— Ничего не остается болѣе, — отвѣчала со слезами на глазахъ Ева, — какъ продать все наши цѣнныя вещи, сократить расходы и ждать нѣкоторое время, такъ какъ

въ Польшѣ наступили, вѣроятно, важныя политическія событія, по причинѣ которыхъ мы и не получали извѣстій.

— Прекрасно,—замѣтилъ Іосифъ,— но почему же не отвѣчаютъ другіе вице-патріархи?

— Это обстоятельство и меня смущаетъ,— призналась Ева.

Распродажа началась съ лошадей и экипажей; потомъ пришла очередь серебру и брилліантамъ; при этомъ было уменьшено жалованіе служащимъ, между которыми началось уже безпокойство. Бржезинскій надумался первымъ: онъ уговорилъ нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ товарищей образовать отдѣльную общину въ Роттердамѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ, и, затѣмъ, взявши увольненіе, поѣхалъ съ ними туда. За его примѣромъ пошли разъѣзжаться многіе изъ Чехіи и Моравіи. Докторъ Аперъ Магнусъ, которому удалось таки образовать во Франкфуртѣ общину, принялъ въ нея немногихъ изъ проживавшихъ въ замкѣ; оставшіеся изъ класса лапсердаковъ стали пріискивать себѣ работы на оффенбахскихъ фабрикахъ. Вскорѣ покинули замокъ Іосифъ и Ева, сильно скучавшіе и потерявшіе терпѣніе въ напрасномъ ожиданіи извѣстій.

Посѣщавшіе, въ слѣдующіе, засимъ, три года, эмскія воды, встрѣчали тамъ барона Франка съ его сестрой, ведшихъ далеко не такую шумную жизнь, какъ прежде. Баронъ сталъ франтомъ по современной революціонной модѣ: онъ показывался вездѣ въ длинномъ свѣтломъ фракѣ съ короткою талією и лежачимъ воротникомъ; шея его была обмотана большимъ платкомъ; длинные волосы, въ ухахъ серьги, двое небольшихъ часовъ, большіе, съ острыми носками, сапоги и огромная палка въ рукахъ,—дополняли костюмъ. Онъ не покидалъ зеленого стола и игралъ счастливо. Ева была занята своими обожателями.

Тѣмъ временемъ, старое сарматское государство пребывало въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Уже въ маѣ 1792 года вторглись русскія войска въ Польшу, послѣ заклю-

ченнаго внезапно міра съ Турцією, чтобы охранить польскій народъ отъ навязанной ему якобинцами конституціи, а Пруссаки расторгли съ нею союзный трактатъ.

22-го іюля 1793 года дошло до втораго раздѣла, вслѣдствіе чего началось, подъ предводительствомъ Костюшки, возстаніе, въ которомъ демократія повѣсила многихъ аристократовъ; наконецъ, 21-го октября 1794 года, Суворовъ взялъ штурмомъ Варшаву, и, затѣмъ, послѣдовало отрѣченіе короля Понятовскаго отъ трона и третій раздѣлъ Рѣчи Постолитой.

Однажды зимою 1794 года, когда Іосифъ съ Евою предавались воспоминаніямъ минувшихъ дней и высчитывали погибшихъ и эмигрировавшихъ своихъ пріятелей, къ нимъ вошелъ неизвѣстный господинъ, объявившій, что онъ изъ Варшавы и по порученію своего знакомаго взялся лично передать Франку письмо. Вручивши письмо неизвѣстный удалился.

— Ева, — воскликнулъ Іосифъ, — я получилъ письмо отъ Лабенцкаго: на конвертѣ его почеркъ и печать.

— Читай скорѣе, — обрадовалась Ева.

Письмо заключало слѣдующее: «Милостивый господинъ баронъ. Только теперъ, съ прекращеніемъ бурнаго времени въ Польшѣ, я нахожусь въ состояніи отвѣчать вамъ. Смерть вашего достойнаго родителя, по истинѣ, святаго человѣка, сильно насъ всѣхъ опечалила, а воспоминаніе о немъ, какъ о нашемъ отцѣ, учителѣ и благодѣтелѣ, на вѣки останется дорогимъ для всѣхъ насъ. Сознавая, поэтому, обязанности и въ отношеніи его дѣтей, я уполномоченъ извѣстить васъ, что для васъ, господинъ баронъ, назначено содержаніе по 1000 червонцевъ, а для сестры вашей по 500 червонцевъ ежегодно, каковыя суммы вы можете получать четыре раза въ годъ у парижскаго банкира François Lesage, начиная съ 1875 года, подъ условіемъ, что, впредь, вы обязаны проживать въ Парижѣ, — гдѣ, послѣ паденія тирана Робеспьера, нѣтъ болѣе опасности, — и никогда не появляться

въ Варшавѣ. Молю Бога о принятіи васъ подь Его святую опеку.

«Данъ въ Варшавѣ 15 Ноября 1794 г.

Лейба Нотовичъ».

— О! измѣнникъ!—воскликнулъ гнѣвно Іосифъ.—Проклятая нужда! Не будь ее, я бы не принялъ отъ тебя и милліона! И такъ, я детронизованъ и сажу на пенсіи. Завидная судьба....

— А мнѣ сказала гнѣвно Ева,—расходовавшая по 20 тысячъ ежегодно,—даютъ теперь всего ничтожныхъ 500 червонцевъ. О, справедливость!...

Долго еще они нарекали, жаловались на судьбу, но, наконецъ, продавъ остальные вещи, къ новому году, въ сопровожденіи дочери своей Маріи и стараго лакея, отправились на жительство въ Парижъ.

Въ теченіи многихъ лѣтъ проживали на Оффенбахскихъ фабрикахъ неофиты бывшаго «двора» Франка, постепенно уменьшаясь численно. Они почитались за прилежныхъ, спокойныхъ и не очень сообщительныхъ рабочихъ. По субботамъ ихъ видывали молящимися на могилѣ своего патриарха. На могилѣ лежитъ четырехугольный камень, со скромною надписью «Баронъ Франкъ 1791 года».

Еще, до нынѣшняго времени, ежегодно, въ лѣтнюю пору жители Оффенбаха видятъ въ своей гостинницѣ заѣзжихъ особъ, приличной наружности и даже украшенныхъ орденами. Незнакомцы выдаютъ себя за польскихъ графовъ, справляются на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ о дорогѣ въ деревню Биргель, а по прибытіи туда, отправляются на кладбище, гдѣ долго молятся и, затѣмъ, немедленно уѣзжаютъ обратно.

ГЛАВА XII.

Неофитизмъ въ Польшѣ ¹⁾.

Содержаніе: Варшава — столица неофитовъ. — Неофиты при правленіи Пруссіи. — Открытіе синагоги на Данилевической улицѣ въ 1804 году. — Фуше и неофиты въ 1806 г. — Неофиты въ Царствѣ Польскомъ. — Поведеніе неофитовъ въ 1830 и 1831 г.г. — Эмиграція неофитовъ. — Общій взглядъ.

Польша, какъ государство, давно уже пала, но, на ея развалинахъ, утвердилось и цвѣтетъ царство неофитовъ, простирающее шупальцы полипа въ сосѣднія страны. Для этого царства безралачны права царей Идумеи: оно существуетъ тайно, вполнѣ удовлетворяясь самимъ собою, руководимое одною мыслью; — совокупляетъ въ іудействѣ разнородныя религіи. Нигдѣ, за исключеніемъ лишь Польши, секта эта не въ состояніи благоприятно процвѣтать и развиваться, конечно, до тѣхъ поръ, пока деморализованное христіанское населеніе будетъ находиться въ непрестанной между собою борьбѣ, пока оно, это населеніе, будетъ слагаться изъ пановъ и рабовъ, ²⁾ и изъ многочисленнаго «подобія» средняго сословія, — евреевъ, — запустившаго когти коршуна въ тѣла двухъ остальныхъ, — однимъ словомъ, пока христіанское населеніе не пойметъ своего собственнаго интереса и не сдумаетъ усвоить европейской цивилизаціи. Теперь во главѣ секты

¹⁾ Въ этой главѣ мы выпустили нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ авторъ, отступивъ отъ описанія фактовъ, придаетъ слишкомъ большое значеніе сектѣ франкистовъ. Поэтому, чтобы не портить общаго впечатлѣнія разсказа, мы помѣщаемъ отдѣльное заключеніе, основанное на настоящемъ положеніи евреевъ въ з. Европѣ и у насъ, въ Россіи, и, затѣмъ, попытаемся опредѣлять появленіе секты франкистовъ и ея исчезновеніе, въ повѣшее время, естественнымъ, историческимъ ходомъ событий. — Прим. Переводчика.

²⁾ Припомнимъ читателю, что все это было писано въ 60-хъ годахъ этого столѣтія. Рабства, *de jure*, не существовало въ Польшѣ; *de facto* оно уничтожено 20 лѣтъ тому назадъ, — съ изданіемъ указа 19 Февраля 1864 года.

не ф҃угурируетъ болѣ тщеславный баронъ Франкъ,— этотъ еврейскій Калиостро,—чтобы первый встрѣчный гоймъ могъ бы указать пальцемъ на владку тайнаго царства,—сегодня патріаршая корона украшаетъ голову какого нибудь скромнаго человѣка, занятаго, для отвода глазъ, житейскими дѣлами, на подобіе архиваріуса Линдгорета, въ фантастическомъ разсказѣ Гоффмана ¹⁾).

Никто достовѣрно не можетъ указать ни на особу, ни на мѣсто жительства этого патріарха, кажется, однако, что Варшава, какъ главный центръ поселенія его магнатовъ, составляетъ и его столицу.

Какъ не таинственны дѣла этого царства, однако, на сколько они обнаружились явно, мы изложимъ здѣсь вкратцѣ.

Варшава, въ 1795 году, досталась, вмѣстѣ съ территоріею въ 2 тысячи квадратныхъ миль, Пруссіи. Прусское правительство употребляло всѣ усилія къ онѣмеченію новопріобрѣтенныхъ славянскихъ провинцій, а, для совершеннаго сліянія, хотѣло надѣлить эти провинціи всѣми своими учрежденіями. Такая работа Геркулеса въ хлѣвахъ Авгія была поручена нѣмецкимъ чиновникамъ, незнакомымъ ни съ краемъ и съ его жителями, ни съ языкомъ. Прусская система, хорошо обдуманная, но плохо исполненная,—заключалась, въ отнятїи у шляхты привилегій, въ прекращеніи крѣпостнаго права, въ созданіи третьяго сословія и въ предоставленіи таланту, безъ различія родоваго происхожденія, открытаго поприща въ государственной службѣ. Одни только евреи не пріобрѣли гражданскихъ правъ: исповѣдуемая ими религія была признана какъ терпимая, а, для соблюденія полицейскаго порядка, ихъ обязывали измѣнять еврейскія фамиліи на нѣмецкія ²⁾).

¹⁾ Der geldene Kopf. прим. перев.

²⁾ Въ насмѣшку надъ пруссаками, евреи приняли тогда комическія прозвища, напримѣръ: торговецъ желѣзомъ назвался Центнершверъ, маляръ—Гиммельфарбъ, лабазникъ—Мальвурмъ, спекулянтъ—Гольбпартъ и

Неофиты, благодаря ихъ польскимъ фамиліямъ и перенятымъ, наружно, польскимъ обычаямъ, считались пруссаками за польскую шляхту, отрѣшившюся отъ старыхъ предразсудковъ и предавшюся, съ похвальнымъ прилежаніемъ, промышленности и торговлѣ; а потому, какъ пионеры на пути радикальнаго перерожденія шляхты, они заслужили всяческое покровительство властей. Только впоследствии, пруссакамъ показались странными постоянное сношеніе неофитовъ съ евреями и окружающая ихъ таинственность; но объяснить эти явленія они не сумѣли.

Теперь, христіанствующіе евреи въ Польшѣ, впервые очутились въ новомъ для нихъ политическомъ положеніи, впервые увидѣли передъ собой открытый путь къ политической и общественной карьерѣ; могли, въ качествѣ равноправныхъ гражданъ, занимать должности и владѣть имѣніями. Однако, фейнеберы не воспользовались такимъ, повидимому, благопріятнымъ моментомъ: они видѣли, что поляки удалились отъ общественной службы, да и сами они не симпатизировали педантическимъ нѣмецкимъ чиновникамъ. Они основательно соображали, что главною цѣлью поступленія ихъ на службу, составляло бы пріобрѣтеніе вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, чего, при отдаленности Варшавы отъ Берлина и при неподатливости прусскаго правительства на различныя «вліянія,» достигнуть было нелегко, а такъ какъ пріобрѣтеніе имѣній не охраняло ихъ вовсе отъ презрѣнія со стороны польской аристократіи,—то они и разсудили остаться, по-прежнему, городскими промышленниками. Извѣстно, какія большія суммы наличныхъ денегъ обращались въ то время въ Польшѣ и сколько огромныхъ помѣщичьихъ имѣній было растрачено на роскошь. Всѣмъ этимъ умѣли пользоваться фейнеберы и нажили себѣ большія состоянія. Дѣтямъ своимъ они давали блестя-

т. д. Между собою же, они прозывались прежними своими еврейскими фамиліями.

ище, по внѣшности, воспитаніе и образованіе и только бѣднѣйшіе изъ неофитовъ довольствовались докторскимъ дипломомъ или низшими должностями на казенной службѣ.

Съ Іосифомъ и Евою неофиты не имѣли никакихъ сношеній; надо, однако, полагать, что Іосифъ питалъ еще надежду на полученіе утраченнаго имъ патриаршаго трона, такъ какъ въ 1800 году неофитскія общины въ Чехіи и Моравіи получили отъ него письмо въ этомъ духѣ, съ приложеніемъ пастырскаго посланія и завѣщанія его отца, писанныхъ, по еврейски, красными чернилами.—¹⁾ Старѣйшины тамошнихъ общинъ, по всей вѣроятности, вошли въ сношеніе по этому поводу съ варшавскимъ патриархомъ, ибо замѣчено было, что съ того времени, состоявшій въ званіи кавалера при графѣ Поттоцкомъ, Янъ Воловскій, сталъ вести съ претендентомъ живую переписку, о содержаніи которой не находимъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Подъ конецъ прусскаго правленія въ Польшѣ, въ 1805 г., узнало прусское правительство о существованіи секты «тайныхъ евреевъ, называемыхъ франкистами», подозрѣваемой во многихъ отношеніяхъ, а, всего болѣе, въ опасныхъ для Пруссіи связяхъ съ австрійскими поляками. Трудно понять почему свѣдѣнія о франкистахъ дошли такъ поздно до правительства, тогда какъ, 8 лѣтъ передъ тѣмъ, еврей Кольмансонъ описалъ эту секту въ своемъ трактатѣ «о польскихъ евреяхъ». Достовѣрно то только, что варшавская полиція получила предписаніе слѣдить за этой сектой неустанно и въ особенности провѣрить обвиненіе о тайномъ празднованіи шабаша.

Оберъ-коммисаръ варшавской полиціи, Гейбахъ, — маленькій, юркій человѣчекъ, съ острымъ носомъ и фискальною фізіономією, характеризующею всѣхъ прусскихъ чиновниковъ, — билъ себя по лбу, когда получилъ

¹⁾ Объ этомъ упоминаетъ и Петръ Беръ Веегъ въ своей книгѣ: «о еврейскихъ сектахъ».

такое тайное предписаніе отъ президента камеры, де-Гейма.

— Какъ могъ я не знать о такой важной вещи, воскликнулъ онъ и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ наилучшаго своего шпиона Мейера Гальдринга, польскаго но уже вполне онемѣченнаго еврея.

— Скажи мнѣ, Гальдрингъ,—спросилъ онъ вошедшаго,—слышалъ ли ты когданибудь о перекрестахъ, тайно соблюдающихъ еврейскую религію?

— Еще бы. Какъ же мнѣ этого не знать: это давно уже всемъ извѣстно. Да, есть такіе только мы, евреи, не считаемъ ихъ настоящими своими братьями.

— И находятся такіе въ Варшавѣ? И знаешь ты когонибудь изъ нихъ?

— Разумѣется; знаю ихъ всехъ.

— Составь имъ списокъ, съ обозначеніемъ ихъ квартиръ и профессій.

Вскорѣ Гальдрингъ принесъ длиннѣйшій списокъ, на которомъ Гейбахъ съ удивленіемъ замѣтилъ почти пятую часть изъ числа именитнѣйшихъ варшавскихъ обывателей, съ чисто польскими фамиліями. Это были: почти все пивовары, торговцы лѣсомъ и владѣльцы гостинницъ; затѣмъ много докторовъ и низшихъ официалистовъ; наконецъ, все, безъ малаго, шинкари и не много ремесленниковъ. Все они были извѣстны за спокойныхъ, трудолюбивыхъ и неопороченныхъ преступленіями людей.

— Что бы я далъ, если бы добылъ доказательство.

— О, Это трудно!—отвѣчалъ Гальдрингъ.—Хотя неофиты живутъ со всеми въ ладу и даже въ пріязни, но избѣгаютъ всего того, что только можетъ выдать ихъ тайную религію.

— А не могъ ли бы кто изъ васъ пристать къ нимъ, для виду только?

— Это не такъ легко, господинъ комиссаръ, прежде всего, такой еврей долженъ принять крещеніе, а, затѣмъ, его испытываютъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока допустить до познанія тайнъ. Вотъ, уже 10 лѣтъ, какъ

они стали весьма осторожными и ничего от них нельзя узнать. Тѣмъ только и измѣняютъ себѣ, что по пятницамъ освѣщаютъ свои квартиры.

— Въ слѣдующую пятницу, вечеромъ, поѣдемъ со мною на прогулку; хочу лично убѣдиться въ справедливости сказаннаго тобою.

Въ пятницу, въ прекрасный сентябрьскій вечеръ, около 9 часовъ, Гейбахъ съ Гальдрингомъ тронулись въ путь по улицамъ Варшавы, въ наемныхъ дрожкахъ. Въ то время евреи занимали отдѣльныя улицы; туда они не поѣхали; но, за-то, на другихъ улицахъ, нашли они обширное поле для наблюденія. Квартиры настоящихъ христіанъ были темны: обитатели или спали или не возвращались еще съ прогулки, тогда какъ окна квартиръ, помѣщенныхъ въ спискѣ, неофитовъ были ярко освѣщены. Передъ однимъ изъ такихъ домовъ стояло много экипажей, а сквозь окна бальэтажа виднѣлись особы обоего пола.

— Владѣлецъ этого дома считается большимъ магнатомъ между неофитами,—сказалъ Гальдрингъ.

— Сегодня я достаточно видѣлъ, отвѣчалъ Гейбахъ. Теперь ты долженъ непременно выслѣдить домъ, въ которомъ они отбываютъ шабашъ.

Гальдрингъ обѣщалъ постараться, но постоянно повторять, что будетъ трудно.

Тѣмъ временемъ, ревностный Гейбахъ сблизился съ знаменитѣйшими неофитами. Они приняли его привѣтливо, а нѣкоторые запросили его даже на вечера, по пятницамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ всегда общество обоего пола, съ манерами и тономъ большаго свѣта. Всѣ говорили по французски, но, изъ вѣжливости, въ присутствіи Гейбаха, разговаривали по нѣмецки. Гейбаху,—вкусавшему на вечерахъ, даже у высшихъ прусскихъ чиновниковъ, пиво и бутерброды,—казалось, что онъ находится между магнатами когда, послѣ чая, лакеи разносили торты, фрукты и шампанское вино, которымъ хозяинъ провозглашалъ обыкновенно тостъ за здоровье «всемило-

стивѣйшаго короля прусскаго».—Такіе приемы до того понравились оберъ—коммисару, что, когда де Гаймъ напомнилъ ему о рапортѣ относительно секты неофитовъ, Гейбахъ отвѣчалъ ему: «господинъ президентъ, я почти увѣренъ, что все это доносъ, фальшь и чистѣйшая клевета».

Однажды зимою, вошелъ къ Гейбаху, раннимъ утромъ, Гальдрингъ и, приблизившись сказалъ ему чуть не на ухо: «одинъ изъ моихъ помощниковъ открылъ тайную синагогу неофитовъ на Данилевической улицѣ».

— Какимъ образомъ? спросилъ Гейбахъ.

— Онъ видѣлъ, какъ въ пятницу, ночью, множество франкистовъ выходило изъ необитаемаго дома съ потайными фонарями, а одинъ изъ нихъ несъ и талесъ подъ плащемъ.

— Хорошо. Въ будущую пятницу, въ 11 часовъ ночи, ты заведешь меня въ тотъ домъ.

Въ бурную декабрьскую ночь, оберъ—коммисаръ, съ шестью полицейскими, съ Гальдрингомъ и его товарищемъ стучали въ ворота небольшого дома на Данилевической улицѣ. Долго имъ пришлось ждать на морозѣ, но, наконецъ старая, будто бы заспанная, баба съ гнѣвомъ и ворчаніемъ отворила калитку и спросила чего имъ нужно.

— Ищемъ воровъ,—отвѣчалъ Гейбахъ.

— Здѣсь никто кромѣ меня не живетъ, сказала—старуха.

— Ни слова больше. Это мы сейчасъ увидимъ.

Одинъ полицейскій попридержалъ бабу, а всѣ остальные произвели самый подробный обыскъ въ домѣ и на чердакѣ, но, ровно ничего подозрительнаго не нашли. Наконецъ, кто то изъ нихъ замѣтилъ въ крошечномъ окошкѣ свѣтъ, очевидно, выходившій изъ подвала и всѣ спустились по гнилой лѣстницѣ, прислушиваясь къ крикливымъ нестройнымъ голосамъ, выходившимъ изъ глубокаго подвала. Сильный полицейскій ударомъ ноги вышибъ двери и Гейбахъ очутился въ большомъ ярко освѣщенномъ подвалѣ, сплошь наполненномъ людьми, въ

бѣлыхъ талесахъ, которые, увидавъ Гейбаха, беспорядочно бросились въ противоположный уголъ съ криками: гвалтъ, разбой, пожаръ! Нѣсколько человѣкъ, менѣе растерявшихся, набросили коверъ на большой столъ, съ лежавшими на немъ книгами.

— Смирно,—закричалъ Гейбахъ. Я королевскій оберъ-коммисаръ полиціи; отвѣчайте: кто вы такіе и что здѣсь дѣлаете?

— Молимся . . . проговорилъ кто-то, напоминавшій своимъ убранствомъ египетскаго жреца.

— Молитесь? Въ этомъ подвалѣ и въ этой одеждѣ? Почему не въ кастелѣ?

— И тамъ молимся, но, здѣсь намъ удобнѣе.

— Для чего вы одѣлись по еврейски? Развѣ вы евреи?

— Сохрани Богъ. Мы христіане и наилучшіе католики: ни одежда, ни мѣсто молитвы не составляютъ религіи.

— Какія книги вы закрыли ковромъ?

На этотъ вопросъ, нѣсколько человѣкъ бросилось къ покрывавшему столъ коврѣ, а другіе принялись быстро тушить свѣчи. Неизвѣстно, что—бы произошло въ темнатѣ, если бы полицейскіе не зажгли приготовленныхъ заранѣе факеловъ.

— Забрать эти книги,—скомандовалъ Гейбахъ.

Книги были взяты, и всѣ онѣ оказались еврейскими; нѣкоторыя были писанныя, остальные печатныя. Гальдрингъ читалъ заголовки; тамъ были: старый завѣтъ, книга Согаръ, молитвы и ритуаль согаритовъ.

— Знаю васъ теперь, господа...., отозвался Гейбахъ и велѣлъ Гольдрингу переписать всѣхъ присутствовавшихъ на молитвѣ, послѣ чего, ихъ выпускали по ночкѣ изъ подвала. Ни одного изъ фейнеберовъ тамъ не было: въ списокѣ фигурировали одни лапсердаки.

На другой день, раннимъ утромъ, Гейбахъ явился къ варшавскому губернатору, генералу Келлеру (Köhler) подаль ему списокъ франкистовъ и найденныхъ книгъ.

предлагая сдѣлать обыски въ подозрительныхъ домахъ. На все это губернаторъ не только не выразилъ ожидаемой Гейбахомъ похвалы, но цѣлое его донесеніе принялъ холодно и, подумавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Не нравится мнѣ это дѣло.... Подобнаго рода слѣдствія оскорбляютъ человѣческое достоинство и несогласуются съ краткимъ духомъ нашего правительства. Донесу обо всемъ въ Берлинъ, а, до полученія инструкции, нельзя ничего предпринимать по этому дѣлу.—

Но, вмѣсто отвѣта изъ Берлина, 28-го ноября 1806 года, Мюратъ, во главѣ авангарда побѣдоносной французской арміи, вступилъ въ Варшаву.

Пруссаки убѣжали; поляки же, вмѣстѣ съ неофитами, отъ радости чутъ не цѣловали лошадей французовъ....—

Со времени учрежденія герцогства Варшавскаго,—составленнаго изъ привислянскихъ провинцій и переданнаго Наполеономъ королю саксонскому,—для неофитовъ началась новая эпоха,—эпоха вступленія ихъ на общественную службу и пріобрѣтенія вліянія въ управленіи странюю.—

Французскій кодексъ окончательно смель послѣдніе слѣды прежнихъ шляхетскихъ привилегій, и все населеніе края, безъ различія вѣроисповѣданія, подчинилъ одному общему закону. Такія перемѣны не поражали польскую шляхту: надежды на близкое осуществленіе мечты о возстановленіи Рѣчи Посполитой, занятія государственными дѣлами, новыя идеи и неизбѣжное, при подобныхъ обстоятельствахъ, воодушевленіе,—все это вмѣстѣ не дозволяло шляхтѣ относиться критически къ своему положенію и обращать вниманіе на неофитовъ.

Наконецъ, знаменитѣйшіе изъ шляхты, занявъ высшія должности въ управленіи странюю и не будучи въ состояніи отыскать способныхъ помощниковъ изъ молодыхъ людей своего сословія,—скитавшихся съ Наполеономъ по Европѣ,—нашли въ неофитахъ самыхъ подходящихъ для себя людей и, такимъ образомъ, сами протянули имъ руки для ихъ возвышенія. Теперъ, все болѣе

и болѣе увеличивалось число молодыхъ франкистовъ не только между докторами, адвокатами, нотаріусами и профессорами, но также въ судѣ и въ административныхъ учрежденіяхъ края. Менѣе всего насчитывали ихъ въ корпусѣ офицеровъ.

Достойно вниманія то обстоятельство, что, одновременно, множество евреевъ, изъ провинцій отошедшихъ къ Россіи, приняли греко-россійскую вѣру и добивались поступить на государственную службу; то же явленіе замѣчено было и въ Австріи, но, безъ благопріятныхъ для неофитовъ послѣдствій.

Во время 8 лѣтняго существованія герцогства Варшавскаго, секта франкистовъ обратила на себя вниманіе знаменитаго въ лѣтописяхъ полиціи, министра Фушэ. Неизвѣстно, чѣмъ навлекла на себя подозрѣніе эта секта, а, быть можетъ, она показалась опасною въ политическомъ отношеніи,—только, Фуше, во чтобы ни стало, хотѣлъ раскрыть ея тайны. Съ этою цѣлью онъ началъ производить слѣдствіе,—согласно съ его методой, т. е. на широкую ногу и не жалѣя средствъ. Къ каждой болѣе выдающейся семьѣ франкистовъ былъ приставленъ особый агентъ, который, въ качествѣ друга дома, обязанъ былъ навѣщать хозяевъ и доносить обо всемъ замѣченномъ имъ въ домѣ. Потомъ уже открылось, но поздно, что какъ всѣ агенты, такъ и главный ихъ начальникъ, получавшій отъ нихъ донесенія,—были сами франкисты и, такимъ образомъ, имъ удалось надуть хитрѣйшаго изъ хитрыхъ,—Фушэ, выудить изъ него до милліона франковъ, не открывъ ничего существеннаго.

Послѣ паденія Наполеона герцогство Варшавское стало Царствомъ Польскимъ. Новая конституція не предоставляла шляхтѣ никакихъ привилегій; неофиты же не только остались на своихъ должностяхъ, но сохранили право домогаться и высшихъ ступеней въ служебной іерархіи, а сверхъ того, для нихъ былъ открытъ путь въ Имперію, гдѣ можно всего достигнуть талантомъ, и гдѣ чинъ предоставлялъ дворянское званіе. Вскорѣ, въ Царствѣ

Польскомъ, каждое правительственное учрежденіе имѣло въ своемъ составѣ франкистовъ, а польская аристократія, занявшая тогда высшія должности, терпѣла ихъ въ качествѣ своихъ подчиненныхъ, но—никогда какъ равныхъ себѣ товарищей. Привилегіи были уничтожены закономъ, но старыя представленія и понятія, остались еще въ нравахъ и обычаяхъ, поэтому, неудивительно, что аристократія съ неудовольствомъ смотрѣла на неофитовъ, пріобрѣтавшихъ помѣстья, не будучи шляхетскаго рода.

Русская полиція равнодушно смотрѣла въ то время на неофитовъ, не видя въ нихъ ничего опаснаго для государства въ политическомъ отношеніи; доносы же на сектантовъ въ отношеніи религіи полиція считала мало-важными и не находила нужнымъ производить слѣдствіе даже и тогда, когда ей попадались, въ скрываемыхъ на почтѣ письмахъ франкистовъ, подозрительныя выраженія.

Такъ въ письмѣ изъ Праги въ Варшаву, въ 1816 г., встрѣчаются слова: «мы были очень осчастливлены, два года тому назадъ, лицезрѣніемъ сына нашего дорогаго, блаженной памяти, патріарха,—князя Роха,—нынѣ полковника русскихъ войскъ; онъ навѣстилъ здѣсь своихъ вѣрныхъ друзей и молился съ нами»¹⁾. Въ письмѣ изъ Парижа, въ 1819 году: «княжна Ева пользуется наилучшимъ здоровьемъ и посылаетъ поклоны камеръ-юнкеру Воловскому и своимъ придворнымъ дамамъ». Въ другомъ письмѣ: «князь Іосифъ болѣнъ,—скорбитъ постоянно по утраченной коронѣ. Княжна Марія (дочь Евы) вышла замужъ, къ несчастію, за гойма».—

Иногда, вслѣдствіе возникавшихъ ссоръ между франкистами, появлялся между ними измѣнникъ и, какъ нѣкогда Ааронъ Брюль, открывалъ правительству тайны секты²⁾,—но все это не возбуждало даже и любопыт-

¹⁾ Объ этомъ вспоминаетъ и Петръ Бэръ, въ своемъ произведеніи.

²⁾ Въ Варшавскомъ судѣ исправительной полиціи находятся, до настоящаго времени, подобныя дѣла.—Пр. автора.—

ства ни въ правительствѣ, ни въ католическомъ духовенствѣ. —

При такомъ положеніи дѣлъ, разразилась революція 1830 года. Аристократія, лишенная уже привилегій, нашла все-таки сильное противодѣйствіе себѣ въ новой демократіи, дѣйствовавшей теперь въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ шляхетская демократія 1792 года. Франкисты, естественные противники шляхты, играли въ новой демократіи главную роль и, закулисно, стояли во главѣ ея.

Можно было видѣть тогда желтолицыхъ, съ черными глазами и волосами, людей, объявлявшихъ со столовъ въ варшавскихъ кофейняхъ (каварняхъ) войну Россіи, Пруссіи и Австріи, проповѣдывавшихъ анархію и терроризмъ; кричавшихъ «смерть аристократамъ»; возбуждавшихъ на улицахъ чернь и помѣщавшихъ въ газетахъ вздорныя разсужденія, басни и патріотическіе стихки. Все это продѣлывали неофиты. Даже «народовый ржондъ» и сеймъ подверглись вліянію франкистовъ, и одинъ изъ нихъ, бывший адвокатъ (меценасъ), получилъ званіе сенатора и кастеляна.... Несвѣдущій въ тогдашнихъ дѣлахъ, чело­вѣкъ часто ошибался, принимая крики франкистовъ за протесты поляковъ. —

По окончаніи кампаніи 1831 года, много скомпрометированныхъ неофитовъ эмигрировало во Францію, гдѣ выдавали себя за настоящихъ поляковъ. Помимо сего, они ничего не потеряли отъ конфискаціи имѣній, такъ какъ обременили ихъ, симуляціоннымъ образомъ, долгами свыше стоимости, вслѣдствіе чего тѣ имѣнія перешли въ руки кредиторовъ-единовѣрцевъ. Оставшіеся въ краѣ неофиты, хотя и скомпрометированные, сумѣли выказаться преданными правительству людьми и никто изъ нихъ не подвергся преслѣдованію. Съ удаленіемъ же польской аристократіи отъ дѣлъ и за границу, неофиты, какъ самыя способныя и бойкіе, заняли высокія мѣста, понакупили имѣній и почти замѣнили собою старую польскую аристократію. —

Обычай и статуть франкистовъ остались такими же, какими изобразилъ ихъ Езерскій на сеймѣ 1790 года, и не смотря на усвоенныя ими формы цивилизаціи, ихъ легко узнать по типу лица и по характеру, въ каждомъ обществѣ и во всякомъ костюмѣ. Деньги—ихъ главная цѣль. Въ одной Варшавѣ недвижимость имъ принадлежащая оцѣнивается, по меньшей мѣрѣ, въ нѣсколько сотъ милліоновъ злотыхъ.

Иностраннй путешественникъ, хотя бы нѣсколько изучившійчеловѣческія расы и впервые пріѣхавшій въ Варшаву, съ удивленіемъ замѣчаетъ на каждомъ шагу семитскій типъ, вмѣсто славянскаго, который онъ полагалъ встрѣтить въ Варшавѣ преобладающимъ.—

К о н е ц ъ .

X. 20 / X. 22 150

893.15

E774

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES



0043824838

